

АБИССИНЕЦ

СЕРГЕЙ НАСОНОВСКИЙ
СЕРГЕЙ ЩЕРБАТЫХ

На краю Империи (С. Насоновский\С. Щербатых)

Сергей Насоновский
Абиссинец 1889. Том 1

«Автор»

«Автор»

2026

Насоновский С.

Абиссинец 1889. Том 1 / С. Насоновский — «Автор», «Автор», 2026 — (На краю Империи (С. Насоновский\С. Щербатых))

Французский снаряд разнёс стену форта Сагалло, и вместе с каменной пылью в голову Андрея Громова ворвалась чужая война. Он был семнадцатилетним кубанским казаком. Утром 5 февраля 1889 года защищал русскую Новую Москву на берегу Красного моря. А уже к вечеру французы внесли его в список тех, кого повесят на рассвете. Чужая память бойца из будущего не делает Андрея бессмертным. Она лишь подсказывает, как держать оружие, заметить засаду и не умереть раньше времени. Чтобы вернуться домой и исполнить завет погибшего отца, ему придётся выбраться из плена и осилить дорогу на край Империи. Но сначала надо просто выжить. И не дать роду Громовых оборваться на французской верёвке. Абиссинец — приключенческий роман, основанный на реальной истории русской авантюры в Сагалло. Мы не пишем учебник истории, но стараемся бережно относиться к эпохе. Где-то события и связи могут быть изменены ради сюжета, всё-таки это АИ. Консультант по истории казаков: Павел Андреевич Чехутов

© Насоновский С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Новая Москва	5
Глава 2 .Пятнадцать смертников	11
Глава 3. Без права на ошибку	17
Глава 4. Власть меняется	21
Глава 5. Неприветливый берег	28
Глава 6. Сделка с Салехом	35
Глава 7. Десять казаков	41
Глава 8. Непокойное море	48
Глава 9. Микстура Смирнова	56
Глава 10. Родственнички	65
Глава 11. Змеиный клубок	71
Глава 12. Поворот на Восток	79
Глава 13. Знакомство с Костромой	86
Глава 14. Цена удара	94
Глава 15. Приказ по "Костроме"	101
Глава 16. Цейлонское шило	108
Г	114
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Сергей Насоновский, Сергей Щербатых

Абиссинец 1889. Том 1

Глава 1. Новая Москва

Французы уже пристрелялись по нам. Первый снаряд лег с недолетом, взметнув у стены форта каменную крошку с песком. Второй шарахнул точнее, справа от моей позиции. Пыль и песок накрыли с головой, даже на зубах захрустело. Я отпрянул от амбразуры, выругался и снова посмотрел на море.

На рейде, чуть покачиваясь в сизом дыму, стояли их корабли: крейсер «Primauguet», канонерка «Meteore» и авизо «Pingouin». Спокойно, деловито, будто сейчас они не нашу крепость ровняли с землей, а отрабатывали учебные стрельбы. От их невозмутимости и безнаказанности злость брала больше, чем от прилета снарядов.

«Все-таки решились, лягушатники»

Додумать я не успел.

Что-то тяжело ударило буквально над самой головой. Стена выдержала, а вот верхний край кладки — нет. Со скрежетом и каменным треском сверху полетел здоровенный обломок. Я только и успел вскинуть руки, как тот рухнул на меня.

Свет мигом погас.

Не знаю, сколько длилась эта темнота. Может быть миг, может, целую вечность. А потом меня будто вывернули наизнанку и зашвырнули в другое тело и другое место.

Сначала почувствовал нестерпимую жару, пыль и громкий рычащий гул.

Я уже не сидел в башне старого египетского форта, а трясся в какой-то железной повозке, несшейся по горной дороге между серых скал. Руки держали не берданку, а странное незнакомое оружие черного цвета. В ухе трещал чужой голос:

— АД, как слышишь? Глянь верхотуру на одиннадцать. Не нравится мне там

Я не управлял телом. Не мог даже пальцем шевельнуть. Но видел все его глазами и отчего-то понимал, что вокруг происходит, словно читал его мысли.

Дорога петляла, поднимаясь вверх. Впереди тянулась колонна машин. Воздух дрожал от жары. Вглядевшись в склон, я заметил силуэт в пыли, потом мелькнул еще один. У того, чьими глазами я сейчас смотрел, не было паники, лишь холодный, привычный расчет: высота - 60, сектор - 11, дистанция - 800.

— Колонне стоп — начал он говорить в рацию.

И тут впереди полыхнуло.

Переднюю машину подбросило на mine. Огненный столб ударил в небо. Со склонов по колонне открыли автоматический огонь. Женщины в старом автобусе закричали. Кто-то заорал, в наушнике, надрываясь:

— Засада! Контакт!

И вместе с этими криками, что-то вновь ударило меня. Увидел лишь белую вспышку, рассекающую тьму, «РПГ» мелькнуло в голове, и я открыл глаза, теперь уже это были мои глаза.

— Андрей! Андрей, зенки разувай!

Первая пощечина прилетела по щеке. От второй я уже распахнул глаза и жадно втянул морской воздух, вместе с пороховым дымом и каменной пылью.

Надо мной склонился отец, весь измазанный сажей. Он смотрел на меня напряженным взглядом,

— Очнулся? Вот и добре. Тогда подымайся! Стены сами себя не защитят!

Он рывком вздернул меня на ноги. Голова ужасно раскалывалась, но благо тело слушалось вполне сносно. Тут и там рвались снаряды. Французы, казалось, били по стенам Сагалло все чаще и чаще. Старый форт стонал от каждого прилета, словно был живой.

— Держи! — отец сунул мне в руки винтовку. — И папаху надень. К северной башне поспешать надо, десант скоро пойдет, встречать будем супостата.

Когда я взял оружие в руки, то едва не вздрогнул.

Берданка.

Старую добрую берданку держал так, будто я с ней родился. Не просто узнал, а почувствовал: вес, хват, ход затвора, усилие спуска. И от этого по спине пробежал холодок. Я точно знал, что еще утром так как сейчас этой винтовкой не владел.

«Чужая память, — всплыло во мне. — Та самая, из другого времени».

— Пospешай, Андрейка! — рявкнул отец.

Мы побежали через двор. Над головой свистнул еще один снаряд. Каменная крошка хлестнула по плечам. Справа кто-то тащил мешки с песком, слева монахи отливали водой, пытаясь потушить загоревшуюся кровлю. Посреди всей этой кутерьмы метался Ашинов — размахивал руками, орал, командовал, словно мог одним голосом удержать на месте и французские корабли, и наш форт, и всю эту свою безумную затею.

Из-за него мы сюда и пришли.

Николай Иванович сулил большое дело: новую казачью землю на берегу Красного моря, где все будет по нашему укладу, как в старину, новую станицу, миссию, а для России это опорный пункт на пути к Востоку. Сто с лишним душ: казаки, монахи, ремесленники, несколько семей крестьян — добрались из Одессы до этой выжженной солнцем бухты, заняли старый форт и назвали его Новой Москвой. Вчера еще здесь батюшка проводил богослужение, а сегодня французы ломают стены форта, и вместе с ними и саму мысль, о присутствии России на африканском берегу.

— Вперед! Не отставай! — Прикрикнул отец.

Мы рванули к башне. И в этот миг сверху оторвало каменный карниз. Я даже не успел понять, как начал действовать.

Просто увидел тень, поднырнул вперед и проскользнул под летящим обломком. Камень грохнул за спиной, я перекатился и вскочил уже с винтовкой в руках. Сам замер в удивлении от того, как ловко у меня это вышло. Отец глянул через плечо,

— Любо. Вот теперь вижу, не зря Грозовым уродился.

На верхнем ярусе башни было пыльно и жарко, нещадно тянуло гарью. Французские корабли стояли в дыму так близко, что уже можно было различить движение на их палубах. Между ними и берегом сновали шлюпки. Еще дальше, у самого уреза воды, мелькали синие мундиры десанта. Отец припал к бойнице.

— По лодкам работай. Не жги патрон зазря. Цель выбрал, тогда и бей. Понял ли меня?

— Понял.

Крикнул я уверенно, будто со мной такое происходит каждый день.

Я прижал приклад к плечу и мир вокруг резко изменился. Уже не было ни грохота, ни гари. Куда-то улетучился страх.

Теперь я, оцениваю дистанцию до офицера в синем мундире, стоящего на корме раскачивающейся лодки. Чужой боевой опыт вновь проявился. Он вёл меня хладнокровно по каждому этапу перед выстрелом. Глубокий вдох. Теперь возьми поправку, чуть ниже. Не спеши, теперь!

Я выбрал спусковой крючок, над ухом треснул выстрел и приклад ощутимо толкнул в плечо. Офицера в шлюпке будто дернули за невидимую нитку. Он качнулся, еще мгновение держался, а потом рухнул за борт. Не давая себе времени удивиться, я выбросил стреляную гильзу, вложил новый патрон, дослал в патронник, рукоять продольно-скользящего затвора встала на место, выбрал вторую цель и выстрелил снова. На этот раз осел гребец. Весло выле-

тело у него из рук, шлюпку развернуло, и в ней поднялась суматоха. Отец глянул на меня с одобрением.

— А ты, сынок, гляжу, вовсе не валенок в этом деле. Добре, продолжай.

Я выстрелил третий раз. Потом четвертый. С каждым патроном росла странная холодная уверенность в своих силах. Берданка лежала в руках как родная. Я видел и мог рассчитать, где лодка качнется, когда спуск нажать, кого в первую очередь валить. И чем яснее все это понимал, тем больше вопросов роилось в голове.

Это было не мое умение. Или уже мое? Черт его разберет.

— Видишь? — бросил отец, не отрываясь от бойницы. — Не просто они сюда гонят десант, не просто равняют форт с землей снарядами. Хотят, смести нас отсюда, боятся сволочи...

После его слов я вспомнил, как вчера вечером, когда над бухтой уже сгустилась тьма, мы стояли вдвоем у стены форта и смотрели на море. Отец наставлял меня:

«Казак не для того рождается, Андрей, чтобы в тишине век коротать. Наше дело жить на границах отечества, ширить и укреплять его пределы. Деды наши на Кавказе, Дальнем Востоке, в Средней Азии делу этому почитай всю жизнь посвятили, теперь наш черед».

Помолчал, глянул на рейд, на огни чужих кораблей в темноте, и заговорил тише, будто готовил меня к чему-то.

— Ты, Андрей, вот что в голове держи. Ежели здесь все сложится не так, как мы хотим, ежели Сагалло не удержим, не вздумай голову под плаху класть. Понял? Тебе тогда не геройствовать нужно будет, а выбирать.

Я усомнился, слышать такое не хотелось. Все еще казалось, что выстоим, отобьемся, а дальше, как Бог даст.

— Устоим, батя, — сказал я.

Он на это кивнул и тяжело вздохнул.

— Дай-то Бог. Но ежели прижмет по-настоящему, ищи Аркадия.

Я и раньше знал, что у отца есть родной брат, Аркадий Громов, только вот не видел его никогда. Да и в доме про него говорили мало, все больше вскользь.

— Хорошо, батя, — ответил я. — Только где его искать-то?

Отец усмехнулся.

— Сейчас он в Адене, можно сказать неподалеку. С шашкою Аркаша не бегаёт, у него служба другая. Точно не скажу, чем занимается, — придвинулся он ближе к моему уху, — но, кажись служит он при канцелярии Главного штаба. Не ведаю, как прознал, что мы тут, но восточку про Аден мне передать сумел. В ней объяснил, как его найти, запоминай, Андрюша, — сосредоточился отец.

— Идешь в аптеку Сулеймана аль Фахри, у базара она должна быть. Кажись, Фахри этот мало, но по-русски понимает. Попросишь микстуру от морской болезни по рецепту доктора Смирнова. Он ответит: «Рецепт утерян, но я помню состав». А ты должен сказать: «Главное, чтобы был имбирь», повтори.

— Аден, Аптека Сулеймана аль Фахри, микстура от морской болезни по рецепту доктора Смирнова, главное, чтобы был имбирь. — сосредоточенно сказал я.

— Добре, — выдохнул отец.

— Батя, а зачем дядя Аркадий это передал?

— А черт его знает, но думается, что узнал он что-то про нашу Новую Москву, — вздохнул отец. — Мало ли что, то его ищи, он поможет домой вернуться. Это все на крайний случай, Андрей, надеюсь знание это нам не пригодиться, но — мотнул он головой в сторону французских военных кораблей, — человек предполагает, а Бог располагает.

Отчего каждое слово отца именно сейчас всплыло в моей памяти я так и не понял.

Но воспоминания как ветром снесло, когда с моря опять ударили залпом.

Башню тряхнуло. Камень возле моей бойницы разлетелся в щепень, осколки ударили по рукаву. Я инстинктивно отпрянул в сторону.

— Жив? — рявкнул отец.

— Жив!

— Тогда работай, а не на небо пялься.

Французы уже подходили к берегу. Те, кто успел высадиться, бежали к валу, падали, стреляли, прятались за камнями. Наши били сверху довольно метко, но корабли с моря лупили все точнее и точнее, пристрелялся супостат. Еще немного и башню попросту разнесет.

Я выстрелил еще дважды. Потом еще раз. Один матрос в шлюпке согнулся пополам и ткнулся лицом в борт. Другой повалился назад, раскинув руки. Кто-то на берегу замахал, поднимая залегший десант в атаку.

И в тот момент в башню прилетело по-настоящему. Пол под ногами содрогнулся. Что-то тяжелое врезалось мне в бок. Я отлетел к стене, показалось, что на миг ослеп от пыли и оглох от гула в ушах. Где-то рядом грохотал камень, кто-то кашлял, кто-то кричал.

— Батя! — заорал я, ничего не видя вокруг.

Ответа не было.

Я поднялся на колено, нашарил винтовку и двинулся туда, где еще мгновение назад стоял отец. Стена пыли, дышать почитай нечем. Наконец я разглядел.

Отец лежал у стены, придавленный здоровенной каменной плитой. Та легла ему поперек груди и живота. Кровь уже заливала серый бешмет.

— Батя!

Я вцепился в край плиты и рванул. Раз, другой. Камень даже не дрогнул. Ладони скользили из-за пыли. Я содрал кожу, но тянул снова и снова, пока отец не перехватил меня за рукав.

— Не дури.

Голос у него был хриплый, но твердый.

— Сейчас! Я сейчас наших позову, батя! — прохрипел я. — Рыжего, Чугунова, хоть кого! Вытащим тебя, обожди чуток!

Он медленно покачал головой.

— Не вытацишь. И толку, Андрей, с того уже не будет.

Я замер.

Тогда он с трудом поднял руку к шее.

— Подмогни.

Пальцы у меня дрожали. Я наклонился, вытянул из-под его воротника крест на потертой тесемке. Тот самый, что ранее деду принадлежал.

Отец крепко сжал мою ладонь вместе с крестом.

— Вчера я тебе говорил Пока он с нами, то наш род жив. Теперь твой черед нести его.

— Батя

— Молчи и слушай. — Он втянул воздух, поморщился. — Живи, Андрей, живи по правде. Делай то, что должен, своих в обиду не давай. Род не посрами, и продолжи Слышишь! Продолжить род ты должен, иного не дано.

Я слотнул ком в горле и только кивнул.

— И про Аркадия помни, вчера про Аден тебе говорил, — выдохнул он. — Коли что, ищи дядьку, он поможет.

Я наклонился ниже.

— Голову за зря не сложи, и до дома доберись.

— Понял, батя.

— Вот и добре — Он попытался усмехнуться, да не вышло толком. — Громовы кануть в Лету не должны....

На губах отца выступила кровь. Я хотел что-то сказать, но не смог.

— Пора тебе, Андрей, выживи сынок.

Его пальцы ослабли, а затем и глаза остекленели.

Снаружи все так же грохотали французские орудия, сыпался камень, кричали люди, а я стоял на коленях возле отца и отчего-то ясно слышал, как за стеной волны бьются о берег. Закрыв ему веки, надел крест себе на шею и перекрестился.

— Господи Иисусе Христе прими душу чада Твоего казака Василия во Царствие Твое! Дай ему Боже по молитвам нашим Вечный Покой, а сродникам его — утешения! Аминь

Над головой что-то треснуло.

«Пора, Андрей».

Мне почудилось, или впрямь отцовский голос прозвучал у самого уха, но я тут же отпрянул от тела, успел сделать два шага назад, и перекрытие, с оглушительным грохотом рухнуло вниз. Не успел я проморгаться от пыли, как прилетел удар, а за ним была новая вспышка и темнота.

В себя я пришел уже от холода, даже какого-то озноба. Рядом лязгал металл, на зубах скрипел песок. Я приподнял веки и увидел двух французских солдат и серое небо.

— *Lève-le* (фр. поднимите его)! — рявкнул один из них.

Меня тряхнули сильнее. Я вывернул голову и увидел, что там, где утром стояли наши стены, теперь клубился дым. Форт был разворочен до неузнаваемости. Русского флага уже нет.

Похоже, что все. Новой Москвы нет и не будет.

Меня подтащили к развороченному причалу на берегу. Сюда похоже штыками сгоняли всех наших: казаков, крестьян, монахов, ремесленников — всех, кто уцелел после штурма. Кто-то сидел прямо на камне, кто-то стоял, шатаясь, кто-то молился, не замечая ничего вокруг.

— Живой, Андрюха?

Я моргнул и узнал Рыжего. Сема был из пластунов. Даже сейчас, с рассеченным лбом, в крови и пыли, с заплывшим глазом, в нем кипела жизнь.

— Живой покуда, — выдохнул я. — Ты как?

— А я, Громов, назло французу, жить буду.

Нас построили прямо возле разбитого причала, лицом к морю. За спиной дымился форт, качались на волне французские шлюпки и корабли на рейде. Лягушатники в мундирах ходили вдоль строя, прикладами выравнивая его.

— После двенадцатого залпа белый флаг выкинули, — глухо сказал кто-то справа от меня. — Иначе бы всех нас там упокоили под камнями.

Я повернулся к Рыжему и спросил его тихо:

— Куда нас?

Тот криво ухмыльнулся распухшими губами.

— А кто их, лягушатников, разберет? Может, в Обок. Может, прямо в море на рее повесят. Им теперь только повод найти надо.

А вот повод, похоже, им искать было не нужно. К строю вышел французский офицер — сухощавый, чистенький такой, будто не в штурме был, а в канцелярии отсиделся. На рукаве у него блеснули капитанские нашивки. К нему подскочил один из нижних чинов и бросил:

— *Mon capitaine Devereaux*. (фр. Капитан Деверо)

Рядом с этим капитаном стоял наш лекарь, Федор Анциферович Лапшин, и, увидев его, я сразу все понял. Эскулап избегал смотреть на нас. Зато бумаги из рук Деверо принял охотно.

— По решению французского командования — Начал он по-русски, и его голос слегка дрогнул. — Лица, участвовавшие в вооруженном сопротивлении, виновные в гибели французских солдат и офицеров, по решению военного суда будут казнены через повешение. Остальные после разбирательства подлежат отправке в Российскую империю.

В нашем строю никто не шелохнулся.

Капитан Деверо что-то коротко сказал. Лапшин опустил глаза в лист и начал читать имена. Первые две прошли мимо ушей. Потом я услышал свою:

— Андрей Громов.

Я поднял голову. Деверо что-то коротко спросил у Лапшина, тот, не поднимая глаз, указал на меня. Французский офицер ткнул в меня пальцем и произнес с удовлетворением:

— *Tireur confirmé. Plusieurs morts.*

— Опытный стрелок, — перевел Лапшин, все так же глядя в бумагу. — Несколько убитых.

Позади меня шумно выдохнул Трофим Колюжный, Рыжий негромко выругался. Но я, сам не зная почему, не паниковал.

Отец погиб, наш форт пал, теперь вот Лапшин продал своих. Французы уже выбрали тех, кого вздернут на рассвете. На страх времени просто не оставалось.

Когда Лапшин дочитал последнюю фамилию, капитан Деверо шагнул вперед и коротко отдал приказ. Нас, пятнадцать человек, немедля отделили от остальных и под конвоем погнали к воде. Оставшихся пленных повернули в другую сторону. А нас, судя по всему, решили вздернуть.

Похоже, что приводить приговор в исполнение прямо тут, перед монахами, бабами и уцелевшими казаками не стали, ведь ежели так сделать, то уже завтра о казни пленных русских на причале Сагалло будут говорить по всему побережью. И консулу в Обоке потом придется отвечать в Париже. Но Деверо закусил удила, если я правильно понял, то мы шлепнули его то ли друга, то ли брата, черт их разберешь. Вот он нас и собрался на рее развесить прямо в море и почитай без свидетелей.

На шлюпках нас переправили к канонерке. На борту которой белело *Météore* (Метеор). В соседней шлюпке увидел и Лапшина, которого не понятно почему отправили вместе с нами.

Мы стали забираться на палубу. Где почти сразу, помогая штыками и прикладами нас погнали в носовой кубрик, где обычно, кажется, располагались матросы.

Спускали по 2–3 человека. Я стоял в очереди у люка и видел, как внизу наших принимали два здоровых француза, которые проверяли путы на руках, подтягивали узлы и до кучи связывали ноги.

Мимо провели Лапшина, кажись боцман потащил его к другому люку, возможно в трюм. Скорее всего эта гнида нужна лягушатникам в роли толмача. Эскулап один раз поднял голову, встретился со мной взглядом и тут же отвел его.

Когда подошла моя очередь, я задержался буквально на миг и глянул туда, где за дымкой темнел берег. Там остались наши близкие, друзья и все ради чего мы шли на эту выжженую африканскую землю.

«Не для того ты мне, батя, крест деда передал, чтобы я на французской веревке болтался», — подумал я.

В этот момент меня толкнули прикладом меж лопаток. Я сделал шаг вперед и стал спускаться. Сверху кто-то рывкнул мне в догон. В темном носовом кубрике канонерки меня приняли два француза и принялись связывать ноги.

Похоже скоро нас всех вздернут. Времени, изменить ситуацию, почитай и не осталось.

Глава 2 .Пятнадцать смертников

В носовом кубрике пахло дегтем, мокрой пенькой, машинным маслом и угольной пылью, тянувшей во все щели из бункера по соседству. Но скоро к этому добавился пот, кровь и чувство неизбежности. Пятнадцать связанных смертников! Мы лежали вповалку, каждый понимал, что до петли осталось совсем немного.

Низкий потолок давил, балки нависали над головой, темнели крючья для гамаков, за бортом глухо шумело море. К вечеру оно разбушевалось, и «Метеор» шел довольно тяжело, периодически вздрагивая от ударов волн.

Руки мне туго стянули за спиной, пальцы уже начинали неметь. И тупая боль в запястьях никак не отпускала.

В правом углу, среди кучи тел, я заметил знакомую физиономию. Перемотанная, окровавленная голова Рыжего выделялась даже в полутьме.

Корабль лег на высокую волну, доски закрипели, сверху раздались тяжелые шаги.

— Семен! Рыжий! — попробовал я докричаться сквозь шум. — Ты что, решил в углу схорониться? Думаешь, там дольше проживешь?

Из темноты донесся хриплый голос:

— В углу оно поспокойнее, Андрей. Почти как в сенях на лавке, лежи себе, да помалкивай. Жаль, табачку напоследок не предвидится, — усмехнулся он. — Ты, Громов, поди, и доброго табаку-то толком не пробовал, а лягушатники, гляди, не дадут?

Я тоже хохотнул, правда чутка нервно. А потом крикнул:

— Так и я о том же, братец. Подь сюды, мысль одну обмозгуем. Решим, как помирать станем, али чего другое удумаем, что уж нам теперь!

В кубрике сразу стало тише. Люди вокруг прислушались. Даже такая дурацкая шуточно-нервная перебранка немного их взбодрила.

— Легко сказать, — прохрипел Рыжий. — Я сейчас, братишка, скорее на перекасти-поле похожу. Только и могу, что по доскам кататься.

Он подтянул колени к груди, повернулся боком и прохрипел соседу:

— Подсоби-ка, братка. Толкни так, значит, чтоб я на пузо лег.

Его сосед напрягся, толкнул плечом, и Рыжего перевернуло. Тот распластался на досках, тяжело выдохнул, как выброшенная на берег рыба, потом уперся связанными ногами и кое-как докатился до меня.

Кто-то в полутьме тихо хохотнул. Нелепо выглядел ворочающийся колбаской здоровенный пластун, ничего не скажешь. Но от этого злого юмора почему-то даже дышать стало легче.

— А ну, братец, подвинься, — прохрипел друг моему соседу. — Нам с Андрюхой поговорить надобно.

Тот, кряхтя отодвинулся, и Рыжий наконец устроился, между нами.

— Ну, говори, Громов. Чего удумал?

— Удумать-то удумал, — ответил я тихо, — а вот как моей думке ноги приделать, пока не знаю.

Он фыркнул.

— И что же, я зря тут, с пробитой башкой, кульбиты наворачивал, чтобы слушать твою ахинею?

— Погодь, Сема. Вместе оно сподручнее. Ты знаешь точно, куда это корыто курс держит?

— Кажись в Обок, но сейчас попробуем уточнить.

Он повернул голову в темноту и крикнул громко:

— Братцы! Куда эта посудина идет? Кто знает?

Из дальнего угла ответили:

— В Обок везут. На ихнюю французскую базу. Слышал от матроса, что нас караулил на палубе.

— Добре, братка, Спаси Христос! — поблагодарил Рыжий.

— Вот как я и думал, в Обок идем. Порт у них там, на Красном море.

Я сам не заметил, как начал говорить вслух:

— От нашего форта до Обока, если вдоль береговой линии, будет миль сорок с небольшим. В пути мы уже часа три, не меньше. При такой волне идти еще часов шесть, а то и все семь. Значит, они спешили с трибуналом неспроста. Хотят избавиться от нас до захода в порт. В Обоке начнутся бумаги, вопросы, консулы, и все уже может пойти не так гладко. А поквитаться за своих убитых им, видать, крепко приперло.

Рыжий некоторое время молчал, потом покосился на меня.

— Громов, а ты где это морской грамоте обучиться успел? Откуда у тебя в голове эти мили, часы и прикидки такие ученые?

Я не знал, что ответить на это, так как и сам толком не понял. Похоже опять знания из будущего помогли мне, но как об этом Рыжему сказать?

— Да это... — начал было я и замолчал.

— Андрей, — насторожился Рыжий, — ты чего?

— А? — я моргнул, будто очнулся.

— Где морской грамоте учился, спрашиваю?

Я помедлил и сказал первое, что пришло на ум:

— Когда мы из Одессы в Абиссинию шли, я вечерами с матросами сидел. Они мне о том и поведали. Но сейчас какая к черту разница? Погоди чутка, — сказал я уже тише. — Мне подумать надо.

Я закрыл глаза, пытаюсь ухватиться за ускользающую мысль, и в тот же миг в голове вспыхнули незнакомые картины.

Оружие, которого я здесь никогда не видел. Тяжелое, стреляющее без перезарядки. Люди в странной пятнистой одежде, камуфляж или цифра ее называют. Короткие команды на незнакомом языке. Горы, пыль, броневики. И четкое понимание, как ставить засаду, как правильно рассчитать время подрыва фугаса, как управлять беспилотником. И снова имя человека, поделившегося этими знаниями со мной, Андрей Добрецов.

Страньше всего было не это. Я не пугался. Я будто вспоминал то, что всегда знал, даже новые слова, которых просто не мог слышать ранее, сами собой всплывали в голове. И я точно понимал, что они означают.

Когда открыл глаза, я понял, что мысли уже не скачут, а выстраиваются в стройный порядок. Теперь я думаю не только как молодой кубанский казак, но и как тот воин из будущего, Андрей Добрецов. Может быть, это поможет мне спастись и выбраться из этой задницы?

Корабль резко качнуло. Нас бросило в сторону, веревки впились в запястья, и я, не давая себе времени на раздумье, обхватил левой ладонью большой палец правой руки и рванул сустав внутрь, меняя естественное положение кисти, чтобы выскользнуть из пут.

Боль была адская. Из груди сам собой вырвался глухой рык, но он утонул в общем гуле.

Я задышал часто и тяжело, потом начал медленно, упрямо вытягивать правую ладонь из жесткой веревки, обхватывающей запястье, чувствуя, как сдираю кожу, как окончательно немеют пальцы, как каждый рывок отдается болью.

И при этом я знал, что раньше уже делал такое, точнее не я, а Добрецов из будущего. Словно руки помнили все эти движения.

Я еще раз рванул кисть. Веревка наконец подалась. Еще усилие, вспышка боли, и правая рука выскользнула на свободу. Я глубоко вздохнул с облегчением.

Тут же привалился к стене и оставил руки за спиной, будто ничего не произошло. Никому пока не следовало знать, что я задумал. Среди наших уже нашелся предатель Лапшин. Приго-

воренные, конечно, в основном казаки, и подозревать их ой как не хочется, но лучше перебдеть. Кто его знает, может у нас тут подсадная утка имеется?

Оставалось перевести дыхание и вернуть палец на место. Вот это как раз было страшнее всего. Пока в крови гуляет адреналин, тело еще слушается. А вот сейчас будет непросто. Я знал из памяти Добрецова, что сустав назад вернуть, это самое сложное.

Стиснул зубы, ухватил вывихнутый палец и резко вернул его обратно в естественное положение.

Щелчок.

Перед глазами вспыхнули искры, я опять коротко вскрикнул.

— Андрей! Что с тобой? — испуганно спросил Рыжий. — Ты в себе или решил раньше срока Богу душу отдать?

Я повернулся к нему, сквозь слезы ухмыльнулся и прошептал:

— Придумал, что делать станем.

— А я уж мыслил... — протянул он с облегчением. — Уж больно странно ведешь себя.

И только тут я понял, что мог вслух лишних слов наговорить.

— Сема, — прошептал я, — нам нужна свара.

— В смысле?

— Много шума, бунт, если хочешь. Чтобы они сверху всполошились и полезли сюда. Надо понять, сколько их в охранении, чтобы оценить обстановку.

Рыжий медленно расплылся в улыбке.

— Я вот одного не пойму, Андрюха. Ты вроде молодой еще, а толкуешь, как матерый служака.

— Я и сам не все понимаю, — сдержанно ответил я. — Но медлить нам нельзя, не до размышлений нынче, иначе вздернут всех.

— Это верно, — шепнул он. — Добре, будет тебе свара. Помнишь, как стенка на стенку на Масленицу сходились? Тогда от пары моих оплеух у хлопцев искры из глаз летели. Правда руки связаны... Но будет тебе сейчас свара, черт ее дерит.

Он набрал в грудь воздуха и рявкнул на весь кубрик:

— Эй, братцы! А я вот все думаю: где ваша удаль? Вчерась на стенах форта в грудь себя били, клялись француза зубами рвать, а теперь что? Сопли на рукава мотаете, да с жизнью прощаетесь? Где же нынче ваша лихость казацкая? А братцы?!

В кубрике повисла тишина.

— Чего ты мелешь, дурень? — донеслось справа, довольно вызывающе.

Я сразу понял, в кого он метит. Станислав Викентьевич Домбровский был у нас человеком чужим. Он не из казаков. Родом, кажись из привислинских губерний. Ашинов его взял с собой по случаю. Он бывший конторский служащий. В Порт-Саиде, в конторе Доброфлота работал кажись.

Домбровский хорошо знал здешние воды, стоянки, лодочников, посредников разных и весь тот береговой люд, что за серебро, хоть мать родную продаст.

Когда мы в форте закрепились, то через Домбровского воду в бочках доставали, провизию, чего-то еще.

— Мелю? — издевательски протянул Рыжий. — Память вам освежаю, господин Домбровский. Не вы ли хвалились, что пулемет аглицкий выменяете и француза будете косить, словно траву. И где пулемет, Станислав Викентьевич, я вас спрашиваю? Где?

Ответили ему со злостью. Мутный тип этот Домбровский, но не из пугливых.

— Рыжий, ты бы пасть прикрыл. А то до петли не доживешь.

— О голос подал, живой, значит, — почти ласково сказал Рыжий. — А я-то думал, вы свою удаль под лавку заныкали, господин хороший.

— Заткнитесь уже, и так тошно! — Выкрикнул кто-то.

— А ты не вякай, верно, Сема про Домбровского гутарит!

Как-то быстро понеслось сразу в нескольких местах. Кто-то выругался, кто-то рванулся всем телом, связанные люди начали толкаться плечами, пинать друг друга, как могли, кататься по доскам. Корабль качнуло, и вся эта куча-мала повалилась к правому борту.

Шум поднялся такой, что его уже нельзя было принять за обычную перебранку. И похоже услышали. Сверху загрели шаги, лязгнул металл засова. Вниз крикнули по-французски и люк распахнулся.

В кубрик хлынул поток морского воздуха, и в проеме показалась дуло винтовки. Следом со скрипом начали спускать лестницу.

— Silence! (фр. Молчать)

Первый француз пошел вниз, держа револьвер на изготовке и сразу принялся растаскивать сцепившихся то и дело, помогая себе пинками:

— Assez! Recule! (фр. Хватит, назад)

Следом спустился второй. Сапоги прошлись по спинам и плечам. Кто-то взвыл, кто-то захрипел, но со связанными руками толком сопротивляться не выходило.

Третий остался на лестнице. Он держал нас под прицелом и водил стволом из стороны в сторону, готовый в любую секунду нажать на спуск.

Я же считал и прикидывал.

Один на лестнице. Двое внизу.

В тесноте они двигались осторожно, считай на ощупь, и довольно безопасно. А значит, не ждут от нас серьезного сопротивления.

Наконец французы начали пятиться назад. Первым поднялся тот, что стоял на лестнице. За ним второй. Последний поднимался уже спиной к нам, торопясь выбраться из душного кубрика.

Люк захлопнули и вновь лязгнул железный засов. Мы снова остались в темноте, смраде и тишине, только теперь к ним добавилась и озлобленность.

Я медленно выдохнул.

— Ну ты как? — прошептал я Рыжему.

— Живой, — сипло отозвался он. — А помирать в этом хлеву я точно не хочу.

— Никто не хочет, да и не придется, надеюсь, — сказал я.

— И что теперь?

Я чуть наклонился к нему, вытащил правую руку из-за спины и дважды тихо хлопнул его по плечу. Потом сразу убрал обратно.

Рыжий окаменел.

— Ты это... как? — прошептал он. — Мне померещилось?

— Не померещилось, только молчи покуда. Я и тебя скоро освобожу.

Он шумно втянул воздух.

— Андрей, да хватит с меня на сегодня чудес.

— Чудеса кончились, — ответил я. — Теперь будет самое трудное. Нужна будет еще одна замятня. Только после нее вместо лягушатников на палубу полезем уже мы.

Рыжий сразу подобрался.

— Говори.

— Станешь слева от лестницы, у самой стенки. Руки держи за спиной, ноги пусть тоже остаются, словно связаны. Когда они опять полезут разнимать буянов и начнут пятиться назад, все трое в один миг окажутся на лестнице. Ты же видал, они как раки пятились. Вот тогда и бей. Снесешь ее в сторону со всей дури, чтобы они полетели вниз. Я буду напротив, приму первых. Твое дело, опосля добить того, кто окажется ближе. Ну и потом уже, как Бог даст.

— Энто и я могу, — раздался голос справа.

Я обернулся.

В полутьме появилась массивная фигура. Урядник Федор Николаевич Чугунов был широк в плечах, как двухстворчатый шкаф, и даже связанным походил на огромную глыбу.

— Думаете, я не понял, к чему весь этот цирк? — проговорил он негромко. — Рыжий за зря глотку рвать не станет. Развязывай меня, Андрей, подмогну, не сомневайся. Рыб кормить в море желания не имею.

Рыжий едва слышно хмыкнул:

— Коль уж Федор Николаевич с нами, так, совсем лепота.

Я кивнул.

— Добре, Федор Николаевич, вы встаньте у той же стенки, слева от лестницы. Когда она рухнет, и француз посыплется вниз, сразу глушите. Мы с Рыжим с другой стороны. Так и правда шансов по боле будет. Если один из них останется сверху, то может и пальнуть из винтаря. Он в прошлый раз ствол низко спускал, и кажись там допрыгнуть можно. Если получится, Федор Николаевич то выдерните у него винтовку, не то он ей богу шмальнет.

— Добре, — коротко ответил он.

— После этого снимаем револьверы с них. Федор Николаевич, вы тихо освобождаете еще двоих, самых крепких и смышленных. Вам нужно сделать так, чтобы остальные замолкли и молча снимали путы. Сначала лезем малым числом.

— Отчего так, — спросил Рыжий.

— Чтобы не дай Бог не всполошить, — сказал я. — Наша цель взять офицера, если повезет, то капитана Деверо. Возьмем его, тогда и корабль в наших руках окажется. Без командира, надеюсь, они не станут палить, тем более в темноте, когда свои и пленные будут вперемешку.

Я на секунду прикрыл глаза. В голове снова вспыхнула картинка из чужой памяти, это был план коридоров и лестниц, расположение палуб, словно я уже ходил по таким кораблям ранее. Откуда Андрей Добрецов из будущего мог это знать, даже не представляю, но спасибо благодарен ему сейчас за такую любознательность.

— Пойдем вдоль борта через нижнюю палубу к корме, — продолжил я уже тише. — У кормовой надстройки должны быть офицерские каюты. Каюта капитана обычно ближе к штурманской, возле рубки. Коли повезет, его тихо берем.

— А с остальными что? — спросил Рыжий.

— Остальные сидят и ждут тихо, пока мы не дадим сигнал. Иначе все насмарку, шуму наделаем много, может и побьем французов не мало, но вот без их пленного капитана, результата не добьемся. Больно уж много чертей этих тут.

— Какой сигнал будет? — спросил урядник.

— Я коротко прикладом три раза ударю по люку, — сразу вставил Рыжий.

— Ну или стрельбу услышите, значит не по нашему плану пошло, тогда вылазьте с оглядкой. Если задумка провалиться, один хрен всем на нее болтаться.

— Добре, — отозвался он.

Я снова прогнал в голове весь замысел. Все держалось на внезапности. На темноте. На том, что французы нас уже записали в покойники. И все ж чего-то не хватало.

— Семен, ты со мной пойдешь? — спросил я. — Один я там могу не вытянуть, а вот твои пластунские хватки будут, кстати.

— Ясен-красен, — буркнул он. — Не на расстрел идем, а жизнь спасать.

Я кивнул, глубоко вздохнув, и тут Рыжий негромко сказал:

— Помолиться бы перед боем.

Я поднял на него глаза.

— Обожди, Сема, успеем.

— Чего? — прошептал он.

— Надо впередсмотрящего на баке обезвредить, он будет бдеть и может здорово нам навредить, шум поднять не слабый.

Он нахмурился.

— Значит, я на бак, — сказал он. — А ты к капитану?

— Да, и нам тихо проскользнуть нужно, особо если до того не нашумим. Пока они будут думать, что все еще под контролем, мы уже должны взять Деверо за горло.

Мы переглянулись.

Кажись теперь, когда все вроде бы стало ясно, меня по-настоящему накрыл какой-то мандраж. Обрывки памяти Добрецова подсказывали, что и у него такое бывало перед боем. На миг мыслями я перенесся на блокпост на Северном Кавказе, готовящийся к отражению атаки боевиков, но тут же отогнал от себя эти воспоминания. Хорош, сейчас не до этого, надо делать что задумали, а там, как Бог даст.

— Давайте сперва помолимся, братцы, — тихо сказал Чугунов.

Он перекрестился и негромко начал читать молитву, практически шепотом:

Спаси, Господи, воинов Твоих,

Укрепи нас в стане ратном,

Дай нам терпенье, дай нам стойкость,

Отврати от нас смятение.

Сохрани в стали и в огне,

Чтоб мы веры не предали,

И прими, когда настанет время,

Души тех, кто падет в поле.

Голос Чугунова все же услышали, в кубрике наступила тишина, казалось, даже шум моря отдалился от нас в этот момент.

Когда он закончил, первым подал голос Рыжий:

— По коням, братцы. Живыми нас все равно не отпустят.

Я глубоко вдохнул.

— Добре, с Богом!

Глава 3. Без права на ошибку

— Рыжий, не мельтеши, ты чего задумал? — громко подхватил я, будто и впрямь на того разозлился.

— Да то я удумал, братец, что по морскому праву нам вода положена. — выкрикнул он, — а не то я скоро засохну, аки верблюжья колючка! Не звери ж мы какие, и собак так не содержат, как нас нынче.

Со всех сторон тут же подхватили:

— Воды!

— Жрать дайте!

— Сутки не жравши, вы что ж, сволочи!

Гул быстро прокатился по кубрику нарастающей волной. Кто-то бил связанными ногами в борт. Кто-то нарочно стонал, будто при смерти. Не все хотели шуметь, кое-кто еще надеялся на французскую милость, но остановить гомон было уже невозможно. В тесном носовом кубрике стало очень шумно.

— Эй, наверху! — заорал Рыжий так, что у меня в ушах зазвенело. — Воды подай, а то сами возьмем!

Кто-то рядом подхватил:

— Дайте воды! Что мы, скотина вам какая?

— Да замолчите вы, пока нас тут всех не положили! — крикнули из дальнего угла.

Я склонил голову так, будто силы окончательно оставили меня, и, не поднимая глаз, тихо проговорил:

— Рыжий, придвинься плотнее. Спиной ко мне. Я сейчас тебя развяжу, только руки держи так, как и прежде.

Он, не прекращая рвать горло и требовать воды, медленно сместился и навалился на меня спиной, так чтобы я нащупал его запястья.

Рыжего вязали на совесть. Грубая пенька впилась в кожу. Я сделал вид, словно ерзаю от боли, и просунул пальцы. Ноготь скользнул по мокрой веревке, корабль качнуло, и я резко дернул вниз, будто просто не удержался на месте. На самом деле я пытался ослабить натяжение узла.

Кажись подалась. Один виток чуть ослаб.

— Терпи, — шепнул я.

Рыжий не ответил, только еще громче заорал про воду. Я снова нащупал узел и на этот раз нашел короткий хвостик, почти спрятанный под петлей. Поддел его ногтем, резко провернул, и петля просела. Тогда я заставил Рыжего сложить большой палец внутрь ладони, чтобы кисть стала поуже, и начал стягивать путы вниз. Сначала освободилась одна рука, потом вторая.

Рыжий не сделал ни единого лишнего движения. Так и держал руки за спиной, будто все еще связан, и лишь чуть сдвинулся в сторону, начиная перекатываться на оговоренную позицию.

— Федор Николаевич, — сказал я уже громче, — теперь вы.

Чугунов неожиданно для многих заорал так, будто и впрямь терял последние силы:

— Воды! Люди добрые, воды!

Он тяжело подвинулся и сел спиной ко мне. Его вязали еще крепче, чем Рыжего. Витки лежали ровно, узел хорошо затянут, будто французы понимали, что от него можно ждать проблем.

Я работал медленно. Сделал вид, что меня снова повело на крене, навалился на его плечи и нащупал пальцем верхний виток. Веревка резала кожу, ноготь соскальзывал с мокрой пеньки, но край узла я все же ухватил.

Корабль снова качнуло. Где-то рядом глухо стукнули сапоги по трапу, но гвалт в кубрике не стихал, и этот шум пока нас прикрывал. Я осторожно потянул за короткий конец.

Федор тихо втянул воздух сквозь зубы.

— Зажмите большой палец в ладонь, — шепнул я.

Он послушался, и я потянул петлю вниз, будто просто меняю положение рук. Один виток соскользнул, второй просел следом. Сначала выскользнула одна кисть, потом другая.

Федор оставил руки за спиной и начал растирать, не меняя выражения лица, чуть сполз в сторону, будто кто-то толкнул его в общей давке.

Теперь пришел черед ног. Веревки на щиколотках были стянуты сбоку. Рыжий первым освободился полностью.

Федор возился медленнее, аккуратнее. Я тоже поджал ноги, дело пошло быстрее. Еще движение и наконец свобода.

Принял вид изможденного пленника, сидел тяжело дыша, свесил голову.

Шум от ропота перешел в организованный гвалт. Люди били по доскам пятками, катались по полу, кричали все и разом. Корабль качнуло, несколько тел повалились к переборке, усиливая свалку.

И вот сверху загрохотали шаги. Засов резко дернули, снова лязгнул металл. Люк наконец распахнулся, выпуская к нам свежий воздух.

— Silence! Silence! (фр. Молчать) — рявкнули сверху.

— Assez! Taisez-vous! (фр. Довольно, замолчите)

Слов я толком не понимал, но смысл был ясен всем.

Начали спускать лестницу. Один солдат остался наверху, лишь свесился из люка вниз со своим стволом, как я и думал. Ну а двое полезли вниз. Я видел их сапоги, отблески от револьверов. Первый, ступив в кубрик, что-то резко выкрикнул и пнул ближайшего смертника. Второй огляделся, ответил ему и полез обратно по лестнице наверх.

Я нарочно застонал и дернулся, будто из последних сил.

— Eau! Eau! (фр. Вода) — прохрипел кто-то из наших, коверкая французское слово.

Солдат переглянулся с верхним, и попросил что-то у него. Прошло с полминуты, но шум в кубрике все не стихал. Наоборот, теперь уже все дружно орало одно и то же:

— Воды! Воды! Воды!

Вернулся тот самый француз, что раньше страховал сверху и начал осторожно слезать вниз с жестяным котелком в руках. Вода из него то и дело выплескалась на пол кубрика.

Он передал котелок товарищу и остался на середине лестницы, перехватил винтовку и теперь водил стволом из стороны в сторону.

Федор уже стоял, где надо, и теперь многое зависело от него. Я, не поднимая головы, следил за ним краем глаза и чувствовал напряжение всем телом. Один неверный рывок, и нас перестреляют тут же, не спросив, как зовут.

«А хорошо, что верхний сейчас на лестнице, а не на палубе, может и выгореть.»

Француз с котелком осторожно переступал через тела.

Пнул одного из казаков, откатившегося в середку, и поставил жестянку на пол. Котелок звякнул о доски. Он махнул рукой, мол, подползайте и пейте. Но никто из наших не двинулся.

— Ты глянь, братцы, — прохрипел кто-то, — нам, стало быть, на четвереньках к миске ползти?

— Мы не псы тебе тут, — отозвался другой, уже громче. По кубрику прокатилось глухое возмущение. Кто-то отвернулся от котелка и сплюнул в сторону, а один связанный казак выпрямился и спокойно сказал.

— Пей сам, коли охоту имеешь.

Француз фыркнул что-то на своем и пнул котелок сапогом. Вода вылилась на пол. Несколько человек невольно дернулись вперед, но тут же замерли. Самого говорливого смерт-

ника солдат ударил носком сапога, голова мотнулась, и тот откинулся навзничь, захлебываясь кровью.

В этот момент рванул Федор Николаевич. Взревев по-медвежьи, он всей своей массой навалился на приставную лестницу. Она поехала в сторону, и француз на ней, разом потерял опору, повалившись вниз. Рыжий сработал как надо. Он метнулся к ближайшему и всадил тому кулак в висок так, что лягушатник только хекнул и тут же обмяк, начав заваливаться на пол.

Я рванул к упавшему. Он уже шарил рукой по полу, пытаясь нащупать винтовку. Но я перехватил свою же веревку, накинув ему на шею, резко стал тянуть на себя, наваливаясь всем весом. Она впилась ему в горло. Француз захрипел, вцепился в удавку обеими руками, но я держал крепко. Душить насмерть не хотел. Нужно было лишь утомонить на время.

Федор тем временем катал по полу третьего. Лягушатник отбивался локтями, упирался сапогами, пытался встать, но Чугунов работал как метроном, прижимая его к доскам, вколачивая раз за разом свои пудовые кулаки в его голову и торс.

В кубрике зашумели.

— Любо!

— Бей, братцы!

— Вот тебе водица!

Казачи, еще секунду назад валявшиеся связанными, теперь лезли вперед кто на коленях, кто ползком, кто просто пытался боднуть плечом или лбом. Олег Чурилов вцепился в ноги поваленному французу, Димка Чесноков локтями пытался убрать в сторону его упавший револьвер.

Я почувствовал, как тело французского обмякло. Тогда ослабил удавку, перевернул его и быстро ткнул локтем в нос. Рядом так же молча вязали своих крестничков Рыжий с Чугуновым.

Если сейчас не удержат казаков, то они рванут наверх всей гурьбой, и на этом наше дело закончится. Я встал на одно колено и коротко бросил:

— Тихо! Не гомоните, братцы!

Ночной шторм нам помогал, волны били в борта, почти полностью съедая шум от нашей возни. Это было хорошо, но медлить все равно не стоило.

Федор первым подхватил лестницу и поставил ее на место одним движением.

— Развязываться тихо, братцы! — сказал он твердо, обращаясь к казакам. — Покуда наверх никто не полезет. Если сунетесь раньше, то все дело загубите, и утром встретимся на рее.

Он тут же присел к Фиме Колюжному, начав освобождать тому руки.

— На месте стой и не дергайся, — проговорил Федор тихо. — Услышишь три удара, тогда все и полезем. А пока вон развязывай остальных, да каждому то же передай, нам дурных голов сейчас не надобно. Понял ли?

Мы с Рыжим уже подались к люку, а Федор остался внизу, собирая людей и удерживая их от дурных идей. Корабль снова качнулся на волне. Где-то наверху вода с шумом прокатилась по палубе.

— Семен, идем наверх вместе, — шепнул я. — Впередсмотрящий на тебе, помнишь?

Он по-волчьему оскалился и спокойно двинулся за мной. Поднимались мы осторожно. Ступени были мокрые, ноги скользили.

Холодный морской воздух ударил в лицо, на миг дыхание перехватило. В свете луны можно было различить бочки на палубе, бухты каната и ящики, которые французы, видно набили трофеями из нашего форта.

Я выскользнул первым и тут же прижался к фальшборту, выбирая тень от надстройки. Рыжий выбрался следом и, не переглядываясь со мной, пошел в сторону бака, туда, где обычно стоит впередсмотрящий.

Мы двигались вдоль борта, обходя бочки и бухты канатов. Я все время держал в голове, что где-то рядом могут стоять еще двое-трое матросов с винтовками, которым достаточно одного взгляда в нашу сторону, чтобы поднять тревогу.

Рыжий не пошел в лоб. Он обошел по дуге и залег в тени бочек, откуда видел французов, на баке оказалось двое.

Они стояли у борта спиной к нам, всматриваясь в ночные воды Красного моря. Волны били в борта, корабль жалобно скрипел корпусом. В таком гуле наши шаги просто растворялись.

Я не задерживался. Мой путь лежал к кормовой надстройке. Именно там должны были быть офицерские каюты, ближе к рубке. Возьмем капитана и появится шанс захватить весь корабль. Иначе нас просто перестреляют как кутят.

Из-под двери одной из кают пробивалась тонкая полоска света. В ней мелькнула тень. Я мгновенно вжался в переборку и замер, вслушиваясь.

Шум мешал, но удалось различить уверенный командный голос. Капитан не отдыхал, а говорил с кем-то, может, со штурманом, а может, с помощником.

Позади разглядел как Сема уже подался вперед, выбирая подходящий момент для удара. И тут корабль резко качнуло, Рыжий сорвался с места всадив рукоять револьвера первому в затылок. Но пока тот оседал на палубу, его напарник вздрогнул, обернулся и замер на миг, не понимая, что происходит. А дальше сработал инстинкт и выучка. Он играючи скинул винтовку с плеча. Сема успел перехватить ее за цевье, но лягушатник все-таки нажал на спусковой крючок.

Звук выстрела разлетелся над палубой.

«Да твою ж ...»

Рыжий выбил винтовку, и повалил впередсмотрящего на спину. Приклад глухо ударился о палубу и оружие отлетело в сторону. Оба они покатались в тень. Теперь что там происходило у Семы я уже видеть не мог. Нужно было срочно выкручиваться из этой ситуации.

Голос за дверью каюты, тут же, оборвался.

Я понял, что единственный шанс на успех — это взять капитана Деверо прямо сейчас, ведь второй попытки освободиться нам попросту никто не даст.

Глава 4. Власть меняется

В каюте произошло оживление. Голос внутри оборвался, скрипнул стул, послышались быстрые шаги. Дверь распахнулась, и на пороге возник знакомый офицер, в темном кителе, с резкими чертами лица. Он сделал всего полшага вперед, пытаясь понять, откуда идет тревога. Этому мне хватило.

Свалку у двери я устраивать не собирался, а шагнул вплотную навстречу, и в следующий миг ударил его в основание челюсти, снизу вверх, вкладывая в удар вес своего тела.

Офицер охнул, его глаза на миг закатились. Не давая ему рухнуть на палубу, я подхватил того под плечи и вместе с ним ввалился обратно в каюту, захлопнув за собой дверь.

Внутри пахло табачным дымом, мокрой шерстью и каким-то одеколоном. У стола стоял еще один французский офицер, видно званием помладше. Он уже потянулся было к оружию, но я успел раньше.

Выдернув револьвер из поясной кобуры капитана, я приставил его к виску Деверо, удерживая того одной рукой, чтобы он не сполз на пол.

— Не двигаться, — сказал я по-русски.

Слова он, может, и не понял, но моя интонация другого не предполагала. Младший офицер замер. По моему взгляду он понял: если дернется, то не оставит мне выбора. А возможно просто он признал меня как одного из пятнадцати смертников.

Лягушатник поднял свои ладони, но глаза его все еще метались по каюте, ища варианты.

— Стой, — повторил я и сильнее вдавил ствол в висок капитана.

Тут снаружи послышались шаги, и дверь распахнулась. В каюту ввалился Рыжий, весь мокрый, он тяжело дышал. В его глазах смешалось бешенство и досада от того, что не удалось нормально отработать впередсмотрящих.

Он увидел меня, прижимающего ствол к виску французского офицера и второго с поднятыми ладонями. На миг замер, тряхнул головой и взглянул на меня вопросительно.

— Этому вяжи, — сказал я. — Быстро. И рот заткни чем-нибудь от греха подальше.

Рыжий не стал мешкать, схватил со стула ремень и шагнул к французу. Тот дернулся назад, но я чуть качнул пистолетом в его сторону. Пули ловить лягушатнику вовсе не хотелось, а потому он замер. Подскочивший Рыжий ударом плеча припечатал его к стене и начал сноровисто вязать, тяжело сопя при этом.

Когда капитан начал приходить в себя и дернулся, я опять вдавил ствол ему в висок. Он почувствовал холод металла и все понял. К этому времени вместе с Рыжим мы уже связали руки за его спиной.

Мы быстро оглядели каюту. У стены висела винтовка, на столе россыпью лежали патроны и кортик в ножнах, на спинке кровати висела кобура с револьвером. В углу стоял ящик, по виду точно не бельевой. Рыжий пошарил по полкам и принялся складывать на стол все найденное оружие. Привычка французского, держать все под рукой, оказалась нам в масть.

Снаружи уже слышались быстрые шаги и голоса. Рыжий выглянул, слегка приоткрыв дверь, и тут же отпрянул назад.

— Андрюха, по палубе бегут матросы. Все этот впередсмотрящий чертов! Если сейчас полезут в люк, наших в кубрике просто перестреляют.

Я посмотрел на Деверо. Тот уже очухался и дышал тяжело, но куда молчал. Понимал напряженную ситуацию, и глупо помирать не хотел.

В голове мгновенно вырисовалась задача: нужно удержать матросов и не дать лягушатникам устроить в кубрике мясорубку.

И тут же появилась вторая проблема, та, что я не учел в своем плане. Ни я ни Рыжий свободно не владели французским. Зато его точно знал Лапшин. И этот иуда сейчас мог нам пригодиться. Оставался вопрос: где найти эту сволочь?

Сквозь шум волн и топот сапог по палубе доносились тревожные выкрики на французском. Времени оставалось в обрез. Либо сейчас мы охолонем матросов, либо они начнут пальбу.

— Лапшин, — сказал я Рыжему. — Нам толмач нужен позарез.

— Он где-то внизу. В трюм кажись его спускали.

— Значит, вытащить эскулапа надо поскорей. Давай к двери.

Я кивнул, и Рыжий подтолкнул связанного капитана на выход. Тот пошел, запинаясь, ноги видать плохо его слушались после моего удара. До этого мы, конечно, вооружились всем, чем могли.

Вывалились на палубу, сразу попав под сильный дождь. Доски скользили под ногами, а море шумело, пытаясь перевернуть эту посудину.

Редкий свет из иллюминаторов выхватывал мелькавшие силуэты с винтовками. Слева возле трубы металось около десятка вооруженных французов.

Я вывел Деверо вперед, прижал его спиной к себе и упер ствол тому в висок, обхватив шею левой рукой.

— Рыжий, ко мне. Тыл страхуй.

Он подвел второго француза точно так же, только держал его за ремень, накинутый удавкой на шею.

Нас заметили, и толпа сразу ринулась в нашу сторону. Несколько солдат вскинули стволы, и в этот же миг мой узник заорал по-французски, громко, с каким-то отчаянием. Я лишь поморщился, младшему офицеру кляп Рыжий затолкал в пасть, а Деверо мы как-то проморгали.

На секунду я даже опешил. Мелькнула паршивая мысль: если сейчас этот гад отдаст команду открыть огонь, то таким самопожертвованием может развернуть ситуацию вспять.

Но это был француз, еще и капитан. Он мог ненавидеть меня сколь угодно, только вот собственной шкурой рисковать видимо не собирался.

— Назад! — рявкнул я по-русски.

Для них, наверное, мои слова прозвучали непонятно. Капитан все продолжал что-то выкрикивать, и я увидел, как матросы по одному стали опускать стволы вниз, но пальцы со спусковых крючков не убирала.

Я повернул голову к Рыжему.

— Нам нужен Лапшин. Сейчас же.

— А как ты его сюда вытащишь, когда этих тут как тараканов? — прошипел он.

Я не стал ничего мудрить, а прикрываясь пленником, двинулся к приоткрытому люку в трюм. Где громко заорал:

— Лапшин! Лапшин, пес поганый, где ты?! Лапшин! — заорал я еще раз. — Живо сюда! Через несколько секунд снизу показалась физиономия доктора.

— Лапшин! — громко сказал я.

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Вылазь, будешь толмачить, — сказал я.

Тот замешкался, видать со страху.

— Сюда, — рявкнул я. — Живо подымайся.

Он неуверенно выбрался на палубу.

— Будешь переводить, — сказал я уже спокойнее. — Если начнешь брехать, я тебя братцам казакам отдам, которым ты иуда давеча приговор зачитывал.

Эскулап сглотнул:

— Я понял.

Я подтолкнул капитана Деверо на шаг вперед, чтобы все его могли его разглядеть, а особенно револьвер у виска своего командира. Заговорил, нарочно рубя фразы, чтобы Лапшин успевал переводить:

— Передай им: винтовки положить на палубу. От люка в кубрик отойти. Иначе капитан Деверо будет убит.

Лапшин повернулся к солдатам и заговорил по-французски довольно громко.

Французы стояли полукругом и зло зыркали на меня с Семеном. Я наклонился к Лапшину.

— Повтори медленно, по словам. Чтобы каждый лягушатник услышал. И пусть делают шаг назад от люка. Пушай кладут оружие на палубу. Одно лишнее движение и я вынесу мозги Деверо.

Лапшин перевел уже увереннее. Капитан, поняв мои требования, и угрозу своей жизни, рявкнул командным голосом, но матросы отнюдь не спешили, видать и сами недолюбливали капитана. Один даже стал в меня демонстративно целиться, не обращая внимания на угрозу жизни своему командиру.

Но тут из-за спин матросов вышел лейтенант, кажись это был помощник Деверо. Нахмурившись, он, оглядев палубу, револьвер у виска капитана, Семена за моей спиной и что-то грозно рявкнул своим. Лапшин, не дожидаясь просьбы, перевел:

— Велит исполнять. Говорит, если командир сейчас погибнет, вся команда в Обоке под суд пойдет.

Стволы начали с грохотом опускаться на палубу. Не сразу и не все, но кажись процесс был запущен. Один, второй и дальше остальные просто выполняли команду капитана.

Я не дал себе расслабиться.

— Федор Николаевич! — крикнул я, стараясь, чтобы голос пробился сквозь дождь, и ветер, достигнув люка в кубрик. — Поднимай людей на палубу!

Началось движение. Показались первые головы и плечи казаков. Сам Федор Николаевич поднялся одним из первых, окинул палубу взглядом и махнул своим. Пятерка казаков тут же разошлась в стороны и стала подбирать винтовки беря под прицел французов. Офицера, которого держал Рыжий, двое наших уже приняли и отвели к люку в кубрик, из которого к тому времени выбрались оставшиеся смертники.

Я повернул голову к Чугунову, когда он громко крикнул.

— Захватываем корабль, резню не устраиваем!

Я снова кивнул Лапшину.

— Передай этому, — дернул я рукой капитана, — пусть прикажет всем на корабле сложить оружие. Всем без исключения. Убивать мы их не собираемся, уйдем и отпустим, лишней крови нам не нужно.

Лапшин перевел ему. Деверо, чуть помедлив заорал, но похоже выкрикивал именно то, что было нужно. Те, кто стоял ближе к нам, перестали метаться. Те, кто был дальше, у кормовой надстройки, тоже начали подчиняться приказам.

Один нервный было дернулся к винтовке. Чугунов шагнул к нему и двумя ударами отправил того в нокаут.

Дальше все пошло спокойно, насколько вообще может быть спокойным ночной захват корабля. Казаки вязали французов ремнями и веревками. Тех, кто пытался дергаться, вырубали и волокли к люку. В тот самый кубрик, где еще недавно сидели мы, теперь по одному спускали французов. Их было много, стало понятно, что всех туда не затолкаем. А потому двое наших полезли проверять трюм и готовить его к приему гостей.

Капитана Деверо я держал при себе. Он был нашей страховкой и главным козырем.

— Лапшин, — сказал я, — ищи рулевого, штурмана и механиков. Всех, кто знает корабль. Иначе корыто просто перевернет на очередной волне, и мы все дружно пойдём на дно. Скажи, что убивать французов мы не собираемся, если они будут слушать и делать, что велют, то скоро отпустим.

— Семен, ты его подстрахуй, — обратился я к Рыжему, стоявшему рядом.

Эскулап мотнул головой и побежал по палубе, пригибаясь от ветра, а за ним и наш здоровяк. Я двинулся к кормовой надстройке, прикрываясь капитаном. По пути отметил, что возле орудия уже стоят двое наших с винтовками, контролируют проходы.

В рубке оказалось четверо. У штурвала стоял рулевой, рядом вахтенный офицер склонился над картой, из открытой двери напряженно выглядывали два сигнальщика. Даже в начавшемся гвалте никто не бросил свой пост, понимая к чему это может привести.

Увидев связанного капитана и меня рядом с ним, все замерли. Тут же появился и Лапшин, и Рыжий за его спиной.

Я глянул на доктора и произнес:

— Рулевой остается и вахтенный офицер у штурвала. Сейчас будем менять курс, ход корабля сохраняйте прежним.

На столе лежали карты с какими-то пометками и компас. Лапшин по моей просьбе быстро нашел Обок, но, если мы сохраним курс туда, нас точно вздернут, тем паче сейчас.

— Переводи, — сказал я. — В порт Обока мы не идем. Нам нужен дикий берег, пустой пляж, где можно высадиться. Тогда мы все уйдем, а все вы останетесь живы.

Лапшин перевел. Капитан оживился и что-то добавил рулевому, приказ передали в машинное отделение. Оставалось только тупо наедаться, что они нас не дурят, ведь проверить это мы никак не могли.

Приглядывать за рулевым мы оставили Димку Чеснокова с винтовкой. А я отвел Деверо в его каюту, усадил на стул, к которому вместе с появившимся Чугуновым мы хорошенько его и примотали. У двери встали двое наших.

Лапшин все это время находился рядом. Я попросил Федора Николаевича приглядеть за капитаном и доктором и выглянул на палубу.

Дождь немного поутих, да и ветер ослаб. Шторм, что бушевал несколько часов к ряду, постепенно сходил на нет. Из тени мне на встречу вынырнул Рыжий.

— Семен, — сказал я, — нужна провизия, вода, оружие. Если все пойдет по плану, то нас высадят на пустынный берег, без жратвы, а главное без воды, тяжело будет. Возьми кого из знающих в помощь, начинайте готовить все для выгрузки.

— Куда хабар таскать?

— Каюту одну выберите и туда снесите. Фляжки для воды и вещмешки для каждого найти попытайтесь. Нужно будет все раскидать по уму.

Рыжий кивнул и ушел, а я вернулся в каюту. У стола над картами стоял Федор Николаевич, вахтенный офицер и Лапшин.

Они всматривались в береговую линию, обсуждая место высадки через доктора-толмача.

Вскоре появился Рыжий и отвел меня в соседнюю каюту. Там лежало четыре холщевых мешка и два бочонка с водой. Трое наших продолжали стаскивать сюда все, что нам могло пригодиться для выживания.

— Здесь галеты, и солонина, — сказал он, — старались брать то, что долго не испортится. Но хлопцы наши перед высадкой всех еще здесь горячим покормить обещали, уже кухарят.

— Добре.

Мы вернулись в каюту капитана и Чугунов подозвал меня, ткнув пальцем в точку на карте.

— Вот, Андрей, если довернём вот сюда и выжмем восемь узлов, то часа два, не больше. Конечно, ежели лягушатники нас за нос водить не вздумают.

Я посмотрел на Деверо. Тот, хоть и сидел привязанный, карту видел со своего места и заговорил первым, а Лапшин перевел:

— Говорит, курс держим тот, что и просили, но берег этот он знает хорошо. Тут камни и отмели, подходить придется очень осторожно. А другого пустого места рядом вроде, как и не имеется.

— Менять место не будем, нам нужен пустой берег.

Рыжий, жуя что-то всухомятку, буркнул:

— Пляж пляжем, а французы все равно скоро поймут, что их корабль пропал. Поднимут шумиху немалую.

Он поглядел на связанных пленных, и я понял, куда Сема клонит.

— И что? — тяжело спросил Федор. — Всех перерезать?

— А почему нет? С нами бы так и сделали, нас же как собак держали. Вздернули бы поутру, и также концы в воду.

— Хватит, — сказал я, — мы не за тем выбрались, чтобы зверями становиться.

Рыжий посмотрел исподлобья. Я видел, как его глаза налились кровью.

— Андрей, — сказал он, — ты сам говорил: или они нас, или мы их.

— Я говорил про бой, а не про бойню, — ответил я спокойно. — Убивать связанных, тех, кто не может никак ответить, это не по-людски. Грех такой мы на себя брать не станем.

Чугунов лишь одобрительно мне кивнул. Рыжий хотел еще поспорить, но я продолжил.

— Предлагаю такое решение. Всех французов стоняем в кубрик и в трюм, запираем, даем воды и уходим. Дальше, как сложится, на все воля Божья. Но своими руками резать их не станем, и слово данное сдержим.

Офицер, привязанный к стулу, нашего разговора скорее всего не понимал, но по тону видать почуял, о чем речь идет. Я подошел к нему и сказал спокойно:

— Живы останетесь все, как вам и обещали, если твои люди ничего дурного не выкинут.

Лапшин перевел, и капитан кивнул, глядя на меня.

Снаружи все еще было темно.

«Два часа», — подумал я.

Два часа пронесутся очень быстро. За это время нам надо было не просто доплыть, а собраться, удержать от расправы своих людей, загнать французов в кубрик и трюм, распределить припасы и приготовиться к высадке.

— Федор Николаевич, надо поговорить без этих, — мотнул я головой на Лапшина и Деверо.

Урядник кивнул, и мы вместе с ним и Рыжим отвязали Деверо от стула, а затем его и эскулапа отвели в соседнюю тесную каюту помощника капитана, оставив вместе с ними Данилу Стронько.

Я подошел к столу, снова склонясь над картой. Федор Николаевич стоял рядом, опираясь ладонью о край.

— Выход у нас теперь один, Андрей. Сначала сходим на берег неподалеку от Обока, а там найти какую посудину и надо дотянуть до Адена. В Обоке нам делать нечего. Там весь берег уже утром на уши поставят, а в Адене народу побольше, судов тоже и затеряться легче будет.

Я кивнул, соглашаясь. Только у меня была еще одна причина появиться именно там. Где-то в Адене мог быть дядя Аркадий, и если уж кто и мог нас вытащить из этой заварухи, то, это он. По крайней мере хотелось верить.

Рыжий, до того жевал галету и молча слушал нас. А тут пробубнил с набитым ртом:

— Ну да, конечно. В Адене нас, поди, с хлебом и солью встретят, прямиком у причала обнимут, мол: заходите, братцы казаки, давно вас поджидаем.

Я бросил на него взгляд и вздохнул.

— Сема не дуркуй! Нахрен мы там никому не нужны, там же англичане, только если французам выдать, вот это думаю запросто организуют. Потому расслабляться не след.

— Так я о том и толкую, — буркнул он. — Мы только в Аден войдем, как нас там же примут местные доброжелатели и за награду малую лягушатникам передадут, или британцам, хрен редьки не слаще.

— Может оно так, — почесал я затылок. — Только другого варианта покуда нет. Придется по месту решать, а там как Бог даст.

— Кажись обсудили все, давай обратно этих субчиков приволокем, авось еще чего дельного от Деверо узнать выйдет, — предложил Чугунов.

— Добре, Федор Николаевич, — сказал я, разминая плечи.

— Ну? Чего эта лягушачья морда там лопочет? — Сема повернул голову на Деверо.

Лапшин помедлил, глянул на меня, потом на Федора Николаевича.

— Говори, — сухо сказал Чугунов.

Лапшин сглотнул:

— Он говорит, что первый же патруль на этом берегу нас всех перестреляет. Что мы не успеем даже уйти в глубь берега, как нас найдут.

Капитан снова бросил несколько фраз на французском. Лапшин слушал и заметно мрачнел.

— Он предлагает... — начал он и запнулся.

— Чтобы вы его освободили, — выговорил Лапшин. — Вернули корабль под его управление и прекратили бунт. Тогда, по его словам, вас, как зачинщиков, отправят в тюрьму, а остальных помилуют и отправят в Россию. Он говорит, что лично будет за это хлопотать.

На несколько секунд в каюте повисла тишина.

Рыжий даже не сразу выругался. Он просто смотрел на Лапшина, потом на капитана Деверо.

— Это он нас сейчас купить хочет? — спросил он наконец.

— Не купить, а спасти, — произнес Лапшин.

— Спасти? — хохотнул Рыжий. — А может, это ты с ним так за свою шкуру торгуешься?

Лапшин побледнел.

— Я только перевожу его слова, как вы и просили.

— Тогда, сука, тоже только лишь толмачил, когда помогал списки смертников составлять? — начал яриться Сема.

Капитан быстро что-то залепетал. Лапшин нехотя перевел:

— Он опять говорит, что после высадки нас все равно перебьют. Если вернуть корабль, то можно договориться.

Рыжий зло усмехнулся.

— Слыхал, Андрюха? Эта сволочь нам договориться предлагает.

Он шагнул к Лапшину, вытащил револьвер и взвел курок.

— Сема, не дури, — сказал я.

Он не послушал и приставил ствол прямо ко лбу доктора.

— Скажи, Анциферович, ты нас продать решил тоже по договору с этим? — Мотнул Сема головой в сторону Деверо.

— Я никого не продавал. Меня заставили.

— Удобно, — бросил Рыжий. — Под это все можно списать.

В каюте повисло напряжение. Я понял, что Семен доведен до ручки, можно сказать планку у пластуна сорвало к чертям собачьим. Опыт Андрея Добрецова из будущего мне на это указывал четко.

Я машинально прикинул, что не успеваю его остановить. Стоит лишь дернуться и он нажмет на спуск.

Капитан снова что-то сказал, и Лапшин попробовал повернуть голову в его сторону.

— Замри, урод, — прошипел Рыжий.

Ствол уперся Лапшину в правый глаз.

— Сема, охолони, — сказал Чугунов.

— Николаевич, чего хошь делай, но эта паскуда на берег не сойдет — процедил он в ответ.

Глава 5. Неприветливый берег

— Сема! Стой, твою налево! — рявкнул Чугунов так, что в ушах зазвенело.

Рыжий встряхнул головой и опустил револьвер. Кажется, он чутка пришел в себя. Из памяти Добрецова я знал, что такое бывает с контуженными, кто его знает, может и Сема наш из этих...

Чугунов подошел и взял Рыжего за плечи двумя руками, оттерев в сторону доктора.

— Слухай сюда! Слышишь меня? — Он дождался кивка Семена и продолжил, — никто не собирается торговаться с французом. Веры им нет, капитан этот, — кивнул он на Деверо, — за что купил, за то и продаст. Но уподобляться этим сволочам мы не станем. Ей-богу, эскулап наш пулю меж глаз заслуживает, а то и две, но судьбу его не нам с тобой решать. Понял ли меня?

Семен кивнул и что-то буркнул неразборчиво в ответ.

— А еще, у нас на этом корыте в трюме и кубрике почитай три десятка лягушатников сидит, а язык их только Лапшин и разумеет. Повезло еще, что часть команды сошла на берег в десантной партии и осталась в Сагалло ставить французский флаг. А мы даже с вахтенным изъясняться не сможем, чтобы он нас к берегу подвел, понимаешь? — урядник снова дождался кивка.

— Черт бы с ним с этим доктором, но он нам покуда нужен, а когда не нужен станет, так и отпустим его на все четыре стороны, — перевел он взгляд на Лапшина, а тот в ответ закивал болванчиком.

— А ты, Федор Анциферович, понял меня? — И голос у Чугунова стал совсем ледяной, — запомни хорошенько. Ты, паскуда, успел уже дел наворотить, за что тебя к стенке, по правде, ставить нужно. Попробуй выкинь еще дурь какую или с французом сговоришься и...

Чугунов не договорил, в эту самую секунду где-то за дверью раздался выстрел, потом еще один. Сразу после него кто-то крикнул.

Федор Николаевич сорвался первым, а я выскочил следом, держа в правой револьвер. Сема остался караулить капитана и Лапшина.

На корме началась замятня промеж наших. Было тут семь человек, в середине стояли двое свинтовками. Они драли горло, про то, что французы должны ответить кровью. Благо стреляли похоже в воздух, идиоты.

Я узнал обоих сразу и прям сплюнул себе под ноги. Громче всех надрывался этот долбанный разгоряченный пшек Домбровский. А рядом с ним был запорожец Михайло Лютнибок. Я вообще не понимаю, как они спелись. По всему видать, Станислав Викентьевич Михайле мозги промыл как следует, или еще чего.

Глядя на разгоряченного Домбровского, вспомнились слухи про него. Поговаривали, что в Порт-Саиде он влез в какую-то мутную аферу. То ли на подрядных деньгах погрел руки, то ли в расходных бумагах начудил. От того-то и искал куда приткнуться, так к Ашинову и попал. Но надо сказать, что, когда в Сагалло запахло жареным, он не отсиживался за спинами, а вместе с нами встал на стены. Даже офицера какого-то, кажись, прихлопнул. Ежели было по-другому, то и на судно смертников его бы не потащили.

— Разве эти лягушатники не заслужили смерти?! — ревел Михайло, размахивая винтовкой. — Церкву и ту подпалили, сволочи! Нас вон к петле готовили! Сейчас, братцы, по одному их в море спустим, пушай рыб кормят!

Пятерка, что окружила Домбровского и Лютнибока, видать, с головою дружила, и как могла удерживала этих попутавших берега пассажиров.

— Нас вздернуть хотели! — взвился Домбровский. — Я-то думал, что вы, казаки, ни черта, ни Бога не боитесь, а вы... Отпустите палачей своих?

Федор Николаич врезался в эту кучу и его рев перекрыл крики баламутов.

— Смирно, черти! — гаркнул он. — Михайло, Станислав Викентьевич, винтовки на палубу. Сейчас же.

Домбровский насупился, глаза стали наливаться кровью, но Чугунов ждать не стал. Он шагнул вплотную и ударил щека по запястью. Винтовка лязгнула о мокрую палубу, а сам Станислав качнулся и едва не сел на задницу. Габариты с урядником были несопоставимы.

— Ты чего... — начал он, но Федор Николаевич уже взял Домбровского и Лютнибока за шиворот и притянул к себе, словно кутят. — Я вам сейчас покажу, чего, — процедил он. — Ты, Михайло, на службе, а не в шинке под Полтавой.

— Мы тут все под Богом ходим! Слышишь, шанс...! — проревел он, — дурии ваши головы, у нас появился шанс! Чтобы на рее не болтаться, а вы все испортить хотите? Нас и так по всему побережью искать станут, а коли еще и команду за борт пустить... Думайте головой своей, в нее не только есть можно!

Оба чуть притихли, но я обратил внимание, как сверкали глаза Домбровского. Чугунов в это время повел носом и, кажись, что-то учуял.

— Вы что ж, черти. Вино хлестали? — зло ощерился он. — Михайло, ты разве не ведаешь, что за это в походе бывает? Домбровский дурень не из наших, а ты-то чем думал? Под монастырь нас всех подвести решил?

Федор выпрямился и оглядел остальную пятерку.

— Слушать сюда! Командование на мне, покуда я тут нынче старший. Коли не согласные имеются, то сказывайте немедля. Мы, братцы, почитай по краю прошлись. И все еще стоим на нем, в любой момент удача отвернуться может. И вот эти, — потряс он за шивороты Лютнибока с Домбровским, — только что могли все задуманное вспять повернуть. Так что, коли на рее болтаться охочих не имеется, то впредь головою думайте!

— Дык вина нашли немного, ну и правда, спирт еще был, — подался вперед Фима Колюжный, — видать, они и добрались втихаря.

— Так, вино все к чертям собачьим за борт, а спирта пару фляг с собой припасите, нам еще по пескам шататься, мало ли раны кому обработать потребуется. Но не глотку им чистить! Понятно сказал!?

— Понятно, — нестройно отозвались казаки.

Один пнул какой-то ящик, стоящий у борта, крышка на нем съехала. В нем стояло около дюжины бутылок, похоже, с французским вином. Вздохнув, он начал вытаскивать и швырять их за борт.

— Да как ты смеешь, Чугунов, я... — взвился Домбровский.

— Молчать! — гаркнул Федор. — Видали мы уже, кто ты.

— Этих двоих связать, оружие отобрать. Фима! — сказал он и, дождавшись кивка, и продолжил: — Ты за них тепереча в ответе. Чтобы до самого схода на берег как мыши сидели! Понятно?

— Понятно, — ответил Колюжный.

Вперед шагнул Алексей Бурлаков, терец из станицы Прохладной.

— Федор Николаевич, за этих двоих балбесов будь покоен, — сказал он ровно, кивая на Михайло с щеком. — Будем пригляд держать, ты уж командуй тогда, что да как, коли и правда ты нынче здесь старшим оказался. Ты, выходит, у нас тепереча за атамана. Да, братцы! — выкрикнул он довольно громко. — Любо!?

— Любо... Любо! — раздалось уже намного бодрее.

Ну вот, кажись, и определились, это, как ни крути, вопрос важный, а то до сих пор все еще пребывали в пограничном состоянии, не понимая куда тыкаться. А сейчас под единоначалием должно быть полегче.

Вот только взгляд, которым Домбровский ожег Чугунова, когда его, перехватив бечевкой руки за спиной, повели, мне шибко не понравился.

— Добре, Алексей, тогда пригляди тут, коли так. Мы сейчас решаем по высадке, а она уже скоро. Андрей, идем, — нашел он меня глазами, — мы, если что, в каюте капитана будем, Леша, — сказал он и пошагал.

Я молча двинул за ним. В каюте все было по-прежнему, Рыжий следил за Лапшиным и Деверо. Я обратил внимание, что доктор наш мнетя, что-то сказать хочет, но не решается никак.

— Ваше благородие... то есть Федор Николаевич, не оставляйте меня на корабле. Я еще пригодиться могу.

— Пригодиться? — переспросил Рыжий с металлом в голосе. — Ты, дохтур, не перепутал ничего? Ты уже пригодился, когда нас в смертников перевел. С меня и того довольно.

Лапшин вздрогнул, но не отступил, видать, понял, что другого шанса может и не быть.

— Я не...

— Молчать, — тяжело сказал Федор Николаевич. Потом обернулся к казакам у двери. — Парни, ступайте передохните, поснедайте чего там, и узнайте, когда нас всех горячим покормят, на камбуз загляните, поторопите там. Мы покуда тут сами справимся.

— Говори, — повернул Чугунов голову на Лапшина.

Эскулап провел ладонью по лицу и заговорил торопливо.

— Поймите, братцы, я ведь рядом с этим проклятым французом оказался не по своей воле. Да, смалодушничал, того не отрицаю. Но ведь под страхом смерти смалодушничал. Не солдат я, и не казак тем более, я лекарь, людей лечу. И в экспедицию Ашинова я отправился по нужде, просто хотел денег заработать, да вернувшись в Россию свой кабинет открыть в Петербурге. Думал, в дальнем краю год-два отслужу, а там и хватит. Не знал я, что так выйдет. Не собирался... — он замолчал, склонив голову, но я не совсем до конца понял, искренне он говорит или комедию ломает.

Рыжий криво усмехнулся, хотел было что-то вставить, но Федор поднял руку, и осек его.

Лапшин сглотнул и продолжил уже по делу:

— Эти места мне знакомы, мне тут уже доводилось раньше бывать. Оттого, собственно говоря, Ашинов и взял меня в экспедицию. И знакомцы у меня тут имеются, в Обоке и в Адене есть, возможно, они помогли бы нам судно до России подыскать. Если найти еще чем заплатить, то вопрос, думается, быстрее решится.

Федор Николаевич смотрел на него все так же неподвижно, а Семен никак уговориться не мог.

— Ты глянь, как он запел, — просипел Рыжий. — Уже билеты в дорогу нам продать решил, и людишки у него тут свои есть. Федор Николаевич, да что тут слушать? Такого не с собой брать надо, а пристрелить!

— А ты бы и рад, — тихо сказал Лапшин, впервые взглянув на него прямо. — Разве, если вы меня сейчас убьете, вам с того легче станет? Берег вы не знаете, языка не знаете, а французов там хватает. Выдадите себя в первом же селении.

Рыжий шагнул к нему и уже было хотел ударить, но Федор вмиг оказался между ними.

— Охолони, Семен.

Рыжий спорить не стал и вышел в соседнюю каюту. Через миг оттуда донесся грохот ящиков, какой-то звон и отборный петровский загиб Семы, словно он на Балтийском флоте служил, а не в пластунскую команду был записан.

Вернулся он минут через десять хмурый, и высыпал на стол все, что успел нагрести: серебряную мелочевку, какой-то перстень, пару запонок, да золотые часы на цепочке, тяжелые, с потертой крышкой и гравировкой.

Рыжий подцепил часы двумя пальцами и качнул.

— Сгодится? Часы, поди, наградные, да и прочее каких-то денег стоит. Договоримся с твоим человеком? — перевел он взгляд на Лапшина.

— Только смотри, дохтур. Ежели ты нам про это сбрехал, я тебя эти хронометры съестъ заставлю и потом будешь у меня рыбам время показывать. Понятно?

Федор повел подбородком, но отчего-то осекать Сему не стал, а перевел взгляд на меня.

— А ты что скажешь, Андрей?

— Скажу так, — ответил я. — Человек сей доверия у меня не вызывает. Но если не брешет, то польза и правда может быть

Федор оперся ладонью о стол.

— А если он выведет на французский патруль? Или его же арапы нас лягушатникам продадут?

— Тогда он умрет первым, плохо умрет, — спокойно сказал я, краем глаза увидев, как доктор сглотнул. — Но покуда повода не дал, то и не стоит, авось и правда нам поможет, выбирать-то особо не из чего. А так, глядишь, и восстановит свое честное имя.

— Добре, — ответил Чугунов. — Но ты, Громов, следишь за этим прохиндеем, он на тебе будет с этой минуты. Ежели начудит что, то я с тебя спрошу.

— Хорошо, Федор Николаич! — ответил я, чуть улыбнувшись, и потер занывший палец, который совсем недавно пришлось выдергивать из сустава.

Дверь приоткрылась и нас окликнули, позвав в рубку. Сема остался с Деверо, а мы с Чугуновым, взяв доктора, пошли выяснять что случилось.

— Лапшин, что он говорит? — повернул голову на вахтенного офицера Чугунов.

Тот снял показания компаса и прикинул по карте.

— Говорит, что до земли примерно пол часа. Но пришвартоваться не выйдет. У берега камни, и, если гнать судно дальше, можно на мель сесть или пробоину занять. Придется поодаль становиться на якорь и шлюпки спускать.

Федор Николаевич не стал переспрашивать. Только коротко кивнул вахтенному и повернулся ко мне.

— Андрей, готовимся к высадке. Собираем все, что нам может понадобиться на берегу, ну и горячим всех покормить желательно перед сходом, узнай там!

— Добре, Федор Николаевич, сделаем!

На камбузе пахло подгоревшим луком и кофе. Местного кока заперли в трюм вместе с командой. Риск быть отравленными перед высадкой присутствовал, а он был нам никак не нужен. Поэтому хозяйничали здесь наши.

Олег мешал какую-то похлебку в большом котле.

— Готово уже, Андрюха, можно кормить хлопцев.

— Давай тащим на палубу, там и поснедаем, — сказал я ему, отбирая стопку железных мисок и ложек.

Ветер уже стих, и мы с нашим отрядом смертников расположились под открытым небом. Чугунов стоял у фальшборта с кружкой в руке, рядом стучали ложками Фима Колюжный, Алексей Бурлаков и Димка Чесноков. Домбровский и Михайло сидели поодаль и тоже подкреплялись перед высадкой, с миской сидел и приглядывающий за буянами Стронько. К этому времени мы их уже развязали, а они, кажись, хотя бы на какое-то время угомонились.

— Садись, Андрей, сам поснедай пока горячее, — махнул мне Федор. — Неизвестно, сколько времени придется на подножном корму перебиваться, — кивнул он головой в сторону берега.

Я присел на бухту каната. Похлебка оказалась жирной, картошки, лука и мяса Олег в нее не пожалел.

— Слушайте, братья, — начал Чугунов, не торопясь, пережевывая. — Как поснедаем, спускаем две шлюпки, грузимся в них и на берег.

— А куда потом, Федор Николаевич? — спокойно спросил Бурлаков, макая сухарь в миску.

— Нам надо уйти с этого берега поскорее, думается, как рассветет, поиски начнутся, Обок-то рядом.

Колюжный молча кивнул, не отрываясь от миски. Домбровский глянул исподлобья, но смолчал, в очередной раз я отметил его недобрый взгляд. Надо глядеть в оба за этим субчиком.

— Припасы, что здесь набрали по шлюпкам, распределим, — продолжил Федор. — Вода, сухари, солонина, фасоль та в жестянках с камбуза, по сидорам. Спирт там еще, но он для медицины, это, надеюсь, крепко усвоили? — Глянул он на Михайло, а тот, поймав его взгляд, опустил глаза.

— Понятно, — буркнул Колюжный.

— Фима, вы с Андреем оружие осмотрели уже?

— Ну винтовки-то, почитай, уже и так у каждого имеются, вот патронов запас взять нужно, — ответил я.

— Дима, вахтенный офицер и капитан на тебе, как на якорь встанем, закроем их в каюте, нехай посидят, своих дождутся, обещали живыми оставить, так и будет.

Все, поев, разбежались выполнять команды Чугунова.

Я проверил кобуру, что прихватил у капитана. В руках у меня оказался офицерский шестизарядный револьвер системы Шамело-Дельвина 1873 года, калибра одиннадцать миллиметров. Рукоять из потертого ореха, рама откидная. По всему видать, Деверо давно этот ствол пользовал, и был он в хорошем состоянии. Таких нашлось два, второй достался Рыжему, ну и по две пачки патронов на брата мы раздобыли, небогато, но что есть то есть.

Еще револьверы достались Чугунову и Колюжному, они их у старпома и вахтенного конфисковали, насколько я понял, а может и у кого-еще, какая, впрочем, разница.

Еще каждому досталось по переделанной магазинной винтовке, разработанной на основе однозарядки Кропачека. У них имелся трубчатый магазин в цевье на восемь патронов, да еще один в стволе. Калибр почти такой же, как и у револьверов, только патрон подлиннее будет.

— Кропачек, — пробормотал я под нос.

— Ась? — обернулся Фима.

— Винтовка так зовется, — сказал я, — моряки французские ее пользуют.

— Ох ты, — Фима уважительно покачал головой. — А откель знаешь?

— От матросов на переходе слышал.

Был и ящик, заполненный пачками с патронами. Все нам явно ни к чему, но вот по паре сотен на ствол решили занять.

В каюте я подобрал себе справный кожаный ранец, на два отделения, с клапанами на латунных пряжках и широкими ремнями. Сунул в него запасную рубаху, мыло в жестяной коробочке, чистое полотенце, кусок парусины на случай дождя. Туда же пошли патроны для револьвера и винтовочные. Еще нашел огарок свечи и коробку спичек, завернутый в вощеную бумагу. В боковой сунул флягу, наполнив свежей водой из графина. Попался мне и неплохой нож, жаль без ножен, потому завернул его в холстину и убрал в ранец. Еще добавил сухарей да банку каких-то консервов. Вот еще соль в банке и перец, сделал сразу смесь и приборал.

В последний момент, оглядывая каюту, решил забрать с собой карту, сложив ее туда же. Авось на берегу пригодится.

Остальным таких ранцев не досталось, но матросские сидоры набили на каждого. И фляги, благо, тоже нашлись. Хотя бы небольшой набор для выживания, а значит, и шанс выбраться из этой задницы будет у всех.

Федор поймал меня у трапа, когда я подтягивал ляжки на ранце.

— Андрей.

— Слушаю, Федор Николаич.

— Еще раз напомню, эскулап наш покуда на тебе, не забудь.

— Добре! — кивнул я ему.

Он хлопнул меня по плечу и двинул на корму. Вместе с Семой проверили, как заперт трюм и носовой кубрик, где томилась французская команда. Когда те услышали движение, то что-то заорали на своем. Но слушать их просьбы теперь было некогда, а потому лишь задраили люки, и для верности подперли их сверху тяжелыми ящиками.

Ничего похожего на беспроводной телеграф на «Метеоре» не было, да и откуда ему взяться на колониальной канонерке в 1889 году.

Звук машины изменился и по палубе прошла мелкая дрожь. Канонерка стала замедляться. Зазвенела якорная цепь, спускаясь в воду рывками. Небо на востоке уже начало сереть, до рассвета, похоже, осталось меньше часа.

— Все, братцы, — скомандовал урядник. — Пора.

Мы с Рыжим сбегали в каюту капитана, где расположили Деверо и вахтенного офицера, хорошо проверив, как те связаны. Перед выходом Сёма зацепил офицерский, кожаный планшет, который я почему-то не усмотрел.

— Вещь, — радостно произнёс Семён, — авось сгодится.

Каюту я закрыл на ключ, который бросил в ведро с водой, стоящее на палубе. Сёма на это только хмыкнул.

— Не любишь ты французов, Громов.

— Да почему, Сёма, и французы нормальные бывают, если смотреть на людей в отдельности, просто эти в данный момент нам враги, ну и в целом...

— Ай, — махнул рукой Семен. — Пошли уже!

Машина заглохла окончательно. Из машинного отделения подняли шестерых. Вахтенный механик, два машиниста, два кочегара и угольщик. Измазанные, потные, злые, но благо без оружия. Этих загнали в каюту старпома и тоже хорошенько связали. Возились с ними дольше всего: механик упирался и видать клял нас по матушке на своем, до тех пор, пока Сёма не двинул его в челюсть.

Начали спуск шлюпок, у французов хозяйство это было в полном порядке, а потому проблем процедура сия нам не доставила.

Припасы разложили примерно поровну, потом разместились и разобрали весла. Я сидел в паре с Колюжным. Рыжий восседал на соседней лавке с Лапшиным. Нехай тоже руками работает, не только языком ему молоть.

Припасов вышло прилично: бочонки с водой, мешки с сухарями, солонина, жестянки с фасолью, фляги со спиртом, полные сидоры на каждого, ну и винтовки.

Чугунов перед отплытием окинул взглядом свою и нашу шлюпки, видать, пересчитал. Всего нас было 16 человек: 15 смертников и Лапшин.

— С Богом, братцы, навались!

Мерно заскрипели уключины, «Метеор» остался за нашей спиной.

— Правее держи! — негромко, но ясно крикнул Бурлаков из первой шлюпки. — Воон к тому проходу меж камней, где темнее. Там, кажись, поглубже.

Наша шлюпка довернула вслед за первой. Чугунов стоял и пытался осматривать приближающийся берег, но было еще довольно темно и толком разглядеть не выходило.

Наконец мы достигли своей цели, с обеих шлюпок в воду сиганули по два казака и стали подтягивать их к берегу.

Я тоже выпрыгнул, встав на дно, когда воды было чуть выше колена.

— Навались!

Наконец обе посудины дружными рывками были вытащены на галечный берег. Над горизонтом уже заметно светлело, скоро и солнце покажется, а значит, нам нужно поспешать. Шагах в пятидесяти от нас шел гребень, поросший низким кустарником, а за ним начинались холмы.

— Все, братцы, — сказал Федор негромко, оглядывая нас. — Поспешаем, поклажу распределяем и двигать нужно, скоро французы очухаются, и тута будет жарко.

— Леша, возьми двоих, гляньте тропку меж кустов. Сема, Андрей займитесь распределением поклажи. Лапшин, ко мне.

Как только он это сказал, справа из-за кустов ударили три выстрела. Били пока не на поражение, словно предупреждали, но галька под ногами от попадания свинца засвистела.

Кто-то вскрикнул, я машинально пригнулся и рванул к ближайшему валуну, хватая за шиворот Лапшина.

Раздались выкрики на арабском, слов я не понимал, но по интонации стало ясно, что нам настойчиво рекомендовали бросить оружие.

Глава 6. Сделка с Салехом

— В укрытие! — рявкнул Федор Николаевич, и его голос перекрыл даже шум прибой.

К этому моменту мы с Лапшиным уже залегли за валуном. Доктор и вовсе вжался в землю, задрожав как осиновый лист. Снова раздался выстрел, и осколок камня просвистел возле моего лица.

— На землю! Не стрелять покуда! — выкрикнул урядник, он понял, что неизвестные пока не бьют по нам на поражение.

Чуть левее, шагах в десяти, из-за другого валуна донесся голос Рыжего.

— Лапшин, паскуда, ты куда нас привел?!

Ответа от доктора, впрочем, не последовало, он и сам перепугался до чертиков.

Несколько наших, не успев добраться до валунов, распластались прямо на открытом месте, кто-то, пригибаясь, пытался отползти в сторону укрытия по-пластунски.

Я повернул голову к Лапшину.

— Ну? — бросил я сквозь зубы. — Что это за черти?

Сверху, со склона, снова закричали на каком-то тарабарском, кажись, по-арабски.

— Андрей, это местные, — быстро выдохнул Лапшин, чуть приподняв голову от земли.

— Люди торговца Салеха, скорее всего. Не стреляйте в ответ, ради Бога, они тут каждый камень знают, их много, положат нас, не раздумывая, уйти тоже не выйдет.

Лапшин судорожно втянул воздух, прижимаясь щекой к камню, и заорал в сторону кустов.

— Салех! Салех! Люди Салеха! Это я! Доктор!

Потом он уже перешел на их язык, срываясь, повторяя имя торговца и еще какие-то слова, которых никто из нас не понимал.

Пули какое-то время продолжали выбивать искры из валунов и гальки, пока со стороны неизвестных не раздался крик, похожий на команду. После этого наступило затишье.

В нашу сторону снова стали кричать, и Лапшин тут же вступил с ними в диалог. Голос у него слегка подрагивал, но было видно, что языком он владеет вполне сносно.

— Что говорят? — спросил я доктора.

— Спрашивают, кто мы и зачем сюда пришли, — выдохнул он. — Говорю им, что бывал тут раньше, и Салех меня знает, даже лечил некоторых его людей. Вы, Андрей, не стреляйте только, Христа ради, и пока не делайте резких движений.

Я передал слова Лапшина остальным, и Чугунов, находящийся в укрытии саженях в десяти от меня, продублировал команду казакам. Выбора-то особенно и не было, мы находились на чужой земле, даже оценить количество нападающих толком сейчас не могли.

Сверху вновь послышались выкрики, и Лапшин перевел на меня взволнованный взгляд.

— Велят выйти, — сказал он. — Одному и с пустыми руками.

— Выйдешь медленно. И гляди у меня, ежели дернешься не туда, то я тебя сам пристрелю, — сказал я, подталкивая эскулапа в спину.

Лапшин кивнул, осторожно поднялся на колени, выпрямился и замер, видать, не был уверен, что сейчас в него стрелять не станут. Но огня по-прежнему не открывали. Тогда он сделал первый шаг от валуна, и пошел вперед, выставив открытые ладони в сторону неизвестных. Оружия-то мы ему и так не давали, с этим проблем не было.

Мы остались лежать по своим укрытиям, никто покуда не вскакивал.

Из-за кустов наверху вышел сухой, невысокий человек, с винтовкой в руках. Он двигался спокойно и уверенно. Наверное, это один из ближников того самого Салеха, о котором говорил Лапшин.

Доктор остановился напротив него, и они стали о чем-то беседовать. Слышны были лишь отрывки фраз, да и были они на арабском, а потому и толку от услышанного почитай и не было.

Тут я разглядел, что Лапшин дернулся чуть в сторону, словно после удара, и я уже было напрягся, хотел снять этого арабского переговорщика, но произошло то, чего никто не ожидал.

Местный перекинул винтовку за спину, сделал шаг к нашему доктору и обнял того за плечи, что-то весело выкрикивая в сторону своих.

— Узнали, кажись, дохтура, — крикнул мне Рыжий из-за камня. — Видать, и правда не брехал.

Лапшин и местный отошли чуть в сторону и стали быстро говорить. Доктор несколько раз ткнул рукой в сторону моря, где, покачиваясь на волнах, стояла канонерка, потом обвел рукой нас.

Местный, поглядывая сверху, что-то спрашивал у него. Я видел, что меж тем люди его расслабляться не собираются, и все так же держат нас под прицелом. Стоило Лапшину сейчас что-то не то сказать, и ситуация в миг бы переменялась. Вопрос лишь в том, решит ли эскулап нас продать или нет?

Наконец их переговоры закончились. Местный повернулся к своим и что-то выкрикнул. Я увидел, как на гребне стали подниматься фигуры в восточных халатах, стволы они держали наготове, но уже не целили в нас, что было хорошим сигналом.

Лапшин обернулся к нам и замахал рукой.

— Федор Николаевич! Подымайтесь, стрелять не будут, договорился!

Урядник, найдя меня взглядом и получив утвердительный кивок, дал команду вставать. Казаки с недоверием начали подниматься, отряхивать песок с черкесок. Кто-то поднимал слетевшую папаху. Я тоже наконец выпрямил спину, увидев, как ко мне уверенным шагом идет Федор Николаевич.

— Я тебе что сказал? — тихо, но с грозными нотками, процедил он, — чтоб ты с него глаз не сводил?

Я молчал.

— Ты на кой его к ним отпустил? — продолжал он. — Этот, — мотнул он головой на Лапшина, — продать нас мог за здорово живешь.

— Виноват, — сказал я, — действовал по обстоятельствам.

— Обстоятельства у него, — махнул он рукой.

Не стал ему перечить, урядник был, как и все во взвинченном состоянии. И теперь объяснять, почему именно такое решение я принял, не стал, время не подходящее.

— То-то и оно, — отрезал урядник. Перевел он взгляд на доктора, общающегося с местным. — Чего думаешь?

— Думаю, что можно постараться у них выторговать нашу доставку в Аден, а иначе мы тут в этих песках надолго застрять можем. Глядишь, с этим Салехом и удастся как-то договориться, — протянул я.

— Может быть, может быть... — буркнул Чугунов, — давай за мной, попробуем, — сказал он и стал подниматься к кустарнику.

Когда мы приблизились, Лапшин быстро обернулся, а местный окинул тяжелым взглядом, сперва Федора, потом меня, и радости от нашего появления в его глазах я не увидел. У него в руках я приметил однозарядную винтовку Снайдер-Энфилд.

— Представь нас, — сказал Федор Николаевич.

Лапшин заговорил на арабском, показывая поочередно на Федора, на меня, потом обвел рукой остальных наших, ожидающих развязки казаков.

— Это Хасан, — продолжил Лапшин. — Он здесь у Салеха за старшего. Говорит, что нам надо уходить с этого берега, и чем скорее, тем лучше. По уговору с французами они должны

таких, как мы, задерживать и передавать. Но так как меня знают, да и от лягушатников не в восторге, то пока готовы закрыть глаза, но времени у нас, считай, что и нет.

Федор Николаевич выслушал, потом спросил спокойно:

— Салам Алейкум, уважаемый!

— Алейкум ас-салам, — ответил тот сразу.

— Нам нужен Салех, есть к нему важный разговор.

Хасан прищурился, услышав имя хозяина этих земель, и сразу резко что-то ответил.

— Нет, — сказал Лапшин уже по-русски. — Говорит, ничего не выйдет, нам нужно благодарить их, что до сих пор нас не пленили, и уходить туда, — махнул доктор рукой в непонятном направлении вглубь африканского континента.

— Скажи ему, что дело срочное, — повторил Федор Николаевич. — Очень выгодное для Салеха.

Лапшин перевел, но Хасан даже не дал договорить до конца, на своем тарабарском обрушившись на доктора. Взгляд Лапшина при этом заметался, он уже явно жалел, что оказался переговорщиком.

— Он не хочет и слушать, — тихо сказал Лапшин. — Говорит, Салех не станет испытывать удачу и портить отношения с французами.

Я подмигнул Федору, мол, дай я попробую, дождался от него одобрительного кивка и повернулся к Хасану.

— Скажи ему, что мы не просим укрывать нас и не просим ссориться ради нас с французами. Мы всего лишь хотим предложить прибыльное дело, или Салех не купец?

Лапшин перевел, Хасан слушал его внимательно и задумался.

— Мы пришли не с пустыми руками, у нас есть чем заплатить. Возможно, уважаемый Салех сам сможет решить, интересно ли оно ему. Если нет, то мы просто уйдем и проблем вам не доставим.

Хасан что-то сказал.

— Спрашивает, сколько человек идут к Салеху, — перевел Лапшин.

— Четверо, — ответил я сразу. — Федор Николаевич, я, Семен и ты. Остальные останутся на берегу, покажите место, где можно укрыться, чтобы в случае чего уйти от французских разбродов и с моря было не видеть.

Лапшин передал, а Хасан потеревил свою бороду, еще раз окинул взглядом казаков, дожидających конца переговоров, и наконец что-то проговорил.

— Согласен на четверых, — перевел Лапшин. — Идем быстро, а остальные пусть вон в тот распадок спрячутся и ждут. Если их найдут французы, то это будут только их проблемы.

— Добре, — согласился Чугунов. — Я сейчас объясню нашим людям, что делать, и выдвигаемся.

Дождавшись перевода толмача и ответного кивка араба, Федор Николаевич спешно двинулся к нашим.

Он стал быстро объяснять Алексею, назначив того старшим в группе, что нужно сделать. Главное, припасы укрыть, ну и самим не высовываться, пока вопрос не решится.

— Так с ними у вас договориться-то получится? — спросил Рыжий.

— Ты, Семен, с нами идешь, — бросил я другу.

Тот без разговоров накинул свой сидор, повесил винтовку на плечо и встал, ожидая.

Чугунов, поняв, что его команда принята, и оглядев сборы засуетившихся казаков, повернулся к нам:

— Идем.

Мы молча вчетвером шли за Хасаном, Лапшин бросал по сторонам тревожные взгляды, все его никак не попустило еще. А я поймал себя на мысли, что по какой-то неведомой мне привычке, вероятно вбитой в свое время на подкорку Добрецовым, начинаю запоминать дорогу.

При этом сразу примечал возможные укрытия и опасные участки. К отходу в случае чего нужно быть готовым.

Тропа петляла между валунами, сухими кустами и низкими песчаными буграми. С берега моря нас уже было не видеть. Хасан шел не оборачиваясь, а его люди следили краем глаза за каждым нашим шагом.

— Лапшин, спроси, сколько еще идти, — негромко сказал Федор Николаевич.

Лапшин окликнул Хасана по-арабски. Тот ответил, не сбавляя хода, после чего поднял голову вверх и резко повел подбородком вправо. Мы машинально посмотрели туда же и только теперь заметили в кустах небольшую сторожевую вышку, собранную из жердей и веток, крыша ее была покрыта пальмовыми листьями, по всему видать.

На ней показался часовой с винтовкой. Его, если не приглядываться, было почти не видно, он практически сливался с сухой листвой. Хасан что-то крикнул ему, тот ответил, и мы пошли дальше. Теперь стало понятно, как вычислили нашу высадку на берег.

— Еще минут двадцать, — перевел Лапшин. — Хасан просит, чтобы мы особо по сторонам головами не вертели, оно вроде как нам ни к чему.

Минут через десять тропа пошла между двумя скальными выступами, потом свернула к сухому руслу, и уже там впереди наконец показалось жилье. Это были какие-то строения, обнесенные довольно высокой глинобитной стеной. Крыши у всех сооружений были плоские, на них сверху виднелись циновки и связки чего-то непонятного.

У ворот нас уже встречали. Двое с ружьями стояли под навесом, еще один сидел прямоком у створок. Хасан быстро что-то им сказал и прошел дальше.

Нас впустили внутрь, настороженно разглядывая. В тени двора увидел еще двоих людей с оружием в руках, которые при нашем появлении тут же выпрямились.

Лапшин быстро поправил складки на своей рубашке, ладонью постарался расправить волосы на голове.

Из тени под навесом вышел сухощавый немолодой мужчина с жестким волевым лицом, густой черной бородой, чуть тронутой сединой. Одет он был в чистую простую одежду, которая между тем выглядела очень опрятно и добротно.

— Салам Алейкум, Салех! — почти радостно воскликнул Лапшин и шагнул вперед.

— Алейкум ас-салам!

Тот узнал его сразу. Показалось, что на лице его даже мелькнула тень улыбки. Он ответил Лапшину, и обвел взглядом меня с Чугуновым и Рыжим, после чего повернулся к доктору, задав какой-то вопрос.

Лапшин перевел не сразу. Видно было, что подбирает слова, думая, как смягчить, но Салех, поняв его намерения, добавил еще пару резких фраз. Лапшин слотнул при этом, а хозяин дома заговорил с Хасаном, махнув рукой в сторону.

— Что он говорит? — спросил Федор Николаевич у доктора.

— Говорит, чтоб вас сейчас же вывели со двора. Французы и так злые, а если увидят, что у него на берегу с беглыми дела имеются, то беда будет уже не только у нас, но и у его семьи. Велит нам уходить.

Федор Николаевич шагнул вперед.

— Скажи ему, что нам нужна помощь.

Лапшин перевел, но Салех даже не дослушал до конца. Он снова обратился к Хасану и к самому Лапшину, уже настойчивее прежнего. Я заметил, как люди, по-видимому охрана во дворе, напряглись и изготвились.

Федор Николаевич собирался сказать что-то еще, но я, уловив это, тронул урядника за рукав. Мысль, что нужно было сейчас говорить, подсказала мне память Андрея Добрецова. Я шагнул ближе к Федору и шепнул ему на ухо:

— Скажите ему «дахиль-ак».

Федор Николаевич покосился на меня вопросительно.

— Так надо.

Он помолчал один миг, потом шагнул вперед и, глядя прямо Салеху в глаза, произнес:

— Дахиль-ак.

Салех, расслышав знакомые слова от урядника, на мгновение замер и стал более внимательно нас разглядывать. Он переводил взгляд с меня на Федора и, как мне показалось, раздражение от нашего визита постепенно сменялось настороженным удивлением.

Я знал из доставшейся мне памяти, что это не просьба и не угроза, а некая формула обычного права. Она исходит из бедуинской традиции дахилия, которая действовала в Йемене и Африканском Роге. И купец или хозяин, отказавший «дахиллю», потеряет лицо. Люди здесь живут репутацией, и на Салехе это, по моему разумению, тоже должно сработать.

Федор Николаевич повторил уже медленнее:

— Дахиль-ак, Салех, выслушай нас, а потом и решение примешь, если не договоримся, то мы уйдем.

Лапшин перевел, и хозяин дома махнул рукой.

— Говорит, пройдем в дом, — перевел Лапшин и сам, кажется, не сразу поверил в то, что нас не выставили за ворота.

Когда мы прошли под навес, я сразу придвинулся ближе к Федору Николаевичу и тихо, наспех, пока никто не вслушивался в русскую речь, выдал то, что успел придумать:

— Говорите ему не про нас, а лучше про канонерку, про оружие и припасы на ней. Можно быстро снять груз, пока ее не нашли лягушатники. При случае можно все свалить на нас, а приварок останется Салеху... Должно сработать, Федор Николаевич.

Тот только заметно кивнул, и я понял, что покуда лезть в разговор не стоит.

Внутри было гораздо прохладнее, чем во дворе. Мы сели возле стены на ковры, расстеленные на земле. Нам принесли чай. Салех некоторое время просто смотрел и о чем-то напряженно думал.

Первый заговорил Федор Николаевич.

Сначала коротко рассказал, кто мы и откуда, потом так же коротко обрисовал французское судно, людей на нем, оружие, захваченные ими ящики из Сагалло и то, что времени у нас мало, потому что французы скоро поймут о пропаже канонерки, да и запертый экипаж может как-нибудь сам освободиться.

Он стал предлагать Салеху обычную сделку. Мы помогаем снять с канонерки все ценное, что ему приглянется. А Салех за это нам поможет добраться до Адена. Когда появятся французы и найдут «вычищенное» судно с командой и спросят его, то он свалит все на казаков, что, загрузив шлюпки, ушли морем, ну или что-то вроде того. Можно еще приплести, что много чего покидали за борт со злости. Нехай французы на дне свое добро разыскивают.

Салех слушал и не перебивал. Иногда что-то коротко спрашивал, уточняя число людей, сколько оружия, в каком состоянии канонерка, и не смогут ли его людей приметить французы, запертые на борту.

— Он говорит так, — переводил Лапшин, едва поспевая. — Он даст нам самбук со своими людьми, и на нем под парусом можно будет дойти до Адена, а его людям вернуться обратно. Груз при этом нужно тоже погрузить на самбук, уже на месте его люди сами с ним решать станут, то не нашего ума дело.

Разговор закончился, Салех глянул на нас, видать, поняв, что времени на восточное гостеприимство, которым хорошо бы было сделку скрепить просто, не осталось. Он отдал несколько распоряжений своим людям, и во дворе все пришло в движение. Мозги у этого араба работали как надо, он прекрасно сознавал, что нужно поторопиться, пока не показались французские корабли или, что менее вероятно, разъезды.

— Сейчас идем обратно. Мы должны будем на шлюпках вернуться на канонерку и начать готовить груз с Хасаном, тот будет следить и выбирать. Самбук подгонят сразу к борту.

— Щедрый купец, — пробурчал Сема. — И нам поможет и про приварок не запомнит. Я промолчал.

Хасан махнул нам к выходу, и мы спешно вышли сначала во двор, а там и за ворота. Хасан уже гораздо шустрее семенил в сторону берега, мы от него старались не отставать.

Чугунов на ходу тронул меня за плечо и негромко спросил:

— Андрюха, а кто такой Дахияк ...?

Глава 7. Десять казаков

Конечно, объяснить Чугунову, что про «Дахиль-ак» я узнал из памяти, доставшейся мне от человека из будущего, я никак не мог. А потому пришлось сочинять буквально на ходу.

— Слышал еще у форта, — тихо ответил я, не сбавляя шагу. — Кто-то из наших рассказывал, толком и не упомню. У местных это вроде как просьба о защите. Когда человек в беде, то это работает, как последний аргумент, чтобы тебя сперва выслушали, а уже потом принимали решение. Кажись примерно так.

Федор Николаевич покосился на меня, но комментировать не стал.

Не прошли мы и пяти минут, как один из людей Хасана, до того шедший позади и чуть выше по склону, вдруг вынырнул из кустов и быстро заговорил с ним по-арабски. Хасан остановился, вскинул голову и напряженно огляделся.

— Что там? — спросил Федор Николаевич.

Лапшин быстро перевел услышанное:

— Сзади по тропе идут двое французов, видать пеший патруль. Еще немного, и выйдут на наш след.

Хасан резко добавил что-то от себя. По тону было ясно, что дело дрянь.

— Он говорит, надо уходить быстрее, — сказал Лапшин. — Иначе нас засекут.

Я в ответ покачал головой.

— Поздно уважаемый, Хасан. Если они выйдут на наш след, то поймут, куда мы направились. И тогда нужно будет ждать уже не двоих французов, а целое отделение или больше.

Чугунов глянул на араба и спросил:

— Сколько до них?

— Совсем близко, — перевел Лапшин. — Минуты две, много три.

Я посмотрел на урядника.

— Надо решать с ними. Мы с Семей останемся, а потом вас нагоним. — Я перевел взгляд на друга, сразу получив его кивок и согласие.

— Он против, — перевел Лапшин. — Говорит, лишняя кровь возле тропы ему не нужна.

— Скажи уважаемому Хасану, — проговорил я, — что если эти двое увидят нас и успеют вернуться к своим, то беда придет уже не только на тропу, но и в дом Салеха.

Наш толмач заговорил, а Хасан, выслушав, прищурился и что-то коротко ему бросил.

— Только если не стрелять, — перевел Лапшин.

— Добре, управимся, — пожал я плечами.

По приказу Хасана один его человек остался с нами, и мы направились устраивать засаду на патруль. Прошли чутка дальше, до сухого русла, где земля была высушена до твердой корки, и если двигаться с умом, то шаг практически не слышен.

— Ну что, Андрюха, готов? — пробормотал Рыжий, перехватывая нож.

— Ну, а что нам остается, братец? — пожал я плечами, — на войне, как на войне.

Мы схоронились в узком месте, здесь тропа сжималась меж здоровым валуном и колючим кустарником.

Ждать пришлось недолго. Сначала донеслись тихие голоса, потом топот сапог по камням, двое определенно приближались к нам. Один был в синем кителе с винтовкой за спиной, второй пониже с кобурой на поясе. Двигались они спокойно, переговариваясь между собой, по сторонам глядели, но довольно посредственно.

Мы выскочили из-за валуна, как только те поравнялись с нами. Я влетел в ближайшего сходу, рванув того за шиворот назад, вонзая нож в шею, стараясь перехватить при этом сонную

артерию. Сема почитай синхронно со мной справился со вторым. Винтовка упала на камни жалобно звякнув.

После того, как мне пришлось перерезать горло патрульному, на меня накатило. Вроде недавно стоя на стенах нашего форта, я положил больше десятка французов, а вот сейчас, когда пришлось ликвидировать ножом... Ближний бой — это совсем другое, в том числе из памяти Добрецова знаю о том прекрасно.

— Андрюх, ты как? — спросил меня друг, похлопав по спине.

— Нормально.

Я отдышался и посмотрел на оставленные нами следы. Выходило, что если патруль начнут искать, то могут по ним прийти к берегу. А потому нужно было хотя бы на время постараться отдалить момент встречи с превосходящими силами противника.

Все это время человек Хасана двигался за нами словно тень. Языка его я не разумел, потому просто махнул рукой, и он сразу подбежал к нам. Как мог я объяснить, что надо бы спрятать тела. Не сразу, но тот меня понял, и мы, вместе ухватив их за руки и ноги, чтобы следов волочения на земле не оставалось, оттащили в небольшую яму.

Не Бог весть как спрятали, но хотя бы что-то. Следы крови на земле тоже как мог затер ногами, потом еще и ветками это дело замел хорошенько.

С патруля мы сняли револьвер в кобуре и винтовку Лебеля образца 1886 года также с трубчатым магазином, калибром 8 мм. Она была на порядок лучше, чем переделка однозарядки Кропачека. Здесь к тому же еще и патрон на бездымном порохе, коих в солдатском ранце нашлось около семи десятков.

Мы поспешили в сторону берега, сделав при этом небольшую петлю, сбивая след таким образом. Если люди Хасана зевать не станут, то от тел этих они избавятся, им же лучше, если на их территории не будет трупов французов.

— Андрей, — бросил Сема на бегу, тяжело дыша, — а в Адене с чего начнем?

— Сначала просто тихо сойдем, — ответил я на бегу. — Найдем, где приткнуться и станем искать русские суда, или хотя бы не французские, что идут к нам домой.

— А Салех?

— А что Салех? Он просто торговец. Тут, Сема, почитай все торговцы такие со своими отрядами, иначе не выжить. Остается только надеяться, что люди его нас до Адена доставят, а не пришвартуют свой самбу..., самбук... Твою за ногу, что за слово такое!?

— Ась? — немного запыхавшись спросил Рыжий.

— Говорю, главное, чтобы свою посудину они к французскому крейсеру не пришвартовали.

— А... это да!

Дальше бежали молча и уже скоро добрались до последней гряды, за которой был тот самый распадок, где должны находиться наши. Но, взобравшись, мы резко затормозили. Кажись здесь что-то пошло не так.

В глаза сразу бросилась неприглядная картина. Наши припасы, собранные на канонерке, валялись как попало, и было их явно меньше, чем мы перевезли на шлюпках.

Пара мешков просто валяется, видно, что из одного в спешке набирали сухари, часть рассыпав прям на песок. Бочонок с водой вижу только один, а было их несколько, вон ящик с консервированной фасолью кто-то распотрошил. Я разглядел и действующие лица.

Хасан стоял с винтовкой посреди нашей временной ухоронки. Двое его стрелков держали на прицеле подступы к кустам, еще двое, поднявшись выше, вертели головами по сторонам, нас заметили, но, узнав, внимания не обратили.

Вон Федор Николаевич и Лапшин подле него. А чуть в стороне, привалившись плечом к большому плоскому камню, сидит Алексей Бурлаков. Чугунов протянул ему флягу с водой,

к которой он жадно припал. Еще под глазом у него, кажись, набухал синяк, и губа была рас-сечена.

Мы спустились в распадок. Хасан заговорил сейчас быстрее привычного, с напором, ткнул рукой сперва в разворошенный лагерь, потом на Алексея. А наш доктор сразу начал толмачить.

— Он говорит, тут будто пираты прошли. Где остальные ваши люди?

Федор Николаевич стоял и ждал, пока Леха напьется воды и вопросительно глянул на него. На нем сейчас, собственно говоря, все взгляды-то и скрестились.

Он провел языком по разбитой губе, сплюнув кровь в песок.

— Как вы ушли, мы сперва припасы притащили в распадок, быстро управились, — начал он сходу. — Наблюдателей расставили. Домбровский с Михайло особо не дергались, сели поодаль, в тени, сухари тихо жевали. Я уж было подумал, что после их выверта на канонерке, они за ум взялись.

Чугунов хмуро помотал головой, вздохнул, но не перебивал.

Лапшин почти шепотом переводил Хасану, а тот слушал, чуть наклонив голову.

— Сидели мы так час, — продолжил Алексей. — Потом и еще может полчаса прошло. Михайло несколько раз справлялся, мол, «а где Федор Николаич наш? Уже, давно бы пора воротиться». Я цыкнул на него, и тот замолчал ненадолго.

— Потом Фима с гряды слез. «Леша, — говорит, — идут по нашей тропе. Вдалеке, не разберу, трое или четверо. Хасановы люди, кажись. Только самого его что-то не вижу, а уж Федора Николаевича с Лапшиным и подавно».

Я про себя ругнулся. Конечно, Хасана Фима разглядеть не мог: впереди чуть раньше пошло пять человек передовым дозором, мало ли французы встретятся. А потом мы еще задержались, когда договаривались, как с патрулем вопрос решать.

— Михайло сразу подскочил ко мне, — продолжал Алексей. — «Отпусти, — говорит, — Леша, гляну, отползу подальше да поднимусь повыше. Глаз у меня, сам знаешь, наметанный», а я...

Махнул он рукой, глубоко вздохнув.

— Дурного ничего не почувствовал, да и Олег Чурилов ему поддакнул. А за ним сразу и Домбровский увязался, словно на привязи. Вот оба и ушли с моего попустительства.

Он снова сплюнул.

— Вернулись быстро, запыхавшиеся, ну и Михайло с гряды еще кричит: «Братцы, беда! Лапшин идет, один, и арабов два десятка ведет при оружии, мол, ни Федора Николаевича, ни Андрея, ни Рыжего среди них не видать. Выходит, Чугунова уже «повязали», а нас Лапшин-собака продал, и теперь наш черед пришел».

Сема рядом со мной глухо выругался сквозь зубы.

— Я ему: «Врешь, — говорю. — Веры вам с Домбровским нет никакой». А он мне: «Коли не веришь, то беги да погляди сам, ежели время есть, только вот нет его уже, Леша. Лапшин нас в Сагалло продал и тут сдал с потрохами, зря ему Чугунов поверил». И начал Лютнибок всех тормошить. «Давай, давай, собирайтесь, коли снова к французам не хотите, нас нынче за капитана да команду запертую точно вздернут».

— Неужто послушали? — тихо спросил Федор Николаевич.

Алексей тяжело вздохнул.

— Федор Николаевич, ты пойми, как было дело. Сидели мы в этой яме полтора часа. У всех на языке одно: где наши, придут ли французы? А тут запорожец свой как-никак, на стенах в Сагалло плечом к плечу стоял, вон Фиму Колюжного вытащил из-под обломков. А Домбровский вовсе ни слова не проронил, понял зараза, что его голос только во вред пойдет. И выходит у людей так: Лапшин с арабами идет, а тебя Федор Николаич с хлопцами не видать. Я-то, конечно, не поверил, но вот остальные...

Он махнул рукой.

— Михайло смекнул, куда дело идет. Собрал всех и предложил руки поднять, кто за то, чтобы ноги уносить, а кто чтобы в петле болтаться. Ну и начали подымать руки первым сам Михайло, потом Домбровский, значится, ну и дальше покатилося по одному. Стронько помялся, глаза в землю увел, но руку тоже поднял. Вот и Фима Коложный последний остался, не знал, что и делать, предложил было идти вам на выручку, но куда там?

— Я уж было думал, хоть с ним вдвоем переубедить казаков сможем. А тут Трофим, дядька его родной, гаркнул: «Фима, я тебя отцу вернуть обещал! А ну подымай кому сказано!». Ну тот на меня глянул, но против родной крови разве попрешь? Вот и поднял руку.

Он помолчал, опустил глаза, и продолжил эмоционально.

— Я говорю: «Вы куда, дурни? Сперва проверить потребно, потом решать, еще в бою голосовать они удумали». А Михайло уже за сидоры хватается. «Леша, — говорит, — хочешь остаться, оставайся. Дело твое, а нам неохота в петле французской болтаться, общество же решило, али ты сам не видел».

Лапшин переводил все Хасану, и тот хмурился.

— Я попробовал Михайло за плечо рвануть, — глухо добавил Алексей. — А он мне в ухо с левой зарядил, ну а я ему. Нас, конечно, хлопцы растащили, но оба друг другу подарков на мордах оставить успели. Но что мне делать оставалось? Кажись, все честь по чести, всем обществом решили, а я вроде, как и супротив вышел. Что мне, стрелять их было, что ли? Дык воевали вместе, спину друг дружке прикрывали в Сагалло.

Он потер разбитую губу.

— Вот и вся беда, братцы. Похватали, что унести смогли, значится, винтовки, воду, сухари. Ушли берегом в кусты. Не больше получаса как, а тут уже люди Хасана. Сперва я отбиваться хотел. Накрутил меня больно этот Лютнибок. А потом, Спаси Христос, и ты с Лапшиным подоспел, ну как-то так.

Он помолчал.

— Прости, Федор Николаич.

Тот долго на него смотрел молча, а потом только рукой махнул.

— После рассудим, кто чего не уберег, сейчас поспешать надо. Авось, если успеем, то и на самбуке их нагоним, да на борт возьмем с собой. Дураки они и есть дураки, но ведь наши, как ни крути. Эх Фима, Фима...

Он повернулся к Хасану, и Лапшин встал рядом.

— Переводи, что нас теперь меньше, но договор в силе. Надо поспешать, может на берегу сможем отыскать наших заполошных. А то французы их скрутят, ей богу.

Лапшин перевел, и Хасан, прищурился.

— Он говорит, — начал Лапшин. — Ему без разницы, кто куда пошел. Время уходит, и если мы хотим живыми в Адену попасть, да договор соблюсти, то нужно поспешить самбук грузить, или прям сейчас расход и идите на все четыре стороны.

Федор Николаевич попросил толмача сообщить еще раз, что все в силе и можем начинать.

— Погодите, — сказал я, — переведи Хасану, что пришлось двоих из французского патруля остудить. Его человек знает где они лежат, искать их точно станут, а потому будет лучше если не найдут никогда.

Хасан, выслушав, кивнул, что-то проговорил своим людям и двое сорвались на место столкновения с патрулем.

— Слушай команду: все, что у нас здесь осталось, обратно к берегу тащим, — сказал Чугунов и мы все без исключения похватали пожитки, даже люди Хасана помогли, так что быстро до берега добрались.

— Самбук скоро подойдет. — На ходу перевел Лапшин слова Хасана.

— Объясни ему, — сказал урядник. — К судну пойдем на шлюпках, и пока мы там готовим хабар, пушай самбук к канонерке не притирается. Внимания меньше привлечь станет, а как мы все потребное у борта сложим, то сигнал подадим.

— А с нашими что теперь будет? — спросил Сема, работая веслами.

Алексей отвернул голову в сторону, никак не мог он простить себя за то, что отпустил дурней.

— Тепереча как Бог даст, — вздохнул Чугунов. — Глядишь и получиться их на берегу заметить, если они, конечно, не углубятся в пески.

Мы подошли к борту с теневой стороны, где солнце не так слепило. Леха схватил свисающий конец и притянулся к канонерке.

— Давай, Андрейка, ты у нас самый молодой, да резвый, — хлопнул меня по плечу Николаич.

Я взялся за мокрый канат и споро вскарабкался по нему, перевалившись на палубу через борт. Сначала пригнулся, оглядываясь, а потом скинул вниз веревочную лестницу, по которой и остальные забрались.

Палуба, благо, была пуста, слышались мерные удары в люк из кубрика, да и из трюма тоже долбили. Даже один тяжеленный ящик почти сдвинулся. Но мы с Семой его быстро взад возвратили.

— Все! Не зеваем, братцы, — коротко бросил Федор Николаевич. — Лапшин, давай пусть этот, — кивнул он на человека Хасана, — глядит, что им потребно, а мы начнем таскать. Пока оружие, патроны, офицерское добро, от такого дувана точно не откажутся.

Мы с Рыжим сразу пошли к оружейной, где были стойки и ящики. Замок там был нами уже сорван, но часть винтовок все еще оставались после нашего прошлого набега. Ящики с патронами тоже пойдут, вот и штыки. Пару добротных морских тесаков в ножнах я сразу для себя и Семы в ранец засунул, а остальные арабам отдадим.

Таскали быстро. Было две офицерские сумки. Копаться долго некогда, но бинокль в кожаном чехле я прибрал к себе.

Винтовки вынесли, потом ящики с патронами, штыки, тесаки морские, револьверы, под-сумки, коробку с инструментом, который мог сойти за товар, и все это сразу складывали штабелями у борта.

Федор Николаевич проверял, чтобы мы не хватали всякий хлам, но мы с Семой и сами не пальцем деланные, тоже понимание имеем, что денег стоит, а что больше за балласт на самбуке сойдет.

Вот гляжу, Лапшин руками машет и самбук начинает движение в нашу сторону. Издали он сперва показался лодкой, только побольше, а как подошел, видно стало, что посудина добротная: нос острый, приподнятый, корма обрезана словно у шкафа, доски темные, в потеках смолы. Несколько минут и он притерся к нам своим деревянным бортом. Началась быстрая загрузка.

— Андрей! — окликнул меня из какой-то каюты Леша Бурлаков. — Еще ящик!

Я поспешил ему на помощь.

— Не зевай, братцы, — бросил Федор Николаевич. — Времени мало, биндюжники на Привозе и не так спину гнут.

Казалось, оружейную мы уже вычистили досуха, но в дальнем углу, под брезентом и двумя пустыми ящиками, Рыжий вдруг зацепил носком сапога еще один короб. С виду неказистый, но тяжелый, зараза, хрен с места сдвинешь. У нас все-таки получилось, и когда крышку отжали, то увидели металлические кассеты с короткими толстыми выстрелами, похоже, они для 37-миллиметровой револьверной пушки Гочкиса.

— Это еще что за чертовщина?

— Вот за одно это Салех нас до Порт-Саида довести должен и обратно вернуть, цена уж больно у них кусачая, — протянул я.

Кассеты весили порядочно, но вдвоем мы все-таки перетаскали их к борту.

— Еще эти ящики, и закругляемся, — скомандовал Чугунов.

Буквально минут пятнадцать, может двадцать у нас ушло, чтобы «разорить» частично французскую канонерку и значительно добавить осадки самбуку Салеха.

Мы, похватав личные вещи и свое оружие, перебрались на борт нашего нового судна.

— Отходим. — перевел Лапшин команду Хасана.

Проверять Деверо и остальных мы не стали, не стоит гусей дразнить. Пушай потом гадают, куда все добро делось. Ну а у нас: что с бою взято, то свято, ведь мы, как ни крути, вражеский корабль захватили в бою, так что поступили по нашему укладу. Другое дело, закон что дышло, куда повернешь... Потому об операции этой Чугунов всем велел помалкивать.

Самбук был тесным, но достаточно крепким. Палуба узкая, посередине навес из старой выгоревшей парусины, под ним, видать, и ночевала команда. Мачта одна, большая, чуть наклоненная вперед; снасти свешивались по бокам, на вид беспорядочно, а коли приглядишься — каждая на своем месте. На корме помост, оттуда торчал длинный румпель, у которого стоял немолодой араб. Пахло морской солью, смолой и какой-то кислятиной, не то рыбой, не то еще чем. Двигаться приходилось бочком, чтобы не зацепиться за наваленный хабар.

Едва мы поднялись, как Хасан коротко бросил пару слов своим людям. И тут же нам в руки сунули свертки: просторные тебе (рубахи) до пят, плетеные пояса, легкие накидки от солнца, отрезки ткани на тюрбан. Вся одежда не новая, насквозь пропахла морем и потом.

— Хасан говорит: переодеваться, а все свое складывать в тюк и за борт. — перевел наш толмач.

Мы уставились на араба как на неадекватного. Чтобы мы выбросили свою пусть и потрепанную справку? Да не бывать тому ни в жизнь. В общем, спорить он с нами не стал, ощутив твердолобость, и, наверное, прочувствовав что-то. Всю одежду мы сложили в один тюк и спрятали между ящиками.

Я уже натягивал на себя чужую рубаху и затягивал пояс, когда Хасан подошел ко мне и ткнул пальцем в грудь. Опустил глаза на крест, выбившийся из-под ворота.

— Говорит, убери. Чтобы не видел никто, — перевел Лапшин.

Я молча вернул крест под рубаху. Хасан еще секунду сверлил меня взглядом, после чего глубоко вздохнул.

Шлюпки, на которых мы пришли, просто отвязали и оставили болтаться в море, скоро их отсюда далеко унесет, а может к берегу прибьет, то уже не наша печаль.

Нас усадили под навесом у правого борта, между мачтой и тюками с грузом, так чтобы мы могли видеть и берег, море, и суetyющихся матросов на палубе, но со стороны в глаза особо не бросались.

Самбук шел вдоль берега, наконец-то наступила долгожданная передышка в бешеной гонке, что преследовала нас с того самого момента, как мы очутились на пирсе в Сагалло. Вспомнив это, я повернул голову на прикорнувшего Лапшина. Ведь именно с его легкой руки мы тогда и попали в команду смертников. А сейчас здесь нас осталось лишь четверо, ну и сам доктор.

Мы двигались вперед, люди Хасана работали молча, волна мягко била с левого борта. Леха все глядел на берег, в надежде увидеть наших, но пока тщетно.

Первый выстрел донесся глухо, еле слышно. Потом почти сразу второй, а следом еще несколько. Все на самбуке напряглись и вскинулись разом в сторону берега.

Хасан что-то скомандовал и судно слегка повернуло, дабы была возможность получше разглядеть побережье. До него уже порядочно, лица людей не различить, но силуэты на песке и у кромки кустов мы видели ясно.

Я достал трофейный бинокль и разглядел, как из кустов на берег выскакивали люди. Они спотыкались, падали, а за ними уже ровной цепью двигались другие. Стало понятно, кто здесь охотник, а кто дичь.

— Наши... — хрипло выдавил Алексей, подавшись вперед и прикусив губу.

Федор Николаевич ничего не сказал. Стянул с головы тюрбан, следом и я снял с себя эту тряпку, а за мной и Сема.

Лапшин поднялся, протиснулся к мачте и, крестясь, глядел на берег.

— Эх, братцы, что же мы наделали, — глухо выдохнул урядник. — Не уберегли вас, казаки, простите Христа ради.

Самбук держал курс. Берег удалялся от нас все дальше и дальше. А на нем навсегда остались Михайло Лютнибок, Данила Стронько, Димка Чесноков, Олег Чурилов, Трофим и Фима Колюжные, Лука Перепелица, Афанасий Гнатюк, Савка Мирошник и Никита Белобородов. Десять бравых казаков. Их имена будто отпечатались в моей голове в этот момент. Я, не отрываясь, глядел в бинокль и видел, как Домбровский, стоя на коленях, что-то вещал французам. Похоже, и тут этот прыщельга смог вывернуться.

Было погано на душе, ведь не дождались они нас буквально каких-то долбанных полчаса... Эх, вот как бывает... Необдуманное решение, и через полчаса уже ничего не повернуть вспять.

Глава 8. Неспокойное море

Я долго молчал, глядя в удаляющийся берег. Выстрелы давно стихли, но их звук по-прежнему отпечатывался в ушах. Самбук уходил все дальше, а на душе меж тем легче не становилось. Было понятно, что мы крепко просчитались, хотя не ясно могли ли сделать все безукоризненно в такой ситуации. Здесь сработала паника товарищей, и пресловутый человеческий фактор.

Наконец я повернулся к уряднику.

— Федор Николаевич... — начал я, поджав губы. — Мы же могли не допустить этого. Скажи, что мы сделали не так? Почему Домбровского раньше не прижали, когда поняли, что от него только беды и можно ждать? Я просто печенкой чую, что это именно он запорожцу мозги промыл, и по итогу лишь сам в живых остался, собака!

Чугунов сидел, упершись локтями в колени, тяжелым взглядом смотрел куда-то мимо меня.

— Как мы теперь людям в глаза будем смотреть, у них же семьи остались? — проговорил я уже тише.

Сема резко поднял голову, будто хотел поначалу меня одернуть, но промолчал. Бурлаков сидел, ссутулившись, и смотрел на палубу. Лапшин уже перестал креститься, и с понурой головой вернулся к нам, усевшись рядом.

Федор Николаевич тяжело выдохнул, провел рукой по щетинистому подбородку и заговорил:

— Ты хочешь простой ответ, Андрей. Такой, чтобы раз! И все сразу понятно стало? А, братец, нет такого ответа и в таких ситуациях никогда не бывает, заруби себе это на носу! Домбровского и Михайло Лютнибока мы раньше не прижимали, потому как никакого бунта те не помышляли, а просто выпивши лишку дурили сгоряча. Ежели бы мы на Метеоре еще и друг с дружкой сцепились, то это тоже ни в какие ворота, когда все были в шаге от петли. Потому виноватых здесь искать трудно, и Алексия винить тем паче. Прав он, общество решило, а оно, Андрей, тоже порой ошибается, без того никуда. Так уж жизнь устроена. — закончил он с усталостью в голосе.

Было ощущение, что Николаич за последние сутки разом постарел на несколько лет, особенно после расстрела казаков это проявилось.

— И еще потому, — продолжил он, — человек всегда задним умом силен. Теперь-то нам ясно, что пшечка надо было давить, а тогда мы того до конца не понимали.

— Выходит так? — глухо спросил я. — Они сами виноваты, а мы вроде как ни при чем? Федор Николаевич резко качнул головой.

— Нет! При чем. Еще как при чем. Не в том, что их французы добились, а в том, что у нас среди своих нашлась такая паскуда, а мы ее вовремя не придавили. Вот за это с нас и спрос будет, но не здесь и сейчас, а там, — поднял он голову к небу и перекрестился.

— С меня прежде всего, ведь я взял на себя руководство, значит должен был раньше понять куда ветер дует... А ты запомни другое, Андрей! За все нам предстоит отвечать прежде всего перед Господом Богом, когда срок придет. Помнить братьев по оружию мы будем, и глотать себя не надо, а то можно раньше времени известись.

Сема зло ударил кулаком по палубе.

— Все из-за Домбровского этого, — процедил он. — Из-за паскуды. Я ведь чуял, что он скользкий, сразу то чуял! Еще в кубрике надо было придавить подлюку.

— Ну что теперь, — сказал Алексей Бурлаков, не поднимая головы. — Пшек тепереча похоже к французу подался, и землю покамест потопчет.

Чугунов выпрямился, оглядел нас всех и уверенным голосом, как и прежде, сказал:

— Браты, а вы чего носы повесили, али сами уже выбрались? Нам непростую дорогу осилить надо, а вот хандра эта, что вы нагоняете, да себя думками изводите, она в дороге той только помехой станет. Не забудем мы этот день, не забудем, но поминать станем, когда в Одессе на берег сойдем.

Я слушал его и понимал, что урядник абсолютно прав.

Мы все сидели молча, думая о своем, пока тишину не нарушил звон котелка и голоса людей Хасана. Из-под навеса вышли трое: один нес закопченный котел, второй — деревянные миски, третий — лепешки. Запахло рыбой.

Хасан, появившийся за их спинами, сказал что-то.

— Говорит, что это еда для нас, а как подкрепимся, то помощь ему понадобится. До Адена почитай сутки, а команда не полная, так что и руками придется поработать.

Еда была простая, но довольно сытная. Наварили похлебки из рыбы и крупы. Мы ели вприкуску с лепешками, запивая водой из фляжек. Подкрепиться было и вправду необходимо, немало нам побегать довелось нынче.

Хасан дождался, пока мы доедим, потом снова подошел, присел у груза и быстро заговорил, показывая то на тюки, то на ящики, то в сторону оружия, которое мы успели свалить отдельно кучей. Лапшин, вытирая рот ладонью, переводил.

Араб просил нас до захода в Аден весь дуван с Метеора упрятать под товаром так, чтобы с первого взгляда самбук было не отличить от обычного купца, зашедшего в порт для торговли. Договориться с проверяющими он сможет, и те копать не станут, но только если внаглую ворованные французские вещи не провозить. Иначе проблемы начнутся почитай сразу.

Начались погрузочно-разгрузочные работы, и мы снова вспомнили биндюжников на Одесском Привозе. Пара человек Хасана нам помогала. Винтовки упаковывали в мешки, затем в другие, а сверху засыпали какую-то мелкую сушеную рыбу. Примерно то же самое и с остальным, изгаляясь по-разному.

Надо сказать, что люди Хасана похоже делали это регулярно, потому и знали куда и что лучше спрятать. Походу дела, контрабанда у Салеха основной источник заработка, ну а что тут удивляться? Восток — дело тонкое...

— Федор Николаевич, надо нам троим с Семой, кой чего обсудить, пока без лишних ушей, — негромко сказал я уряднику, когда выдалась такая возможность.

Тот сперва никак не отреагировал, только окинул взглядом палубу, посмотрев, где стоят люди Хасана, а потом повернулся:

— Алексей, бери Лапшина, сходи к Хасану, узнай, все ли в порядке по грузу, пушай проверяет. Может, еще с чем помощь нужна, для нас они дело большое делают, и спину погнуть за то не грех.

Мы остались втроем, первый начал Сема:

— Расскажите мне, ежели до Адена дойти сможем, то делать то, что станем? У нас ведь и бумаг никаких нет. Языка не знаем, денег тоже почитай, что и нет, разве те трофеи с Метеора продать. Но еще и за продажу краденного наградить могут, слышал, у них тут руки рубят. Нас скорее всего первый же городской остановит. Морды-то хотя и загорелые, но один черт от арабов этих шибко отличаемся, даже в их тряпье.

— Верно мыслишь, Сема, мало нам в Адене сойти на берег, надо там не попасть как кур в ошип, а дело это и правда не простое. И покамест в голову путного ничего не идет.

Рыжий сразу ткнул пальцем в сторону, туда куда Леха ушел с Лапшиным.

— Выходит, братцы без Анциферовича, похоже, никак не обойтись. Он, ежели не брешет, то там бывал, и хоть что-то знает. Опять же и язык их разумеет.

Федор Николаевич кивнул.

— Нужен, — согласился он. — И придется покуда на него полагаться, других нема. — Развел он руками.

Пока они переговаривались, я перекладывал тюки и нащупал аккуратно уложенные деревянные ящики. Подтянул к себе один и сразу увидел, что внутри новые винтовки, еще в консервационной смазке, такого оружия в отряде арабов я не примечал. В следующем были револьверы. Оказывается, дорогого товара тут и без нас хватало.

— А Салех, стало быть, тот еще проныра, — сказал я, сам не удержавшись. — Вы только гляньте, что у него тут ухоронено.

Сема присел рядом, присвистнул и погладил ладонью винтовку по ложе. А Федор Николаевич цыкнул на меня, показав, чтоб я немедленно все вернул, как и было.

— Доброе железо, — сказал он. — Не для рыбаков явно везут.

Я покрутил в руках револьвер, проверил барабан и снова положил его на место.

— Это точно, — улыбнулся я.

— Не разевай роток на чужое добро, нам еще этого сейчас не хватало.

Это верно, нам до оружия контрабандного дела сейчас нет. Вот только мы убедились, что Салех не обычный торговец, и снятое с французской канонерки это вовсе не разовое мероприятие, а только часть его, по всему видать, отлаженной схемы. А значит, и в Адене связи у него немалые. Об этом как раз и можно подумать.

Показался Лапшин, в руках его был небольшой, но тяжелый ящик, который он держал неловко, того и гляди выронит.

— Ставь сюда, — спокойно сказал урядник и показал на место.

Лапшин поставил, выпрямился, вытер ладони о полы своего балахона и остался стоять, не зная, как вступить в наш разговор. Видать было ему что сказать.

— Скажи-ка, Анциферович, ты что про Аден знаешь и как нам там по твоему разумению стоит поступить, чтобы к англичанам или не дай боже французам в лапы не попасть, да и на какое судно в Россию сесть поскорей? — Спросил его прямо Чугунов.

Лапшин моргнул пару раз, будто вопроса не понял, а потом поспешно закивал и заговорил:

— Да что я там знаю, Федор Николаевич, ей-богу, немного. Бывал, это правда, но больше по делам своим, врачевным. Закупал кое-что, склянки, перевязь, травы, уксус, с лавочниками было торговался, в харчевнях столовался, бывало, ночевал пару раз при лавке, когда с обратной дорогой не сложилось, ну и врачевал совсем немного, только это ж не те знакомства, чтобы на них можно было положиться в нашей ситуации.

— Лавочники тоже люди. — Федор Николаевич от него не отступал. — Кто хоть из них с тобой дело имел? Может есть к кому обратиться, чтобы за серебро на время нас укрыли?

Лапшин растерянно повел глазами, потом задумался и начал перечислять варианты: старого хозяина лекарственной лавки, какого-то торговца зерном, у которого менял редкие сушеные травы на провизию, еще кого-то перечислял из своих вылеченных знакомых. Но, по его словам, уверенности, что не сдадут, нет ни в ком. Они же могут пожадничать, деньги и с нас взять и с французов, если выведуют. А то, что новости из Сагалло скоро до Адена дойдут, то к гадалке не ходи.

— Значит, так, когда в Аден придем, — продолжил Федор Николаевич, глядя на него прямо, — ты не вздумай от нас в сторону дернуть. Раз имя свое обелить решил, то и продолжай в том же духе, а мы то запомним. Понял?

— Понял, Федор Николаевич, понял, — заговорил он шепотом. — Куда мне теперь без вас, домой бы скорее добраться, да еще на каторгу за дела в Сагалло не угодить.

— Ну ежели попадем вместе, то глядишь твой выверт с Деверо в Новой Москве мы забудем, но тут больше от тебя зависит, наше-то слово твердое. Верно братцы? — я кивнул, ну и Сема, что был рядом тоже мотнул головой одобрительно, но чуть поморщившись.

Показался Хасан и что-то сказал Лапшину, поглядывая на нас.

Тот сразу перевел, что он благодарит за помощь, так уже можно в Аден идти, пора отдыхать. Ночь уже близко, а потому можно устраиваться прямо на тюках с тряпьем, где приглянется. Да еще попросил не шататься по палубе. И коли надобность случиться, то быть готовыми, к подъему, но то маловероятно.

Люди Хасана расположились ближе к носу, буквально минуты две и дружный храп стал заглушать даже шум волн. Мы тоже затягивать с отбоем не стали, улеглись кучно, и в кои то веки погрузились в сон. Помню, что пару раз локтем по бочине просил Сему сбавить громкость храпа в мое ухо, но скоро и это перестал замечать.

Разбудил меня крик и топот босых ног по палубе. Я открыл глаза, одним рывком сел, сжимая в руке револьвер, огляделся и нашел глаза товарищей. Чугунов тряс головой, Сема и Леха уже подобрались, только Лапшин зевнул, начав продирать глаза, удивленно на нас таращась.

— Что они кричат? — бросил я ему, а крик все нарастал, кажись, по отдельным словам, я уже понял в чем дело.

Лапшин замер, прислушался, и сбледнул лицом.

— Пираты! — выдохнул он. — Самбук, к нам ходко идет, и кажись уйти не успеваем.

Я перескочил к другому борту и взгляделся в темный силуэт судна, что стремительно приближался к нам. Обводы у него и правда были более хищные, чем у нас: низкий корпус, нос острый, он словно скользил по воде, нагоняя нас. Похоже, что скорость явно побольше, дистанция на глазах сокращается. Да и груза тот точно не имеет, только вооруженные флибустьеры. Косой парус наполнен ветром, так еще и гребцы без устали налегают на весла.

Хасан выбежал к нам сам. Он заговорил, показывая сперва на нас, потом на приближающуюся лодку, и на спрятанные ящики.

— Спрашивает, умеем ли мы стрелять, — перевел Лапшин.

— Шутит так? — удивился урядник.

— Не до шуток, Федор Николаич, — вздохнул толмач.

Учить нас в этом деле только портить, да и трофейное оружие имелось у всех, а патроны к Кропачеку опосля попросим восполнить Хасана.

— С Богом, братцы, — громко крикнул Федор Николаевич.

Люди Хасана уже стояли вдоль борта, самбуком управляло человека четыре, все остальные готовились к обороне, сдаваться пиратам намерения не выказывая.

Я проверил винтовку Лебеля, казаки тоже осматривали перед боем свои доставшиеся от французов восьмизарядки Кропачека. Выходило, что только мы вчетвером сможем обеспечить довольно плотный огонь по неприятелю, скорее всего превосходящий возможности людей Хасана. Оставалось правда гадать с каким оружием к нам мчатся флибустьеры, если тоже с многозарядными винтовками, то придется туго.

На лодке мелькали огни, вот они подожгли три факела. Непонятно, на кой черт, ведь если собрались просто сжечь наш самбук, то трофеев им не видать.

— Бейте только с гарантией, — сказал Федор Николаевич прицеливаясь. — Зазря порох не жгите.

Самбук качнуло на волне, он закрипел, хлопнул парус над головой, и понеслось. По нам ударил нестройный шквал огня, казалось, что они просто пытаются нас прижать к палубе, потому как не похоже, что бьют прицельно.

Но эффект, надо сказать, их маневр определенный дал. Нам пришлось укрыться за бортом. Прямо возле моей головы ударила пуля. Благо мягкий свинец не пробил борт. Следующая влетела в балку рядом, и щепка, отлетевшая от нее, царапнула по щеке.

Я мазнул по ней ладонью, кровь была, но мало.

— Анциферович, давай сюда, ползком! — крикнул я в сторону Лапшина. И когда он подобрался, я протянул ему винтовку Кропачека, — Вот держи, будешь набивать патронами, пока я из этой стреляю, из-за борта не высовывайся.

— Сделаю, — буркнул он, рассматривая оружие.

Дистанция была саженей шестьдесят, может семьдесят. Я взял на мушку фигуру у мачты, того, кто, кажись, выкрикивает команды и больше всех руками машет.

Выстрел и пиратский самбук качнуло на волне, фигуру передернуло, она крутанулась и завалилась внутрь. Гребцы сбили темп на некоторое время.

Рядом ударила винтовка Чугунова. Потом Семы, Лехи и снова моя. Огонь у нас вышел плотный, били по готовности с борта. Люди Хасана лупили со старых однозарядок дымарем, а потому дыма хватало, благо, что ветер быстро его сносил.

Начал работать по гребцам с левого борта. Выпустив оставшиеся шесть пуль на максимальной скорости, снял четырех, последнего, кажись, только ранил, но и то хлеб.

Винтовка Лебеля шелкнула вхолостую.

— Кропачек, — протянул я Лапшину пустую, не глядя.

Тот сунул мне заряженную. Кропачек был потяжелее и не такой ухватистый, но восемь патронов в магазине решали, и спусковое усилие казалось чуть легче. Я снова продолжил зачищать гребцов. Они успели пересесть и подхватить весла убитых камрадов.

Бил спокойно, навык, доставшийся от Добрецова, раскрывался по-новому. Ему в своей жизни пришлось сжечь немало пороха, чтобы научиться так чувствовать оружие. И, несмотря на волны, я ощущал себя словно на полигоне, попадая почти всегда, даже когда брал со значительным упреждением.

— Шесть, семь, восемь, — считал я вслух, — Лебеля.

Лапшин не зевал, и, казалось, вошел в ритм, правда, навыка по заряданию таких винтовок у него не было, потому небольшая задержка все-таки присутствовала. Я опустошал магазин на несколько ударов сердца быстрее, чем тот снаряжал новый. Да еще коробки ему приходилось вскрывать новые, а патроны к Лебелю и вовсе были ссыпаны в мешок.

— Андрей, — крикнул Чугунов, — ты это, поаккуратнее.

— Добре.

Я опустил, перехватил поданный Лапшиным Лебель и сменил позицию. Перешел чуть левее, тут было повыше и вид на пиратскую палубу шикарнее. Сема догадался, перезаряжаясь, глянул на меня и подмигнул.

К этому времени я успел сделать выстрелов 15, может, 17. Лапшин уже на автомате подавал и забирал, забирал и подавал, пальцы у доктора были в смазке и саже, но он не обращал на то внимания, кажись, даже зацемил до крови указательный, что на темп перезарядки не повлияло.

Самбук пиратов продолжал сближение практически по инерции и за счет парусов, гребцов почитай всех повыбили к этому моменту.

Тут я услышал арабскую речь за спиной. Один из людей Хасана, невысокий, жилистый, лет под сорок, в выцветшем голубом тюрбане, опустил на колено справа от меня. Винтовка у него старенькая, Энфилд какой-то, кажись. Он что-то сказал, ткнул пальцем в мою щеку, потом в свою винтовку, потом в чужой борт и улыбнулся, показав белые зубы.

— Юнусом его кличут. Говорит, что ты бьешь без сбоя, как муэдзин кричит.

Я хмыкнул и сразу припал к прицелу. У пиратов минус один. Юнус цокнул языком, прошептал что-то по-своему, потом сам приложился, выстрелил, накрыв нас облаком от сгоревшего дымаря.

Двадцать саженей. Десять. Хасан что-то рывкнул на корме. Его люди прихватили крючья на длинных веревках, и перегруппировались на борту. У троих в руках были револьверы, остальные держали джамбии, такие широкие, обоюдоострые, сильно изогнутые кинжалы без

гарды, примерно на один фут в длину, бебут напоминают. Еще некоторые были с кривыми саблями, чутка поменьше нашей пашки в длину.

— К парусу супостата не пускайте, — крикнул Чугунов, находя взглядом всех наших. — Кто полезет, бей без очереди.

Пиратский самбук глухо ткнулся в наш борт, наш кормчий тоже не зевал, вовремя повернув румпель. Крючья в итоге полетели не от них к нам, а от людей Хасана к пиратам, борта притянулись друг к дружке намертво. Но прежде, чем это случилось, с чужой палубы в воздух взметнулся факел и, сделав дугу, шмякнулся аккурат за нашими спинами.

Я снял этого долбаного поджигателя, он, похоже, и так был ранен и кидал скорее из мести. Но огонь это не остановило. Он резво побежал по тюкам с тряпьем, которым мы маскировали истинный товар Салеха. Надо тушить, куда огонь не добрался до пороха или патронов, а то беда будет.

— Сема, туши! — гаркнул Чугунов, продолжая прорезживать поголовье пиратов.

Рыжий метнулся туда, сорвал сверху брезент с ящиков, накинул на горящие тюки и повалился на него всем телом. К нему присоединилась пара арабов с ведрами. Зашипело, завоняло, но главное дело было сделано, пожар потушен.

Я продолжал стрелять, лишь боковым зрением отмечая работу огнеборцев. К тому моменту, когда пираты сблизилась, мы проредили большую часть. Они там либо раненые, либо убитые. А потому теперь я старался не давать высовываться последним живым флибустьерам.

Юнус рядом работал точно, перезаряжая винтовку после каждого выстрела. Это я отметил.

Арабы ждать не стали, причем Хасан первым перемахнул на вражескую палубу. В правой руке он держал револьвер, а в левой джамбию. С длинным стволом не попрыгаешь. Память Добрецова тут же подсказала, что для таких дел хорош дробовик, но было некогда размышлять на эту тему и я отмел несвоевременные мысли.

На пирате сразу пошла свалка. Гортанные крики, ругань, некоторые слова которой я уже различаю.

Я успел снять с Лебеля еще двоих, поднявших не вовремя головы. И тут рядом со мной раздался свист, я даже не понял, откуда прилетело. Стук, и Лапшин, что заряжал Кропачека, сидя на корточках, вдруг переломился пополам и завалился на палубу.

— Твою ж... — выдохнул Сема.

Лапшин лежал и держался за бок, пальцы окрасились кровью. Винтовка лежала тут же, так до конца и не снаряженная. Кажись зацепило его не пулей, а каким-то осколком, но разбираться будем позже. Я хотел было заняться доктором, но увидел, как Чугунов отрицательно мотнул головой.

— Алексей! Оттащи его за ящики, — скомандовал Николаич, видимо, оценив, что от меня с винтовкой толку на порядок больше.

Бурлаков ухватил Лапшина под мышки, потащил волоком. Лекарь даже не охнул, только закусил губу и подмигнул мне правым глазом. Вот чертяка.

Вернулся к стрельбе и увидел, что Хасан рубится у мачты и на него заходят сразу трое. Если стрелять отсюда, то будет большой шанс его зацепить. Потому оставив Лебель я выхватил револьвер и прыгнул на вражескую палубу.

Она была липкая и скользкая от крови. С одним Хасан уже справился, но двое продолжали наседать. Я с расстояния буквально четырех шагов выпустил две пули, закончив с ними. Хасан повернулся, кивнул, благодаря, и рванул в сторону кормы.

Я двинулся следом, стреляя во всех, кто держит оружие. Шестой выстрел, пустой, кажись, но вроде и противников не осталось. Последний постоял пару секунд, держась за грудь, и завалился вперед лицом.

— Леха... — услышал я крик Семена, повернулся и увидел, что Рыжий свесился за борт и смотрит в воду.

Что-то внутри кольнуло, но сейчас узнавать некогда, надо закончить.

Наконец стрельба смолкла, в ход вступили джамбии. Люди Хасана шли и добивали всех без разбора. Я отвернулся от этой бойни, пуцай сами решают, как быть.

Тут услышал крик и увидел, как Чугунов машет рукой, понял сразу и пригнулся, уйдя левее. Над моей головой, сбив многострадальный тюрбан, пронеслась сабля, рассекая воздух.

На меня налетел мертвец, точнее таковым я считал этого здоровяка, а он оказывается придуривался. Револьвер был пуст, и я пятился назад, против длинного клинка мне выйти было не с чем.

Готовился уйти от удара, когда тот уже сделал замах, но вдруг из груди пирата показалось острие джамбии Хасана. Здоровяк опустил руку, посмотрел на свою рану, на меня и стал заваливаться на бок, а за его спиной стоял измазанный в крови Хасан, то ли улыбаясь, то ли скалясь.

Я перевел дыхание, убрал револьвер в кобуру. И перемахнул на наше судно. Пахло тлеющими до сих пор тюками и сожженным порохом.

Один из людей Хасана сидел у мачты, зажимая тряпкой плечо, у другого была рассечена щека, и кровь капала на ворот. Было и двое убитых, которых уже успели накрыть холстиной.

Я пошел глянуть как дела у Лапшина. Тот лежал на расстеленной Лехой парусине.

— Как ты Анциферович? — спросил я.

— Жить буду, где Алексей?

— Леху за борт свалило, — раздался мрачный голос из-за моей спины.

Я повернулся, пытаюсь осознать услышанное. И Семен продолжил, не поднимая головы.

— Ты прыгнул к пиратам, он, видать, за тобой хотел, а как поднялся, его подстрелили. Стоял-то он, можно сказать, на самом борту, и ушел сразу в воду. Мы с Николаичем уже глядели, но бесполезно, канул в Лету наш Бурлаков, — вздохнул он, снимая с головы тюрбан.

Я прикрыл глаза и какое-то время так и стоял, тяжело принимая еще одну потерю. Вздохнул и стал осматривать рану Лапшина, еще и его потерять уже после боя очень не хотелось. Паскуда он, конечно, но, кажись, на путь исправления встает, а, значит, надо дать ему шанс, глядишь, на том свете зачтется.

Рана длинная, но не смертельная, большая царапина по сути. Плохо что деревяшкой, надо обязательно чем-то обработать, хотя спирт у арабов раздобыть будет не просто.

— Жить будешь, Федор Анциферович, — сказал я, затягивая последний узел. — За шкуру не бойся, и заряжающий из тебя хороший нынче вышел, благодарствую.

Он кивнул без эмоций, сам еще похоже переваривал гибель Бурлакова.

Все кончается, вот и эта заваруха завершилась. Обчищенный пиратский самбук с четверкой людей Хасана ушел по обратному маршруту. Арабы чистили нашу палубу от последствий встречи, ремонтом занимались.

— Андрей, — сказал урядник, положив мне руку на плечо, когда я смотрел на линию горизонта, — видел, братец, как ты стрелял, почитай нас всех вместе взятых переплюнул, это не только Юнус подметил, а многие.

— Леха..., — хрипло сказал я.

— Леху не вернуть, — глухо отозвался Чугунов. — Помянем, как получится, может, и в Одессе уже. Это война, тут убивают, Андрейка, тебе ли не знать.

Я вздохнул и пожал плечами.

Мы сидели теперь уже втроем возле Лапшина, когда к нам подошел Хасан, без промедления занявший место рядом.

— Говорит, что без вас, а особенно без тебя Андрей, — кивок на меня, — этот день у него и его людей был бы последним. Спрашивает, чем может отблагодарить, потому как в должниках ходить не привык.

Чугунов крутить не стал.

— Скажи ему так, Анциферович. Мы и себя спасали, конечно, да и уважаемый Хасан, перевозя нас, многое уже делает. Но если желание имеется, то от помощи мы не откажемся. В Адене мы сойдем почитай, что без денег. И если он подсобит местными монетами, хотя бы на пропитание и кров, то будем благодарны, — сухо сказал урядник.

Хасан слушал перевод и кивал.

— Согласен. Серебро даст, оружие, если надо, тоже, патронов отсыплет.

— Спаси Христос, Хасан, — сказал Чугунов, не обращая никакого внимания на то, кому он это говорит.

Хасан еще помолчал, потом снял с шеи плоскую медаль на тонком ремешке и протянул ее уряднику. Она была медная, потертая и отколота с краю.

— В Адене, — перевел Лапшин, — у него есть двоюродный брат, Юсуф. Держит небольшую харчевню у моря. Ежели будет нужда в крове, то покажите ему эту медаль. Он поймет и лишних вопросов задавать не станет.

Чугунов принял ее, поглядел на араба, и надел на шею:

— Благодарствую, Хасан, это, пожалуй, то, что нам нынче очень пригодится, даже больше денег, — прижал он руку к груди и чуть склонил голову. — Да воздаст тебе Аллах сполна за доброту твою! Да хранит тебя Всевышний на всех путях твоих.

Хасан выслушал благодарность, в ответ приложил руку к груди, слегка склонив голову, а затем поднявшись пошел по своим делам.

Мы остались сидеть подле Лапшина. Сема привалился к борту, прикрыв глаза. Чугунов, молча глядел на наполненный ветром парус, а я смотрел в воду, облокотившись на борт.

Я не помню, в какой момент уснул, как и все остальные, помню лишь последние фразы, которыми мы перекинулись с Чугуновым и Лапшиным, а потом словно свет выключили. Накопленная усталость, наверное, дала о себе знать.

Разбудил меня шум. Не выстрел на этот раз и даже не крик, слава Богу. Босые ноги топали по палубе, арабы громко переговаривались. И в голосах, хоть слов я и не разобрал, чувствовалось радостное возбуждение.

Я открыл глаза и разглядел солнце, что стояло уже высоко. Сема рядом тоже зашевелился, потер кулаком лицо. Лапшин, бледноватый, лежал с открытыми глазами.

Я поднялся, подошел к борту и посмотрел туда, куда были направлены взгляды арабов.

Сперва я увидел только светлую полоску над водой, такую невнятную, что ее можно было принять и за облако. Потом из нее начали проступать крыши, низкий берег, редкие мачты у воды и тонкие, почти игрушечные издали башни минаретов.

Впереди показалась Аден.

Глава 9. Микстура Смирнова

С воды Аден выглядел внушительно. Оно и понятно, город-порт был на оживленном торговом маршруте, и жизнь здесь кипела. В XIX веке из пыльного поселения Аден он вырос в мощный британский аванпост на пути в Индию.

Когда увидел этот зажатый в скалах город, то сперва не понял, на кой черт моему дяде Аркадию тут ошиваться. Ведь отец настоятельно велел встретиться с ним перед смертью. Но какие тайные дела можно проворачивать в этом шумном муравейнике под присмотром англичан, мне пока совершенно непонятно. Ну что ж, будем посмотреть, как говорят в Одессе.

Приближался низкий берег, усеянный домами с плоскими крышами, что прижимались к самой воде. Вон минареты и старые стены фортов на черных вулканических склонах. Сейчас они больше походили на декорацию, чем на настоящую крепость.

Снующих матросов, торговцев, военных и празднующихся я заметил сразу, еще издали. Портовая жизнь кипела, судов было до хрена и больше. Гавань была забита мачтами и трубами. Вон у причалов притулились десятки самбуков вроде нашего, а на рейде замерли огромные дымящиеся пароходы. Военные корабли выделялись на фоне прочих посудин, я насчитал пять разных классов. Лодки сновали туда-сюда, люди на берегу что-то тащили, о чем-то спорили, в общем галдели знатно.

После ночного боя мы, ей-богу, умотались. Рыжий молчал и стоял у борта, вглядываясь в берег. Лапшин держался за перевязанный бок и морщился. Но ходить уже мог сам, что было немаловажно.

Когда самбук вошел в ту часть гавани, где лодок и мелких посудин толкалось больше всего, Хасан подошел к Чугунову. Сказал что-то, и Лапшин перевел:

— Сходим на берег в районе складов. Там люди его брата, и глаз лишних поменьше. Иначе рожи наши рязанские, — это он, видать, уже от себя добавил, — срисуют на раз.

Мы кивнули. Ему лучше знать, как тут поступить.

Пока самбук продирался между чужими бортами и вездесущими лодками, люди Хасана принесли нам местную одежду на замену, попримичнее той, что была на нас прежде. Казачью справу бросать никто не собирался. Ее увязали в один большой тюк, туда же пошла и одежда доктора.

От широкой арабской души Хасан одарил нас бурнусами блеклых цветов: серого, песочного, выгоревшего бежевого и почти белого. Бурнус оказался чем-то вроде плаща с капюшоном. Под него пошли простые туники, широкие штаны местного кроя и наши сапоги.

С обувью, конечно, выходила нестыковка, но других вариантов не было. Хотя похожие носили кочевники в пустынях, так что особого внимания они привлечь не должны.

На головы нам накрутили тюрбаны. Люди Хасана проверили, как мы справляемся, поправили, где надо, и дали несколько подсказок.

— Говорит, теперь сойдет, — перевел Анциферович. — Сразу понять не должны, если сами на рожон не полезем.

— Благодарствую, Хасан, — Чугунов приложил руку к груди.

В этом наряде Федора Николаевича и впрямь можно было принять за местного, загорели мы все знатно.

Потом он повернулся к нам:

— Оружие, братцы, светить нельзя. Винтовки в тюки замотаем. Револьверы у каждого под бурнусом, но так, чтобы, не дай Бог, не вляпаться.

— Это понятно, Николаич, — ответил Рыжий.

Самбук приткнулся бортом к причалу, откуда должна была начаться разгрузка. Мы стали прощаться с нашими арабскими знакомцами. За короткий срок пришлось с ними пройти

немало. И мы даже без знания языка стали понимать друг друга. Даже не всегда словами, порой хватало взгляда или жеста.

Долгих расшаркиваний не было. Время поджимало у всех. Но по взгляду Хасана, который смотрел нам вслед, я понял, что случись оказия, к этому человеку можно будет обратиться за помощью.

Я оглядел длинные низкие склады, потрескавшиеся стены, нагромождение пустых бочек, загорелых до черноты грузчиков, которые сновали туда-сюда.

Хасан выделил нам провожатого. Это был Юнус, тот самый арабский стрелок, что подходил ко мне во время боя.

Сначала шли меж складов. Потом нырнули в узкий проход. Тут сильно воняло рыбой и еще целым букетом хрен пойми чего. Дальше свернули вдоль длинной стены, потом еще раз. Я сразу отметил про себя, что, если тут придется уходить от погони, без знания всех этих улочек будет тяжело.

Сема шел рядом с Лапшиным, придерживая его под руку. Доктору было трудно держать темп. По лбу уже стекал пот. Оставалось надеяться, что сдюжит.

Кривой переулочек вывел нас к заднему двору маленькой неприметной харчевни. Будь я один, прошел бы мимо и даже не подумал сунуться. Низкий навес, обшарпанная стена, пустые бочки, корзины и мешки кучей свалены.

Юнус первым скользнул к двери и постучал. Мы остановились в тени, и уже скоро услышали движение. Дверь приоткрылась, и показалось сухое стариковское лицо.

Федор Николаевич не стал тратить время. Вынул из-за пазухи медную подвеску, что дал нам Хасан, и показал старику на ладони.

Тот прищурился, шагнул ближе, долго вглядывался, а потом сказал что-то.

— Юсуф, — перевел Лапшин. — Это его харчевня.

Старик мазнул по нам взглядом. Особенно внимательно поглядел на сапоги, потом задержал взгляд на докторе, тюки с вещами тоже оглядел и махнул рукой.

Один за другим мы попали в тесный вытянутый двор. Посреди стояла большая бочка у колодца, слева висел кривой навес, под ним громоздились корзины и глиняные кувшины. У дальней стены тянулся длинный низкий сарай с большими щелями под самой кровлей.

Юсуф завел нас в маленькую каморку сбоку. Там пахло прогорклым маслом и мукой. Заговорил быстро, не повышая голоса. И без перевода стало понятно, что радости от нашего появления у него немного. Если бы не Хасан, он бы нас и на порог не пустил.

— Говорит, помочь может, — перевел Лапшин. — Укроет на два, три дня, не больше. И чтобы никаких проблем к нему не притащили.

— Скажи, что мы это и сами понимаем, — ответил Чугунов.

Лапшин перевел, и Юсуф что-то буркнул в ответ. Не то согласился, не то дал понять, что другого и не ожидал услышать.

Юнус, до того молчавший, шагнул к нам. Приложил ладонь к груди, что-то сказал Федору Николаевичу, а мне кивнул отдельно.

— Говорит, Хасан свое слово держит. И вы, мол, тоже держите, а ему уже пора.

— Храни тебя Аллах, Юнус, — сказал я и хлопнул его по плечу.

Юсуф подошел, что-то тихо ему сказал, потом обратился к Лапшину.

— Скоро вернусь, — перевел доктор. — Велено в тот сарай ступать.

Сам же Юсуф подхватил Юнуса под локоть, и они не спеша удалились в сторону харчевни.

Внутри сарая было душно. Земляной пол утоптан, запах, прямо скажем, на любителя. Но что есть, то есть.

— Та-ак, нам бы фляги наполнить, да умыться, — произнес Чугунов, оглядевшись.

Он сел на корточки и велел проверить оружие. Винтовками пока пользоваться не придется, но револьверы должны быть наготове, на крайний случай.

Еще глянули, сколько серебра у нас в распоряжении. Хасан от щедрот выделил кошель перед выгрузкой. Урядник потянулся под бурнус, вытащил небольшой кожаный мешочек, развязал шнурок, и высыпал монеты на циновку.

Нашему взору предстали четыре большие серебряные монеты с женским лицом и двуглавой птицей на другой стороне, несколько турецких курушей и горсть темных мелких букш с арабской вязью.

— Это что за баба? — шепотом спросил Рыжий, ткнув пальцем в крупную монету.

— Талер австрийской императрицы Марии-Терезии, — сказал Лапшин. — Местные ее реалом называют. Двадцать восемь граммов чистого серебра. За одну такую монету можно угол снять на долго. Да и на харч нам должно хватить на неделю. Может, и на две.

— Негусто, Федор Николаевич, — сказал я.

— Ну, и на том спасибо.

Минут через двадцать дверь сарая скрипнула. Юсуф вернулся, а в руках у него был большой глиняный кувшин с водой и два свертка, перевязанных бечевой.

Он ногой прикрыл дверь, поставил все на циновку и заговорил отрывисто.

— Говорит, что Юнус ему рассказал, кто мы и откуда. Молва про Сагалло уже докатилась до Адена, — переводил Лапшин.

— Говорит, что признателен за брата, и в долгу не останется. Храни вас Аллах. В Адене британцы, и французов тут бояться не стоит, но лишний раз без надобности желательно не светиться. Патруль англичан останавливает часто, документы проверяет.

Юсуф схватил Лапшина за рукав и повел к двери сарая. Приоткрыл ее и указал на прикрытую соломенными корзинами брешь в ограде. Сразу такую и не заметишь.

— Через эту дыру выход в город, — перевел Лапшин. — Через лавку не надо ходить. А когда возвращаться станем, без оглядки в дыру не ползти. Сперва посмотреть, нет ли чужих во дворе. Как забрались, по двору не шататься, а сразу в сарай идти.

Юсуф сказал еще что-то, уже тише. В голосе его слышалось беспокойство.

— Долго нам тут отсиживаться нельзя, — продолжил Лапшин. — Два, три дня. Потом кто-нибудь точно прознает и наведет англичан. Извиняется, но под пули за нас лезть не станет, семья у него большая, четверо детей. Говорит, чтобы мы это понимали заранее.

Я кивнул, возможно, старик ждал, что мы начнем спорить, но каков у нас выбор? Спасибо и на этом.

Юсуф ткнул пальцем на кувшин и развязал один сверток. В нем лежали какие-то пироги и куски вяленого мяса. Потом подвинул второй, там были финики и что-то еще.

— Это что еще за круглики недоделанные? — спросил Рыжий, с подозрением разглядывая сложенные квадратами лепешки.

— Мутабак, — поправил его Лапшин, уже потянувшись к свертку.

— Какой табак?

— Не табак, а мутабак. Местный пирог на тонком тесте, с мясом, яйцом и луком. На железных листах такие жарят, в Адене почитай на каждом углу. А бывают еще и сладкие, те больше с медом, фруктами или орехами, тоже шибко вкусные. Но эти, видать, мясные, самые сытные.

— Благодарствую, Юсуф, — сказал Чугунов.

Старик кивнул и вышел во двор.

Пока мы разбирали нехитрые запасы, во дворе звенела посуда, а с соседней улицы доносился брехливый лай собаки. Рыжий громко чавкал, Лапшин шупал свою рану и морщился. Федор Николаевич снял бурнус, взял кувшин и подошел ко мне.

— Андрей, полей-ка на руки. Морду умыть охота, мочи нет.

— Э-эх! — вскинулся Семен с куском во рту. — Вы это, воду-то всю не расходуйте. Нам еще тут куковать немало предстоит.

— Не бойсь, Семен, — отфыркиваясь, произнес Чугунов. — Сейчас чутка охолонемся, и делами пора заниматься. — перевел он вопросительный взгляд на меня.

— Все так. Думаю, идти надо по двое, чтобы внимания лишнего не привлекать. Я с Лапшиным до аптеки бы сходил. Ему рану надо нормально обработать и перевязать, а не как сейчас, на честном слове. Глядишь, все потребное найдем, а там, может, и до знакомцев Федора Анциферовича доберемся.

Чугунов смекнул, куда я клоню и подмигнул мне.

— А вы, Федор Николаевич с Семой по гавани могли бы пока пройтись, лодочников поглядеть. Если выйдет, узнайте, что за суда в порту стоят. Авось кто за серебро билет в Одессу нам выпишет, лишь бы только хватило того серебра.

Семен перестал жевать.

— Под зад нам точно выпишут, Андрюха. Но, глядишь, и билет найти сподобимся.

— Хохмач ты, Сема, шут гороховый, — махнул я рукой.

— Так и сделаем, — сказал Чугунов, стряхивая воду.

Он отломил кусок пирога, пожевал и добавил:

— Время, братцы, у нас до заката. Ночью шариться себе дороже. Так что надо поспешать, пока муэдзины снова не заголосили. По ним тут время засекать можно, не промахнешься.

— Добре, — сказал я.

— И еще, — Чугунов повернулся к Лапшину. — Твои знакомцы за серебро помогать станут али как?

Договорить он не успел, потому что Лапшин, растянувшись в улыбке, его перебил:

— Некоторые мои знакомцы мне по гроб жизни обязаны. Я ведь не только ромашковым чаем отпить могу, но и цианистым калием попотчевать. За всякими просьбами они ко мне тут обращались, было дело. Таких немного, но имеются.

Чугунов даже опешил от такой дерзости. Еще день назад Лапшин дрожал, как осиновый лист, от одного только взгляда в его сторону, а тут, гляди, хвост распушил.

— Доктор, ты, конечно, человек полезный, не спорю. И бравада твоя мне понятна. Но уясни себе одно. Ежели свернешь с выбранного пути, то бишь с нашего пути, или на чужих выведешь, я тебя потом с того света достану. Ты вроде исправляться стал, вот и не вздумай дурить.

— Да, Анциферович, зацепил ты Федора Николаича, — улыбаясь, произнес Рыжий.

Он как раз проверял револьвер. Откинул барабан в сторону, направил ствол рядом с Лапшиным и сухо щелкнул.

— Больше так не шуткуй.

Доктор побледнел, закашлялся и схватился за раненый бок. Потом затараторил, глядя на Чугунова:

— Да куда мне теперь от вас деваться, Федор Николаевич? Я и сам понимаю, что без вас я тут пропаду. Я теперь к вам до Одессы привязан, не меньше.

— Это ты верно уяснил, — процедил Рыжий.

Чугунов накинул бурнус, затягивая пояс, и махнул рукой в сторону Семена.

— Ладно, будет вам. Я про серебро спросил потому, что немного у нас его. Так что, Андрей, вы с должниками Лапшина постарайтесь разговориться, коли они и вправду имеются. А мы с Семеном деньги попридержим покуда. Вдруг кого умаслить придется для пользы дела. Хотя и ты возьми немного серебра, да меди, авось пригодится.

Лапшин перевел взгляд на меня.

— Андрей, давай выдвигаться, и правда рану обработать надо, не дай Боже сепсис какой.

Чугунов окинул нас взглядом и кивнул.

— Ну что ж, братцы, с Богом.

Я подошел к двери сарая, приоткрыл ее, во дворе ни души.

— Пора, — махнул я рукой и юркнул к брешу в заборе.

Аккуратно протиснул голову, чтобы осмотреть улицу, кажись, никого. Я вылез первым. Федор Анциферович следом, но рана не давала ему прыгать сайгаком. Пришлось подхватить болезного и вытаскивать почти волоком. Еще немного, и мы оба стояли снаружи, отряхиваясь от пыли.

— Да твою ж...! — выругался я на осла, который заревел во дворе напротив и заставил меня вздрогнуть. — Какой голосище мерзкий!

— Андрей, не так громко. А то и десяти шагов не пройдем, тем паче по-русски не стоит. Давай держись ближе, не отставай.

— Добре, Федор Анциферович, идем молча. По нашему маршруту все понятно?

— Перво-наперво в аптекарскую. А далее по моим лавочникам-знакомцам.

— Угу, только вот мне конкретная аптекарская лавка нужна, Сулеймана аль-Фахри. Знаешь такого?

— Кто ж в Адене не знает Сулеймана, Андрей. У него лучшие «Слезы Аравии» на всю округу.

— Что? Какие слезы, лекарство что ли?

— Да, настоящая сомалийская мирра в золотистых каплевидных самородках. Именно самородная, а не та, которую сборщики получают, когда надрезы делают на дереве. На вид смола обычная, а по правде, очень ценная. И рану любую залечит, и от лихорадки уберезит. Она-то мне и нужна сейчас, да и вам с Чугуновым и Семой не мешало бы ссадины помазать, а то не сегодня, завтра гноиться начнут, климат тут такой, морской. От малейшей занозы гангрену получить можно. Хотя ты, наверное, и в Сагалло сам успел это понять.

— Подлечимся, Федор Анциферович, ты главное, доведи до этого Сулеймана.

— Это дело несложное, главное, чтобы он на месте был. Погодь, а ты откуда про Сулеймана знаешь и почему к нему нужно?

Я знал, что рано или поздно Лапшин задаст мне этот вопрос, поэтому ответ подготовил заранее.

— А это, Федор Анциферович просьба отца моего. Незадолго до боя в Сагалло, он сказал, что бывал у этого Сулеймана, и оставил у него свой кисет. Так-то кисет как кисет, ничего особенного. Но вещь эту дед еще с турецкой привез трофеем, семейная реликвия короче.

— Дело хорошее, Андрей. Сулейман человек порядочный, наверняка вещицу припрятал, не переживай, я его давно знаю. Помогу договориться, чтобы вернул твой кисет.

Пройдя вдоль низкой стены шагов двести, мы почти никого не встретили. Потом прошмыгнули в широкий проход, где нас тут же подхватила уличная толпа.

Вот это уже был портовый город во всей красе. Не Одесса, конечно, но жизнь кипела. Ослы перли навстречу, навьюченные плетеными корзинами. Кто-то ругался за верблюда или с самим верблюдом. Часто попадались водоносы с бурдюками. Торговцы орали, босоногая пацанва носилась сломя голову.

Лапшин шел рядом. Видно было, что он слегка ожил. Все-таки раньше бывал тут, и места ему эти знакомы.

Я двигался следом и старался запоминать ориентиры. Чувствовалось, что память Добрецова в очередной раз готовит путь отхода. Или фиксирует детали, которые я сам бы ни в жизнь не подметил.

Вот узкий проход, где грабителям легко зажать прохожего с двух сторон. Думается, такое тут не редкость. Ага, верно: вон на углу и наблюдатель примостился. Видать, жертву поджидает, а потом подельникам знак подаст.

Дальше, под низким навесом я приметил лотки, за которыми можно незаметно юркнуть за стену и скрыться с улицы.

А крыша над мясной лавкой подходила для огневой точки. Обзор на перекресток отличный. Простреливаться будет почти половина квартала.

Вообще надо бы разобраться с этими непонятными знаниями, доставшимися мне от Андрея Добрецова из XXI века. Их много, а понять, как следует подумать об этом все недосуг.

— Не зевай, — бросил через плечо Лапшин. — Здесь карманников, что чаек в порту.

Чем дальше мы шли, тем малолюднее становилось. Доктор наконец сбавил шаг.

— Вон, кажется, тут.

Над входом лавки висел выцветший тряпичный навес, в дверном проеме на сквозняке колыхалась кисея. Изнутри шибануло сухими травами и чем-то аптекарским. На жаре такие ароматы и мертвого поднимут.

— Чего встал? — шепнул Лапшин. — Это она и есть, та самая лавка Сулеймана аль-Фахри.

— Воняет здесь вашей медициной, — попытался я отшутиться.

Мы вошли в полутемное помещение. После изнуряющей жары тут казалось даже прохладно. Но травы и снадобья и правда воняли чересчур.

Интересная у них аптекарская лавка. Никогда таких не видел. На глиняных полках, выбитых прямо в стене, стояли склянки с сухоцветами. В колбочках лежали какие-то порошки, еще много всего непонятного. На прилавке медные весы и ступка.

Из полутьмы появился смуглый старик с седой щетиной. Посмотрел на Лапшина, потом на меня. Потом отчего-то на мои сапоги. По взгляду стало ясно, что на радушный прием рассчитывать не стоит. Но вдруг он растянулся в широкой улыбке и двинулся в сторону нашего доктора.

— Салам алейкум, Федия. — Обнял он Лапшина, отчего у Анциферовича перехватило дыхание, но он постарался не показывать вида, что ему больно. В ответ тоже заулыбался и наспех проронил.

— Алейкум Асалам, Сулейман.

— Ты где так долго пропадать? — перебил его старик на ломаном русском. — Что болит, говори, микстура есть, как это на твой язык, говорить. Опиум, знаешь такой лекарство?

— Подожди, Сулейман, перевязочный материал есть у тебя?

— Что есть? Не понимать тебя Федия.

— Ткань чистая, чтобы рану перевязать, корпия.

— А, корпия дам. Морская губка тоже брать?

— Да, губки, карболку, корпию и «Слезы Аравии».

Сулейман удалился и послышался звон склянок.

— Анциферович, ты что тут понабрать решил?

— Стандартный набор, чтобы не подхватить какую лихорадку или инфекцию. Морскими губками промою рану, карболкой смочу корпию, чтобы пропитать ее от всякой заразы, а потом смолу в рану заложу. И, поверь, до завтра как на собаке все затянется.

Из подсобки вышел Сулейман, держа в руках две склянки, смотанное в небольшой рулон белое полотно. Одна склянка была довольно большая, с крышечкой, в ней тусклая розовая жидкость. Вторая размером не больше указательного пальца с мелкими горошинами. Наверное, это те самые «Слезы Аравии»

— Вот, Федия, все есть у Сулеймана.

После этого он повернулся и снял со связки сухой комок, похожий на кусок старого войлока.

— Где тут можно рану перевязать, Сулейман?

— А... туда идти. — Сулейман показал в сторону подсобки

— Иди, иди, дорогой, я сейчас тебе помогаю.

Лапшин удалился в комнату, а Сулейман достал из-под прилавка медный таз. Открыл первую банку и по помещению разлетелся мерзкий запах. Такой я уже встречал в Новой Москве, когда Лапшин казаков пользовал.

Араб погрузил в этот таз полотно целиком, а следом кинул туда тот самый серый комок, я так понял, что это была морская губка. На моих глазах этот «камень» расправился и стал мягким.

Сулейман взял таз, маленькую склянку с кусочками смолы и удалился к Лапшину. Но вскоре вышел и усталился на меня, возможно, что-то хотел спросить.

Я шагнул к прилавку, почитай вплотную.

— Ас-саляму алейкум, уважаемый Сулейман, дело имеется и у меня.

— Алейкум асса лам. Ты слуга Федии?

— Ну можно и так сказать.

— Что же ты свой господин совсем не беречь?

Тянуть я не стал, а то упорхнет старик Федора пользоваться.

— Мне бы микстуру от морской болезни. По рецепту доктора Смирнова.

Араб замер, его глаза чуть расширились, улыбка сошла с лица. Выждав немного, он произнес.

— Рецепт утерян. Но я помнить состав, — ответил он тихо.

— Главное, чтоб имбирь был, — продолжил я.

Он развернулся и замолчал. Я уж подумал, что на этом диалог закончен.

— Имбирь привезут утром, на старый пристань. Приходи забрать? — сказал он.

— Храни тебя Аллах, Сулейман, все понял, буду.

И тут же Сулейман опять стал улыбочивым и приветливым стариком-аптекарем.

— Федия, — громче сказал он в проем подсобки, — что еще тебе дать?

Из комнаты вышел Лапшин, нес склянку с остатками смолы.

— Спасибо, Сулейман. Аж полегчало, собери еще сухого полотна, карболку мы тоже с собой заберем. Андрей, — повернул он ко мне голову, — рассчитаться бы надо.

Я достал серебряную монету с бабой австрийской кажись и протянул Сулейману.

— Федия, ничего не стоит. — Поднял он ладони в останавливающем жесте, — Подарок мой тебе, вижу у тебя времена не простые, а потому убери серебро.

— Храни тебя Аллах. — Лапшин с благодарностью поклонился.

— Все Федия, мой время уже в другой место, имбирь на пристань идти надо. — незаметно подмигнул он мне.

Сулейман развернулся и ушел за ширму.

— Благодарствую, — сказал я ему вслед.

Он только рукой махнул, будто отгоняя дым, а мы вышли на улицу.

— Все Андрей, теперь можно и по знакомцам пробежаться. Тут недалеко на берегу харчевня рыбацкая есть, там народ разный бывает, хозяйина я хорошо знаю.

— Ты меня, конечно, Федор Анциферович, извини, но от тебя сейчас разит шибко твоими этими мазями. Ты же всех рыбаков там распугаешь у своего знакома.

Сам же я думал, как поутру оказаться на старой пристани, где, возможно, найду дядьку, и чуйка мне сейчас подсказывала, что нам надо возвращаться.

— Давай-ка вот что, Федор Анциферович, идем обратно. Ждем Чугунова и Рыжего, глядишь они чего разнюхали. Да и тебе полежать стоит, а то медицина впрок не пойдет. А там утро вечера мудренее, решим, что делать.

— Хорошо, Андрей, я отдохнуть не против.

На этом мы двинулись обратно, прошли шагов пятьдесят не больше, как Лапшин резко меня тормознул.

— Дырявая моя голова, я себя перевязал, а вот кисет твой отцовский, из башки вылетел напрочь.

— Пока ты Федор Анциферович себя латал, я с Сулейманом договорился. Он его мне поутру отдаст, правда придется на старую пристань сходить, наверное, он там неподалеку живет.

— А я-то думаю, пошто он так охотно помогал. Это же, Андрей, человек восточный, может вину какую за собой почуял. От того и на подарки больно уж щедрым стал.

— Может быть и так, ну да что теперь.

До двора Юсуфа мы добрались быстро. Перед тем как пролезть, я огляделся и юркнул первым, а за мной и доктор, правда опять ему пришлось помогать.

— Их еще нет, — сказал Лапшин, заходя в сарай.

Я молча кивнул и устроился у стены, подложив под спину тук с казачьей справой.

— До вечера время еще есть, — продолжил Лапшин. — Может они по судну договариваются?

— Может, может, — прикрыл я глаза.

— Главное, чтобы... — Не успокаивался он.

— Федор Анциферович, угомонись уже. Отдохни, пока просто ждем.

В полудреме от усталости время пролетело незаметно. Раздался протяжный голос муэдзина, и почитай сразу во дворе что-то скрипнуло. Я на всякий случай взвел курок револьвера.

— Фух! — выдохнул Чугунов, входя внутрь.

За ним ввалился Рыжий, задел плечом косяк, зацепившись за него.

— Это чем так у вас воняет? — сходу бросил Сема.

Чугунов остановился, снял тюрбан и устало провел ладонью по лицу.

— Да, братцы, вы бы дверь приоткрыли, — сказал он. — А то словно в госпиталь попали.

До чего же зловонно, кажись карболка, да, Анциферович?

— Она, Федор Николаевич, она самая. Для вас тоже припасли.

— Только приблизься ко мне с этой карболкой, спать будешь во дворе, — бросил Рыжий, присаживаясь у тюка.

— Хорош уже, Семен, — сказал я. — Сказывайте, что у вас?

— А особо-то и ничего, умаялись только. Чутка заплутали, думали, до ночи круги нарезать будем.

— По гавани есть что?

— Разговорились на пристани с одним армянином. Со дня на день в порт должна зайти «Москва», пароход Доброфлота. Встанет на рейде на загрузку углем. Армянин говорит, шанс есть там очутиться, но нужны документы. Сделать их можно через нашего консула. Вот с этим вопросом завтра пойдем в город.

Чугунов перевел взгляд на меня.

— Вы, судя по вони, в аптеке были?

— Были, — ответил я. — Подлатали доктора нашего, ну и кисет отца нашелся. Вот только мне за ним утром на старую пристань сходить нужно.

— Чего еще за кисет? — не понял Николаич.

Я быстро пересказал ту же легенду, что уже говорил Лапшину. Чугунов слушал молча, и в какой-то момент смекнул про что я говорю.

— Дело доброе, — произнес он. — С тобой пойду на всякий случай. Я сегодня у старой пристани уже крутился, дорогу знаю.

— Добре, Федор Николаевич.

— По знакомцам-то ходили? — спросил Рыжий.

Я кивнул на доктора.

— Да уж куда с такими ароматами, за версту воняет, и на патруль напороться немудрено.

— Федор Николаич, — продолжил Семен. — Я вот что подумал, коли с деньгами у нас не густо, то может завтра на базаре или еще где планшет продать. Ну или выменять на что?

— Это тот, с канонерки из каюты Деверо? Ты что его с собой все это время таскал?

— Ну да, сами же сказали, чтобы я карты собрал и с собой... Ну я его прихватил к поясу кушаком, да так и ходил.

— Сперва надо глянуть что там за карты, дай-ка его сюда.

Семен открыл добротный кожаный планшет, видимо, такой французским офицерам по уставу положен, и вытащил бумаги.

— Гляди-ка, и карты хорошие, токмо на французском все. Вот Красное море, Аденский залив, вон гляди и Обок, Таджура, Сагалло, все имеется.

Чугунов вытащил из бокового кармана еще несколько бумаг, одна выделялась вошеной обложкой и надписью внизу.

— Это что? — спросил он. — Анциферович, глянь-ко.

Лапшин взял бумагу осторожно, развернул к свету.

— Похоже, служебное удостоверение или предписание. Тут имя, Арман Деверо. Капитан канонерки «Метеор». Печать морского ихнего ведомства в Обоке.

— Вот оно как, — протянул Рыжий.

— Андрей, подь сюды, — уже ко мне обратился Чугунов. — Глянь, это что, подпись Ашинова, или мне мерещится? Бумага была желтоватая, местами затертая. Сверху арабская вязь, а ниже, в самом углу, стояла подпись Н. Ашинов.

— Федор Анциферович, — сказал я тихо. — Тут документ любопытный, отвлекитесь.

Лапшин взял лист, молча зашевелил губами, начиная хмуриться. Перевел взгляд на подпись Ашинова, на соседнюю вязь и на странную печать.

— Ну что там? — не выдержал я.

— Э-э... если я правильно понял, то это бумага о праве владеть землей подле Сагалло. Тут сказано, что участок передается под поселение, постройки, церковь нашему Николаю Ашинову.

— А подписи-то чьи? — не выдержав влез Чугунов.

Лапшин снова опустил глаза к документу.

— С русской стороны Ашинов, а вот второе имя султана Мухаммада Лойта. А рядом, кажется, подпись имама Мухаммада Али как свидетеля. Тут сложно, я не все разбираю, но смысл кажись такой.

Чугунов медленно взял документ, поднес ближе к глазам, будто сам понимал арабскую вязь, потом оглядел нас всех.

— Выходит, братцы, что лягушатники нас разгоняли незаконно?

— Выходит, так, — улыбнулся невесть отчего воодушевившийся Сема.

— А еще документ этот, считай, приговор нам, — вздохнул я. — Французы за ним охотиться станут, ведь если он всплывет в нужном месте, то им отбояриваться долго придется, а потому искать они его крепко будут, а с ним и нас. Думаю, что уже начали...

Глава 10. Родственнички

— Сема, у тебя документы Деверо?

— Так точно! — отозвался Рыжий и, протянул их уряднику.

Чугунов аккуратно сложил документ с подписью Ашинова и убрал в вошеную обложку удостоверения, а потом себе за пазуху.

— Пока пуцай полежит у меня. В Адене его некому передать. А вот уже в Одессе видно будет, что с ним сделать. Еще лучше, конечно, чтобы бумага в Петербург попала. И не абы кому.

— Только вот откуда нам это узнать? — сказал я.

— Да хоть военному министру, хоть в канцелярию Его Императорского Величества, — неожиданно вспыхнул Семен. — Главное, чтобы не замылили. А то выходит, мы Новую Москву строили, душу вкладывали, а без этой бумаги вся затея разбойничьей и незаконной выглядит для общества. Да и самому Ашинову с архимандритом может каторга на родине светить. Так что, бумага эта шибко ценная.

— Семен, ежели ты хочешь, чтобы все о ней узнали, то надо сразу в «Новое время» или в «Правительственный вестник» ее нести, — подхватил Лапшин. — А то от военного министерства или канцелярии она все равно в министерство иностранных дел попадет, а там сами понимаете...

— Ты к чему клонишь, Анциферович? — спросил Чугунов.

— К тому, что министр иностранных дел у нас нынче Николай Карлович Гирс. А он изначально противился отправке Ашинова в Абиссинию. Уж почему, того не ведаю, и Николай Иванович о том не рассказывал. Знаю, что очень тяжело ему было поддержку властей искать. Нашлись, конечно, и те, кто поддержал, например Константин Петрович Победоносцев, обер-прокурор Святейшего Синода, губернатор Нижнего Новгорода Баранов, морской министр Шестаков. Точно, что и другие были, перечислил лишь кого помню. Но без них похода бы нашего не случилось.

— А в «Новом времени» знаю есть журналист Суворин. Он в своих статьях поддерживал Ашинова перед экспедицией. Думаю, ему этот документ очень интересен будет и в стол не пойдет.

— Да уж, Федор Анциферович, силен ты в политике, ничего не скажешь, — ответил урядник.

— Ничего особого. О том мне Николай Иванович разоткровенничался, когда у него сердце прихватило. Он хоть и крепок здоровьем, но, видать, натерпелся с этими чиновниками. Да и климат тут непривычный.

— Верно дохтор толкует, — продолжал ерзать Рыжий. — Нам бы в Одессу попасть или любой другой наш порт, а там я хоть пешком до Петербурга, но до писаки этого доберусь и документ передам.

— Резкий ты, Семен, — перебил его Чугунов. — Такое с насоку не решается. Обмозговать надобно, а потому угомонись покуда. Скоро полночь, а утром нам с Андреем на старой пристани надо быть. Давай уже на боковую!

Урядник укрылся бурнусом и уже через минуту засопел. Рыжий вернулся на свою циновку, и тоже вскоре затих. Только Лапшин еще какое-то время возился, проверяя, как заживает рана.

Меня же одолевали мысли, оттого и сон никак не шел. Я лежал с открытыми глазами и смотрел на звезды сквозь дыру в крыше сарая.

Память Андрея Добрецова. Откуда она взялась вообще? И почему это со мной произошло? Не может же быть какой-то магией или наведенной порчей. Да и на душевнобольного я не похож. У нас в станице был блаженный Ермол, так там и вовсе тяжелый случай.

Но ведь воспоминания как-то всплывают. И четкие такие, зараза. Причем каждое всякий раз откладывается в памяти.

Я словно получаю частичку опыта воина из будущего. Теперь-то уж точно знаю, что Добрецов воевал в двадцатом и двадцать первом веках. Точно была Чечня и, кажись, Африка, где он в конце концов и погиб.

Интересно еще то, что память Добрецова проявляется не случайно, а лишь в ту минуту, когда жизненно необходима. Так было, когда я расстреливал французский десант в Новой Москве, на канонерке при побеге и еще несколько раз.

Я повернулся на бок:

— Сема, не спишь?

— Чего тебе? — сонным голосом спросил он.

— Скажи, а бывает у тебя такое, что во время опасности ты будто другим становишься? Лучше начинаешь соображать или что-то вроде того.

— Андрюха, меня в станице по малолетству бесом звали. В драке, ежели такая случалась, я и зашибить мог. Словно пелена перед глазами опускалась, а сам потом того и не помнил. Будто и не со мной это происходило. Когда уже батя меня пластунской науке стал учить, то дурь ту повыбил, почитай полностью. Хотя изредка нет-нет, да и накатывало.

— Семен, это называется пароксизм гнева, — вдруг оживился Лапшин, приподнимаясь. — Об этом еще Жан-Этьен Эскироль писал, между прочим, ученик самого Пинеля.

— Анциферович, ты можешь по-русски изъясняться? — буркнул Сема.

— Это когда ты в порыве ярости теряешь рассудок и не контролируешь свои действия, — пояснил доктор. — Да только Андрей про другое спрашивает.

— Угу, — подтвердил я. — Словно в момент опасности кто-то подсказывает, что делать нужно.

— А вот это больше похоже на раздвоение личности. С научной точки зрения такое объясняет теория диссоциации. Если по-простому, то два сознания находятся в одной голове. Слышал, такое после сильной травмы или потрясения случается. Но это пока лишь теория, без доказательств, хотя Пьер Жане лет восемь как первым начал те самые доказательства искать. Что там сейчас раскопал этот француз, мне неизвестно, но не думаю, что шибко много. Голова — самый малоизученный орган человека. Дело темное, короче.

Лапшин немного помолчал, задумавшись, и добавил:

— Ты бы, Андрей, об этом никому боле не рассказывал. Наука развивается семимильными шагами, и, может, когда-то это и смогут описать. Но вот лет сто, а тем паче двести назад тебе бы с такими рассказами прямая дорога на костер была. Или еще хуже, в дом душевнобольных.

Я не перебивал доктора, а он продолжал свою мысль.

— В минуты опасности похожее у многих случается. В разной форме, конечно. После того, что с нами в Сагалло было, да и потом, оно в целом неудивительно. Не переживай, скорее всего, как выберемся и вернемся к нормальной жизни, все придет в норму.

— Да я и не переживаю, — ответил я, хотя, признаться честно, лукавил. — Просто хотелось разобраться.

— Спице уже! — рявкнул Чугунов. — Нашли время трындеть, о какой-то ереси. Завтра разберетесь, кто бесноватый, а кто блаженный. А сейчас спать!

После окрика мы угомонились, но сна не было ни в одном глазу. В голове засела догадка: для появления памяти Добрецова нужна опасность.

— Сема! — шепотом сказал я и сел на циновке.

— Да что тебе? — приподнял тот голову. — Ты угомонишься уже или нет?

Я подобрался ближе к нему.

— Сем, ударь меня.

— Громов, ты что, рассудком тронулся? — отозвался Чугунов, приподнимаясь.

— Семен, ударь меня. Да так, чтоб искры из глаз.

— Перегрелся, что ли? — процедил Семен, вставая и разминая плечи.

— Прекращайте, мать вашу! — крикнул Чугунов.

Я обернулся на голос и краем глаза заметил, как Лапшин потянулся к склянке с карболкой.

— Андрей! — окликнул меня Рыжий.

— А?

— На!

Россыпь искр, и меня накрыла темнота.

Приходя в себя, я будто сквозь туман слышал, как Чугунов отчитывает Семена. Надо мной склонился Лапшин, и где-то рядом уже воняло карболкой. Левая скула саднила. Я пошевелил челюстью, провел языком. Кажись, зубы на месте. Да вот только сознания Добрецова не объявилось.

— Ну что, Андрей, разобрался со своим вторым сознанием? — спросил доктор, промокая мне скулу.

— Разобрался, — прохрипел я и сплюнул в сторону. — Сема и первое, и второе из меня выбил напрочь, похоже.

— Ну вон, шуткует, значит, жить будет, — прозвучал веселый голос Рыжего.

Чугунов тяжело выдохнул, махнул рукой и улегся на место.

— Завтра, Громов, поговорим, — гневно сказал он. — А сейчас всем спать. Боже упаси кому-нибудь еще рот открыть.

Скрипнула дверь, и я проснулся. На пороге сарая появился Юсуф. Он прошел к Лапшину, присел и начал тормошить того за плечо, что-то говоря по-арабски. Анциферович спал крепко и только мычал в ответ.

Я приподнялся, вспомнил про ушибленную скулу и сказал громче:

— Федор Анциферович, подъем.

Лапшин дернулся, распахнул глаза и тут же схватился за бок.

— Салам алейкум, Юсуф, — уважительно произнес доктор, усаживаясь.

Юсуф ответил и продолжил свою тарабарщину. Федор Анциферович слушал внимательно, потом переспросил, отчего старик заулыбался.

— Спрашивает, что нам нужно, — перевел Лапшин, оборачиваясь к нам. — Вода, еда, может, еще чего.

— Поблагодари его от нас за доброту, — сказал Чугунов. — И скажи, что помыться нам надобно.

Лапшин перевел. Юсуф кивнул, ткнул пальцем в сторону двора и принялся что-то объяснять.

— Сейчас принесут воду, мыло и полотенца, — сказал Лапшин.

Спустя некоторое время в сарай заглянул мальчишка лет двенадцати. Приволок здоровый кувшин с водой, выскочил и вновь вернулся с плоской, кажись, наполненной мылом, и двумя грубыми, но чистыми полотнами на обтирку.

Ополоснулись по очереди. С водой в Адене, видать, напряженка, а потому и нам экономить пришлось.

После того, как мы кое-как привели себя в порядок, Юсуф появился с плетеным подносом, и горячими лепешками. Следом все тот же мальчишка принес чашки и пузатый чайник.

Старик разлил мутный чай, похоже, с молоком и специями, и придвинул широкую миску, где поверх овощей красовались жареные яйца с яркими оранжевыми желтками.

— Это он нас шакшуккой угощает, — пояснил Лапшин, оживившись. — Тут помидоры, перец, яйца. С лепешками утром лучше не найдешь. Да и чай я такой пил, бодрит хорошо.

— Вот так ароматы, — протянул Рыжий, наклоняясь над миской.

— Погодь, — остановил его Лапшин. — Гляди, как надо.

Федор Анциферович взял лепешку, оторвал от нее край, сложил вроде ковшика и быстрым движением подцепил густой желток вместе с красным соусом.

— Сначала чапати, это лепешка у них так зовется. Макайте, где соус погуще, — наставлял доктор, пережевывая. — А самую середину лучше на потом оставить. И не забывайте чаем запивать.

Мы переглянулись и принялись повторять за ним.

— Ох и ядреная же, — громко сказал Сема, вытирая нос тыльной стороной ладони. — Я думал, моя тетка перцу не жалеет, а тут, почитай, эта шакшука и вовсе...

Урядник ел молча. Правда, покраснел от перца, да капли пота на лбу виднелись. У меня и самого все нутро огнем горело.

Лапшин, который каждый свой кусок запивал чаем, усмехнулся и поднял чашку.

— Вы бы запивали, казаки. Молоко тут не просто для вкуса, оно остроту сбивает.

Рыжий тут же схватил свою чашку, сделал большой глоток, поперхнулся и устался на нее с изумлением.

— Да этот чай будто твоя карболка.

— Зато хорошо помогает остроту сгладить, — сказал Лапшин.

Чугунов наконец отложил лепешку, шумно выдохнул и покачал головой.

— Все, братцы, хорош! Не будь я так голоден, в жизнь бы к такому ядреному не притронулся. Анциферович, спроси у Юсуфа, сколько мы должны за постой.

— Федор Николаевич, не вздумайте ему деньги предлагать. Может и обидеться.

— Это еще почему?

— Потому что мы для него гости, а не постояльцы, — объяснил доктор. — У них тут с этим строго. Он помогает нам в благодарность за своего брата Хасана.

— Неловко как-то выходит.

— Вот так, — пожал плечами Лапшин.

— Тогда передай ему от нас сердечную благодарность, — сказал Чугунов.

— А еще, Федор Анциферович, — сказал я, обмакивая последний кусок лепешки в соус, — попроси, чтобы если он и завтра нас потчевать собрался, то, пожалуйста, поменьше перца.

Чугунов встал, отряхнул руки, поправил бурнус, проверил револьвер и глянул на меня.

— Все, Андрей, хорош лясы точить. Идем за твоим кисетом. А может, получится и консула нашего разыскать.

Я проверил свое оружие, надел тюрбан и двинулся к двери.

— А вы, — продолжил урядник, — из сарая без надобности не выходите. И ежели выйдет, то нужно нам справу в порядок привести. Узнайте у Юсуфа, может, постирать смогут. Да еще залатать, наверное, понадобится кое-где.

— Хорошо, Федор Николаевич, — ответил Лапшин. — Разузнаем.

На улице было пустынно. Солнце едва выглядывало, подсвечивая верхушки минаретов.

— Андрей, ты хоть помнишь, как твой дядька выглядит?

— В том-то и дело, Федор Николаевич, что станицу он покинул, когда я еще малой был.

— Так он же родной брат твоего отца, признать-то должен.

Я молча кивнул, хотя полной уверенности в том у меня не имелось.

— Андрей, веры аптекарю у меня нет, а потому как к причалу подойдем, то разделимся. Ты на встречу, а я следом, прикрывать буду. Там сарай рыбацкий есть, сети развешены, рыба сушится. Вот я за ним и буду, а то мало ли. Но гляди и сам рот не разевай. Ежели что почувешь, то ко мне. Револьвером не свети, он на крайний случай. Лучше и вовсе без стрельбы обойтись.

— Федор Николаевич, с чего бы западню ждать? Французов тут почитай не имеется, а англичанам до нас дела нет. Разве что патруль без документов сграбастает, тогда да...

— Эх, Громов, молод ты больно еще, а потому мотай на ус, что тебе старший говорит.

Чем ближе мы подходили к морю, тем больше народу становилось на улице. Публика разношерстная: носильщики, грузчики, торговцы да не пойми кто еще.

— Вот смотри, — урядник тронул меня за плечо. — Если спиной к мечети, то идти нужно по береговой линии вправо, вон к той скале. Видишь?

Я разглядел каменистый мыс, нависающий над кромкой воды. Там и правда угадывались очертания старого причала.

— Все, Андрей, расход, как договорились, — сказал Чугунов и стал отставать от меня.

Пройдя дальше, я понял, что на старом причале жизнь вполне себе кипела. Недействующим он вовсе не выглядел. Толкались торговцы, носильщики, у кромки воды стояла целая вереница шлюпок и три самбука, с которых сгружали товар. Были тут арабы, сомалийцы, индусы и европейцы в легких сюртуках.

Толпа гудела, хаотичное движение напоминало муравейник. От этого у меня даже в глазах зарябило.

Я вздохнул. Непонятно, как в этом бедламе отыскать дядьку, которого не помню от слова совсем.

С самбука в моем направлении двигалась толпа, десятка три индусов. Пришлось шагнуть в сторону и пропустить их. В этот момент в меня врезалась девушка, совсем непохожая на женщин, которых я тут видел ранее.

Она не была облачена в наглухо закрытую одежду. Лицо открытое, кожа темная, почитай черная. На голове яркий платок, из-под которого выглядывали тугие косы.

Я успел подхватить ее за руку, чтобы она не упала под ноги носильщикам. Девушка вцепилась мне в бурнус и легко коснулась ладонью груди, будто извинялась.

— Да ничего, проходи, — сказал я по-русски, улыгнувшись.

Девушка тоже улынулась в ответ, ловко скользнула мимо и скрылась в толпе.

Побродив еще немного по причалу, я решил двигаться обратно, к тому рыбацкому сараю, где должен был ждать Чугунов.

Отойдя от причала, у глухой стены, в узком проходе между двумя домами, я заметил того самого аптекаря, Сулеймана.

«Ну хоть что-то!» — обрадовался я и двинулся к нему.

Увидев меня, он улынулся и на ломаном русском произнес:

— Салам алейкум. Имбирь там, — махнул он рукой в следующий переулок.

Я замедлился, пытаясь высмотреть Чугунова за сараем, но безуспешно. Может, он и видит меня или сменил место. Но вот если я сверну в переулок, урядник точно потеряет меня из виду.

Покрутил головой, но без толку. Ладно, была не была!

Свернул в указанный переулок, а шагов через двадцать пришлось уходить вправо. Я успел подумать, что зря, наверное, сюда пошел, когда мне в спину, аккурат меж лопаток, уткнулся ствол.

— Стоять, — раздалось за спиной по-русски, но с выраженным акцентом.

Неужели Сулейман сдал меня? Черт его дери. Похоже, как теленка на убой отправил.

— Руки поднять. Медленно.

Я начал поднимать руки, мазнув правой по поясу, собираясь выхватить револьвер.

— Его там нет, не ищи. Теперь повернись ко мне. И не дергайся.

Я медленно повернулся и разглядел человека в запыленной одежде. На голове тюрбан, нижняя часть лица прикрыта темной повязкой. В правой руке мой револьвер, а в левой он держал крест, мой крест.

— Ах ты ж паскуда, — ощерился я. — Крест верни.

Глаза араба чуть сузились.

— Русский, ты зачем в Адене?

— Крест верни, — повторил я сквозь зубы, уже закипая.

— Я его вернуть, когда ты скажешь, что ты делаешь в Адене.

Он чуть опустил руку с крестом, и револьвер в правой ушел в сторону. Я сработал не задумываясь. Удар левой по кисти со стволом и правой в голову.

Незнакомец ловко отклонился, будто заранее ждал этого. Но револьвер все-таки выскользнул и упал на камни. В тот же миг он перехватил мою руку, развернул меня на пол-оборота и взял на удушающий.

Я попытался сбросить его, ударив локтем назад, но тот сместился, прижал сильнее и прошипел:

— Ну здорово был, племяш. Вот и свиделись.

После этого он отпустил меня и сделал шаг назад, сдергивая платок, закрывающий лицо, и я увидел точную копию моего бати. Только без усов.

— Что, Андрей, на женщин, выходит, ты больно падок? Сомалийка тебя разула в три счета, пока ты пялился, — улыбнулся он.

— Держи.

Он протянул мне револьвер, и я какое-то время разглядывал его молча.

— Не ожидал, что кинешься, — продолжил тот. — Но, как видишь, опыт против молодости...

Улыбка у него была как у моего отца. Правда, говор какой-то не наш, не казачий, что ли. Непривычный, скорее, больше на столичный похож.

Я его разглядывал, а тот тараторил и никак не умолкал.

— Ну ты чего, Андрей? Я Аркадий Громов, дядя твой, выходит.

— Слава Богу, дядя, вот и нашлись, — улыбнулся я.

— Ну так пошли, встречу нашу отметим. Я ж тебя и не помню вовсе. По глазам, считай, понял. Да и вот, — он поднял крест, — это ж батюшкин. Я узнал, что Васька в Сагалло с Ашиновым отправился, случайно. Ну и через своих ему весточку передал. Он, кстати, где?

— Отец... — начал было я.

— Ох ты ж, — перебил дядя меня. — А ну давай за мной, пока твой товарищ никуда не влип. Мои люди сейчас за ним приглядывают, а там всяко может выйти.

Он сорвался с места и рванул в ту сторону, откуда я появился, на ходу возвращая платок на лицо.

— Мне же проверить надо было, кто меня ищет. Вас мы вели от самого входа на причал. Имани вот тебя прощупала, и когда мне крест принесли, я сразу понял, что это либо Васька, либо ты. А они казака того придержать должны были, чтобы он за тобой не пошел. Мало ли вы мне какую засаду готовили, — уже на бегу продолжал он быстро говорить.

Мы выбежали из переулка и через сотню шагов оказались у рыбацкого сарая. Дядька рванул через сети напрямик, ловко проскакивая под ними.

И тут я увидел Чугунова. Он словно паровоз врезался в дядю Аркадия и снес того на землю, где уже лежали два араба.

— Федор Николаевич, охлони, то дядька мой! — крикнул я, оттаскивая урядника.

— Что? Дядька? Громов?

— Угу, — лежа лицом в землю, сказал дядя. Показалось даже, что с усмешкой. — Аркадий Громов. Ох и силен же ты, етишкин корень!

Чугунов встал, выпрямился и, оглядев распластавшихся на земле арабов, спросил:

— А это тогда кто такие?

— Сейчас выясним, — с улыбкой в голосе произнес дядька.

Он отряхнулся и сурово оглядел начинающих приходить в себя людей.

Глава 11. Змеиный клубок

— Сворачиваться надо, братцы, покуда красные мундиры не набежали.

— Англичане? — переспросил я.

— Они самые, Андрей. Вроде как сильно нашуметь мы не успели, но от греха подальше лучше отсюда ретироваться.

— А эти? — махнул я на пару поднимающихся с земли арабов.

— С этими я после сам разберусь. Хлипковаты больно оказались для такой работы.

— Так они из наших? — удивился Чугунов.

— Наши, ваши, какая теперь-то разница, — продолжал сердиться дядя Аркадий.

— Братцы, вы б что ли как-то намекнули, да опозналися. А то ж я думал, что вы меня зашибить решили, — пробасил Чугунов.

— Все, не до реверансов теперь. Андрей, Леня, готовы? — Дядя повернулся к двум ряженым «арабам». — Двигайте на базу, как вернусь, будем решать.

Оба молча встали и двинули в сторону причала.

— Идем, сейчас я покажу вам настоящий Аден, а не его британскую часть. Есть места, куда англичане никогда не суются.

Мы вышли из-за рыбацкого сарая и стали забирать вверх по узкой улочке.

— Идем в туземную деревню, так ее бриты кличут. Там в основном живут грузчики, сомалийские моряки, мелкие торговцы, рыбаки и прочий люд. Имани, кстати, которая тебя обчистила, Андрей, тоже оттуда будет.

Уже скоро мы попали в узкий переулок, по обеим сторонам которого тесно жались низкие домишки местных жителей. Затем свернули, и улица чуть расширилась. Здесь начинались торговые ряды.

Продавали всякое: тянуло дубленой кожей, дорогими благовониями, пахло жареными кофейными зернами. На прилавках пестрели рулоны тканей, стопками высилась чеканная медная посуда, ковры, мешки с разноцветными пряностями.

— Чуешь, Андрей, дух какой? — Дядя замедлил шаг, втягивая носом густой воздух. — Густой, пряный. Всякий раз, как на здешний базар прихожу, голова кругом идет. Англичане сюда носа не кажут, им безразлично, а как по мне — здесь главная жизнь города и проходит.

Мы свернули между рядами. Торговцы при виде нас тут же оживились. Один потряхивал перед нами пузатым медным кувшином и заулыбался, второй потянулся к узорчатому платку, третий что-то гортанно бормотал, указывая на мешки с сушеными плодами. Я двигался за дядей, только иногда вежливо кивал.

— Молча за мной держитесь, по сторонам не глазейте, — тихо бросил Аркадий.

Он уверенно свернул к неприметной лавке, которая больше походила на старый глинобитный сарай. У входа на низком табурете сидел старик с густой седой бородой. Он поднял глаза на Аркадия Игнатьевича и коротко кивнул, признав старого знакомого. Дядька сказал пару слов по-арабски, после чего старик приподнял тяжелую, засаленную занавесь за своей спиной.

— Голову пригибайте, низко тут, — предупредил дядька, пропуская вперед Федора Николаевича.

Пройдя по темному коридору, мы оказались в комнате, больше похожей на глубокий погреб. Здесь было удивительно прохладно — толстые стены намертво держали полуденный зной. На полу лежали старые циновки, в нише коптила масляная лампа. Когда-то беленые стены давно пожелтели и облупились от времени.

Мы разместились у стены на невысоких подушках. Вскоре перед нами уже стояли пузатый джезве и крошечные чашечки.

— Где это мы? — спросил Чугунов, оглядывая мрачное подземелье.

— Обычная местная кофейня для своих, — так же тихо ответил дядя. — Сюда чужаки не заглядывают. Местные могут часами в такой прохладе сидеть, цедить этот черный деготь да разговоры разговаривать. Зато лишних ушей нет, администрация сюда шпионов не засылает.

Вошел старик, молча поставил перед нами небольшое блюдо с сушеными финиками, плеснул в чашки густого, пахнувшего кардамоном напитка и так же тихо удалился.

— Так, ну что, вот теперь и поговорить можно. — Дядя сделал глоток горячего кофе и посмотрел на нас уже серьезно, без прежней улыбки. — Наслышан я про Сагалло. Про то, как вас французы там к берегу прижали. А вы, выходит, исхитрились и смогли выскочить?

— Да, дядя, — ответил я. — Только немногим удалось.

— Василий сейчас с Ашиновым в Обоке?

Чугунов прокашлялся:

— Игнатъич, где тут до ветру можно сходить да руки ополоснуть?

Урядник смекнул, что лучше оставить нас сейчас.

— А, так гляди, на выходе свернешь налево, там вторая комната будет, — сказал Аркадий Игнатъевич. — Кувшин с водой стоит, разберешься, не заплутаешь.

Чугунов вышел, а дядя повернулся ко мне.

— Васька, выходит, с Ашиновым? Ну что, думаю, вопрос их через консулов скоро решится, а ты пока со мною тут побудешь.

— Да погоди, дядя, — сказал я. — Погиб батя, при обстреле Сагалло погиб.

Он изменился в лице, поставил чашку, прикрыл лицо руками и какое-то время сидел молча. После взглянул на меня совершенно другими глазами, собранным и пронизывающим взглядом.

— Рассказывай, Андрей. Все рассказывай.

Ну я и поведал про обстрел форта «Новая Москва», про то, как батя перед смертью велел мне найти его брата.

Дядя внимательно слушал.

— Знаю... Про все, что случилось там, знаю, — сказал он наконец. — Только вот до последнего надеялся, что брату удалось выскочить. А особенно когда тебя увидел, надежда еще оставалась, но... — Он помолчал, посмотрел на меня и продолжил: — Василий говорил тебе, чем я занимаюсь?

В этот момент я ощутил, как дядя резко переменялся. До того он казался балагуром и балаболом, что для его службы выглядело довольно странно. А тут враз стал другим. Похоже, прежнее было маской, нужной для работы.

— Да, но немного, — ответил я. — Говорил, что ты на тайной службе уже много лет и в случае беды помочь сможешь.

— Добре. Федор что обо мне знает?

— Кроме того, что ты мой дядя, ничего.

— Ему можно доверять? — с тем же серьезным выражением спросил Аркадий Игнатъевич.

— За эти дни мы много всего прошли вместе и жизнь друг другу не раз спасали. Думаю, можно.

— Хорошо, — сказал он.

Вошел урядник и уселся на свое место.

— Тогда сверимся с тем, что имеем. Утром пятого февраля сего года, несмотря на устные договоренности Николая Ивановича Ашинова с местным султанатом, французы обстреляли форт «Новая Москва». Затем высадили десант, и поселению пришел конец. Погибшие были с обеих сторон. Пятнадцать человек, оказавших наибольшее сопротивление, приговорили к смертной казни и заточили в кубрике канонерки «Метеор». Потом смертникам удалось захва-

тить корабль и принудить команду высадить их ночью. На берегу десять казаков и гражданский Домбровский отделились и двинули вдоль побережья, где вскоре были расстреляны французами. А ваша группа из четырех казаков и доктора Лапшина, договорившись с местными, прибыла в Аден.

Дядя немного помолчал, задумавшись, после чего спросил:

— Все верно? Ничего не упустил?

— Алексей Бурлаков, — произнес Чугунов, — с нами был, но на пути в Аден погиб в стычке с пиратами.

— Ясно, — вздохнул дядя.

— И Домбровский живой остался. Не убивали его французы, кажись, как-то договориться смог, — добавил я.

— А вот это странно, про него я не знал. По информации, что прошла при задержании, было ожесточенное сопротивление. В результате боя с подразделением французской армии все разбойники были убиты. Ничего не путаешь, Андрей?

— Да что ты, Аркадий Игнатьевич, — влез Чугунов, — мы же с борта самбука видели, как десяток казаков расстреляли на месте, а Домбровский в стороне отсиделся, паскуда. Он ведь и подбил наших, чтобы не дожидаться, а уходить.

— Та-ак, это тоже проверить надо, — сказал дядя.

— А ты, Аркадий Игнатьевич, откуда так хорошо знаешь обо всем этом?

— Все, что сейчас от меня услышите, дальше вас уйти не должно, — сказал дядька, посмотрев на урядника и, дождавшись его кивка, продолжил. — С этой минуты для вас я Исмаил, торговый агент Добровольного флота. Так оно, собственно, и есть. Отвечаю за бункеровку углем наших судов в Адене. А в остальном работаю на военное ведомство. Думаю, так стало понятнее, Федор Николаевич?

— Понятнее некуда, Исмаил, — сказал Чугунов.

— Теперь другой вопрос. — Он заговорил тише. — Из Обока телеграфировали, что канонерка «Каприкорн» взяла курс на Аден и в ближайшее время будет в порту. И вот тут-то у меня не сходится. Гнать боевой корабль в Аден затем, чтобы взять четырех бежавших казаков и доктора? Слишком много чести для вас, не находите, Федор Николаевич?

Чугунов расправил усы, глянул на меня, потом перевел взгляд на Аркадия Игнатьевича.

— Имеется одна догадка, — сказал он наконец. — Когда ты описывал, что случилось, то сказал про устные договоренности Ашинова с местным султаном на размещение Новой Москвы в тех землях.

Дядя чуть прищурился.

— Ну да. Ведь французы договор подписали еще семь лет назад.

— Угу, — промычал Чугунов, — так да не так, Аркадий Игнатьевич. Дело в том, что и у Ашинова были бумаги, султаном тамошним подписанные. Не только лишь по устной договоренности он все это затеял.

— Погодь, Федор Николаич. Ежели бы был заключен настоящий договор, то о нем бы и дипломаты наши знали, и дело совсем иначе повернулось тогда. А о бумаге такой никто не слыхивал. Выходит, действовал Ашинов там как обычный разбойник, захвативший земли, да еще и именем Его Величества прикрывающийся. Потому-то от него и открестились все, чтобы не портить отношения с Парижем. Только вот не пойму, зачем французам было так жестко расстреливать казаков на берегу близ Обока, да еще и за вами отправлять военный корабль сюда. О том, как они узнали про Аден, и вовсе молчу.

— Думаю, Исмаил, разгадка находится вот в этой бумаге.

С этими словами урядник вытащил из-за пазухи вошеную обложку офицерского удостоверения и положил ее на стол.

— Это что еще? — спросил дядя.

— Бумага, из-за которой все, как понимаю, и завертелось, — ответил Чугунов.

— Так, удостоверение капитана Деверо, — произнес он, негромко разворачивая документ. — Вряд ли бы из-за этого они канонерку в Аден погналы.

— А ты внутри погляди.

Дядя достал желтый, затертый лист, расправил его и поднес ближе к свету. Он сосредоточенно перечитывал бумагу, и, кажется, не один раз.

— Откуда это у вас? — спросил дядя, не поднимая головы. — Хотя теперь и неважно. Бумагу оставляю у себя, надо будет с ней прояснить.

Чугунов подался вперед.

— Что тут прояснять, Исмаил? Тут и так понятно, что наших положили ни за понюшку табаку, а теперь хотят скандала избежать, оставив все как есть. Вот и носятся бесноватые за этим куском бумаги.

Аркадий Игнатьевич посмотрел на него и спокойно продолжил:

— Николаич, не все так просто, как ты думаешь. Идет большая игра не только здесь, на Ближнем Востоке, но и в Индокитае, на Дальнем Востоке, на Балканах. Тут французы, англичане, немцы, даже итальянцы. Все в такой змеинный клубок собрались, что без бутылки не разберешься. А вот эта бумага, по всему видать, французам как кость в горле. И ты прав в своих догадках: именно из-за нее за вами теперь будут гоняться все, кто о ней знает.

— То есть французы не одни на нас зуб точат? — спросил я.

Дядька посмотрел на меня, потом перевел взгляд на Чугунова.

— Больше, братцы, поведать не могу. Знания те вам покуда и не нужны, вы уж поверьте, — сказал он, убирая документ за пазуху. — Значит так, я справлю вам документы, и вы пойдете на Одессу в составе группы наших миссионеров из Индии. Они уже тут, в порту, и ждут, когда «Москва» в Аден прибудет.

— А «Каприкорн»? — спросил я.

— Вам надо лишь не высовываться покуда, да на глаза не попадаться тем французам, кто вас опознать сможет, ежели они все-таки появятся тут.

— Где встречаемся?

— Завтра после полудня, как муэдзин начнет звать на молитву, выйдете из харчевни Юсуфа. Меня увидите и пойдете следом, держитесь шагах в десяти, только не приближайтесь близко. Вдвоем приходите, своим обо мне покуда ни слова. Одежду и документы я вам справлю. Сейчас дорогу сами найти сумеете?

— Найдем, — ответил я.

— Добре! Первым выйду я, а вы еще с полчаса посидите, кофе попейте, поговорите.

Он поднялся, натягивая повязку на лицо.

— И еще, Федор Николаевич, — добавил он, подойдя к выходу. — Бумагу забрал не затем, чтобы спрятать. Сначала проверить нужно, понять, почему о ней было неизвестно. Больно уж она расклад случившегося в Сагалло меняет.

Чугунов посмотрел исподлобья и кивнул.

— Гляди, Исмаил, за нее люди полегли.

— Знаю, — вздохнул дядя. — Один из них мой родной брат...

После этих слов он пригнулся и исчез за пыльной занавеской.

— Батя, конечно, говорил, что брат его человек непростой и со своими причудами. Но я и не думал, что настолько.

— Прежде всего, Андрей, это твой родной дядька, и слава Богу, что теперь ты не один. А в остальном, может, оно и хорошо, что так вышло. Видно, он знает больше нашего, и доверять, думается, ему можно.

Назад мы шли, огибая многолюдную площадь и толчею портового города. Вокруг все было, как прежде, пока я не увидел казаков.

Сперва даже не поверил, но по другой стороне улицы прошел почитай целый отряд наших. Навскидку около двадцати. Двигались не строем, но довольно кучно. Папахи, черкески с газырями, начищенные сапоги.

На миг захотелось подойти к ним, поговорить, узнать, какими судьбами тут оказались. После круговерти последних дней на чужбине от них будто родным воздухом пахнуло. Я сделал первый шаг, но Чугунов тут же перехватил меня за локоть.

— Не дури, — сказал он тихо.

— Федор Николаевич, да это же свои.

— Свои, — ответил он, не отпуская руки. — Покамест с письмом Ашинова не разберемся, лучше тишком здесь будем. Идем куда шли и не пялимся, Андрей.

Лапшин и Сема встретили нас расспросами. Пришлось недоговаривать. Мол, пойдем снова к консулу, обещали помочь с документами.

На ужин Юсуф принес в сарай нехитрую снедь. Были лепешки, верблюжье молоко, орехи да финики.

— В этот раз совсем скромно, — сказал доктор, потянувшись разливать молоко по чашкам.

— Ничего, мы люди привычные. Бывало, я вот помню, — стал рассказывать Семен, — на пахоте, особенно если на дальний надел пошлет батя, то тоже жрать постоянно хотелось. Затемно встанешь, пока волов запряжешь, пока плуг поправишь, первый проход дашь, а рубаха уже к спине липнет, хоть и не жарко. Глядишь, а работы ешо немерено. После двух-трех проходов руки гудят, и жрать хочется, спасу нет. А до обеда еще далеко...

Он отломил кусок лепешки и продолжил:

— Зато потом как саломаху с салом, а то и с мясом сварганишь на костре, так готов хоть один весь котелок навернуть.

— Да ты, Сема, здоровый больно, тебя прокормить непросто, — улыбнулся доктор.

Рыжий хмыкнул, отломил еще лепешки, запил молоком и добавил:

— Да ну тебя. Вот как до Одессы доберемся, я вас не токмо саломахой уважу. Я вам барабулю так зажарю, локти себе обгрызете.

— Рыба такая? Слышал, вот попробовать не доводилось, — сказал Лапшин.

— Дойдем до Одессы, там и испробуешь, — улыбнулся Рыжий.

— А я, братцы, в Медико-хирургической академии у самого Склифосовского ассистировал несколько раз, — сказал Лапшин негромко. — На четвертом курсе то было.

— Брешешь! — Семен аж жевать перестал.

— Вот те крест, — Лапшин перекрестился. — Николай Васильевич, почитай, настоящую революцию в медицине сотворил. Вот вернусь в Петербург и попробую к нему в помощники набиться, коли выгорит. Набегался я уже, хватит с меня.

— Федор Николаич, ты ведь тоже с Кубани? — спросил я негромко. — Как же тебя в эту экспедицию-то занесло?

— Я из Пластуновской, что на Кочетах стоит. Станица у нас большая, справная. Так-то не бедствуем, слава Богу. Хлеб сеем, скотина есть, огород, все как у людей. Жена, двое сыновей да три дочери. Вроде бы все и хорошо, но землицы не хватает на столько ртов, как ни крутись.

Он вздохнул и продолжил:

— Вот вернулся я со службы домой, почитай четыре года не было, и слух прошел, будто на новой земле можно обустроиться. Земли вроде как обещали в достатке нарезать, да и денег опять же заработать. Вот я и не усидел дома.

Он усмехнулся и добавил:

— А теперь, сами видите, братцы, до чего доискались лучшей доли. Мне тепереча ни деньги, ни земля эта чертова выжженная не нужна, лишь бы до дому целым вернуться поскорей.

— Верно баешь, Федор Николаич, — подхватил Семен.

— Оно вроде как, — продолжил урядник. — Покуда молодой да ветер в голове гуляет, кажется, еще чуть-чуть, и жизнь наладится, надо лишь бежать не останавливаясь. И только вот тут, вдали от дома, начинаешь понимать, что для тебя действительно дорого.

Как и договаривались, к полудню следующего дня мы с Чугуновым были у харчевни Юсуфа и стояли возле стены. С этого места просматривались улица, двор и проход между лавками. Муэдзин уже отгорланил свое, а Аркадия Игнатьевича все не было.

— Может, не придет? — спросил я тихо.

— Утомонись, Андрей, ждем, — ответил Чугунов.

— Да твою ж... — выругался я, когда почти по сапогам проехала небольшая то ли арба, то ли тележка, которую тащил мимо носильщик.

В ответ на мои ругательства он повернулся и пробубнил из-под пыльного платка на лице:

— Ну чего как вкопанные? Пошли за мной.

Я узнал голос дядьки и едва опять не выругался. Чугунов тоже на миг застыл.

— Вот ведь чертяка, — прошептал он. — Давай вперед, чего встал.

Когда мы свернули на другую улицу, я оглянулся и увидел шагах в тридцати вчерашнюю знакомую Имани, она неспешно шла за нами. Наши взгляды встретились, и девушка одарила меня прекрасной улыбкой. Судя по всему, дядя приставил ее наблюдать со стороны. Вскоре она поравнялась с ним, что-то шепнула и исчезла, свернув за угол.

В переулке, куда мы вошли вслед за дядькой, он накиннул на плечи темный бурнус и стал наматывать на голову другой тюрбан.

— Так, все, — обратился он к нам негромко. — Хватайте этот тюк, в нем одежда, документы, и двигайтесь за мной.

— А это что за особа только что с тобой говорила, Исмаил? — озадачился Чугунов.

— Так Имани. Андрей-то ее узнал?

— Узнал, — вздохнул я.

Он кивнул в сторону одноэтажного здания, что стояло шагах в пятидесяти. Вскоре мы подошли к постройке из ракушечника и обожженного кирпича, с плоской крышей и маленькими решетчатыми оконцами.

У входа дядька сказал пару слов мальчишке, а тот в ответ лениво кивнул, поднялся и отодвинул занавес из грубой ткани.

Внутри было тепло и влажно. По каменному полу тянулись узкие стоки для воды. Стены, видать, давно выбеленные, местами уже облупились.

— Ого, это что, баня, что ли? — спросил я, оглядывая низкие своды.

— Вроде того, — сказал дядя. — Это, Андрей, хамам. Баня такая здешняя.

Мы прошли мимо большого помещения, где несколько арабов сидели вдоль стены на лавках, завернувшись в полотна, и о чем-то болтали. Дядька открыл низкую деревянную дверь, и мы попали в небольшую комнату. У одной стены стояла широкая лавка, рядом медный таз, два кувшина с водой и небольшая глиняная миска с серым мылом. Возле выхода на крюках висели тонкие полотна, а под лавкой лежали деревянные сандалии с широкими ремешками.

— Разувайтесь, — сказал дядька и первым принялся снимать одежду. — И вон пештемали берите.

— Полотенца, что ли? — спросил я.

— Угу, они самые.

— Вот это дело, Исмаил, — пробасил Чугунов. — Я уж думал, по-людски в этой жарнице помыться не получится, придется до Одессы маяться.

Через полчаса, посвежевшие, мы сидели на лавке и пили травяной чай.

— Да уж, — протянул урядник, — тепло тут, конечно, но вот парку не хватает. Я бы лучше в баньку нашу, да с веничком. — Он вздохнул. — А Дуня моя такие пироги печет, м-м-м.

— Будет тебе скоро и банька, и пирожки, если сладится все как надо, — ответил дядька. — Но сначала давай к делу.

Он проверил, как закрыта дверь, и повернулся к нам.

— Значит так, новости есть о вашем Домбровском. Он жив и тоже идет в Аден на «Каприкорне», вместе с французами. Подтверждение я получил два часа назад. После обстрела на берегу в Обоке пшек согласился сотрудничать с лягушатниками в обмен на свою свободу и... — Дядька сделал короткую паузу. — В обмен на ваши головы.

— Ах ты ж паскуда, — со злобой выдохнул урядник.

— Но это только начало. Дальше еще интереснее складывается. Ашинов действительно заключил соглашение с местным султаном Мухаммадом Лойта на аренду земли под Сагалло. Подписи, печати, вроде все как положено.

— Так выходит, законно все было? — спросил я.

— Так да не так, Андрей. Видишь ли, местные князьки ради выгоды могут такой договор заключить сразу с несколькими. Вот и выходит, что на эту землю он сперва с французами сговорился, а потом уж и с нашими. И переговоры те помогал вести Домбровский, как посредник и переводчик. Не знаю уж, как Ашинов с ним снюхался. И почитай сразу после подписания документа султан получил крупную партию оружия, причем английского. Об этом мы лишь недавно узнали.

— Да он часто терся рядом с атаманом, — добавил Чугунов.

— Вооот. А когда французский флот подошел, толмачом на переговорах опять же был Домбровский. Что интересно, лягушатники воевать не рвались, да и Ашинову-то это было не на руку. Но, выходит, разойтись миром не смогли.

— Думаешь, дядя, поляк специально так устроил? — спросил я.

— Погоди, не спеши, еще не все, — продолжил он, не отвечая мне. — Провокацию на берегу под Обоком, где расстреляли десяток казаков, тоже он устроил.

Дядька сделал глоток чая и продолжил:

— И получается, Федор Николаевич, куда ни копни, везде этот Домбровский. И всюду он нагадить успел. Французам он нужен только затем, чтобы достать ту бумагу, что вы мне передали. Но имеется тут и еще одна сторона, на которой играет Домбровский. И все сходится на англичанах. Именно им сейчас все происходящее на руку.

— Понимаете, ситуация такая, что Россия и Франция пытаются создать союз в противовес Тройственному. Англичане же стоят от всего этого вроде бы особняком, но и допустить сильного сближения Петербурга и Парижа не могут. Ведь если так случится, под вопросом станет их господство в Средиземном море, Индийском океане, да много, где еще. И вот все, что произошло в Сагалло, прежде всего в их интересах раздуть в полномасштабный скандал. Несмотря на то, что наши дипломаты ради большой политики могут и на тормозах спустить.

— Значит, нужно что-то еще? — спросил урядник.

— Именно, — кивнул дядька. — Мне известно, что в Аден ожидается прибытие высокопоставленного французского чиновника. И если Домбровский был завербован англичанами и работает на них, то его следующий шаг напрашивается сам собой.

— Не понял? — поднял бровь Чугунов.

— Дык чего уж тут непонятного. Если беглые казаки, к примеру, убьют французского политика, это все покажут, как месть за Сагалло, за расстрел товарищей в Обоке. Да и договор Ашинова с султаном тамошним в английские газеты попадет. Вот тогда конфликт дипломатам погасить просто не выйдет.

— Ну уж войну-то не развяжут всяко? — тихо спросил Чугунов.

— Не думаю, — кивнул Аркадий Игнатьевич. — Но вот о союзе Франции и России в ближайшее время можно будет забыть, а это и нужно Британии.

— Так, еще раз, — проговорил я. — Получается, что Домбровский попытается руками французов нас арестовать, а затем, ликвидировав французскую охрану при помощи англичан, инсценировать убийство того важного лягушатника нашими руками. Ну и нас, вероятнее всего, на месте пристрелить.

— Похоже на то, — усмехнулся дядька. — Англосаксы именно так и действуют, ничего у них не меняется, еще со времен Ивана Грозного...

Глава 12. Поворот на Восток

— Ну так получается, — Чугунов подался вперед, — Домбровского прощай в Адене придавить, и дело с концом.

— Нет, Федор Николаевич, — сказал дядя, вздохнув. — Больно он много знает, и сведения эти из него надобно вытрясти, если он и впрямь агент англичан. И тут мы подходим к главному вопросу, братцы.

Он обвел нас взглядом и продолжил тише:

— Получается, что, кроме вас, мне сейчас и помочь-то некому. Мои люди смогут добраться до Адена не раньше третьего дня, а Домбровский будет в порту сегодня.

— И вот тут придется посвящать в дело ваших товарищей, — добавил дядька. — Риск, сам понимаю, немалый, но другого выхода нет.

— Среди вас есть пластун Бирюков. Его сегодня поставим в дозор у порта. Ты, Андрей, будешь с ним. Вам нужно отследить путь Домбровского от порта до места, где его разместят, и доложить мне. Только ни в коем случае не обнаруживать себя раньше времени. Имани подаст сигнал, когда «Каприкорн» зайдет в порт.

Он повернулся к Чугунову.

— Ты, Федор Николаевич, и ваш доктор поможете мне с подготовкой.

Чугунов кивнул, а дядька подошел к тюку, который мы притащили с собой.

— Документы и новая одежда здесь. Разбирайте. А эту, — он кивнул на наши бурнусы и туники, — я сам выброшу. Еще в документах я изменил вам имена, но по прибытии в Одессу вам новые выправят, не беспокойтесь. Обратитесь в канцелярию порта с моим сопроводительным письмом, и там все сделают.

Мы с Федором Николаевичем разбирали свертки, когда я вспомнил вчерашнюю встречу на площади.

— Аркадий Игнатьевич, — обратился я, — мы вчера толпу казаков видели. Они-то откуда здесь взялись?

— Это с вспомогательного крейсера Доброфлота «Кострома», — отозвался он. — Идут во Владивосток.

— Переселенцы? — удивился я. — Я думал, морем сейчас только мужиков везут.

— Верно думаешь. Доброфлот сейчас в основном крестьян-переселенцев возит, целыми деревнями на Дальний Восток перебираются, — кивнул он.

— А эти казачки — случай особый. В столице упорно говорят, что государь со дня на день подпишет указ о выделении Уссурийского казачьего пешего батальона в самостоятельное войско. Идут вроде передового отряда. Земли разведать, места под будущие станицы присмотреть да закрепиться на границе. Народ там ушлый, понимают, кто первым придет, тому самые богатые наделы и достанутся.

— Они давно уж тут? — спросил Чугунов.

— Второй день как, — ответил Аркадий Игнатьевич. — «Кострома» стоит на погрузке угля и ждет, пока «Москва» из Владивостока в порт зайдет. А как прибудет, тут же снимется и двинет на Владивосток. Потому-то, братцы, нам и нужно успеть повернуть нашу операцию до прихода «Москвы», чтобы Домбровского на ней в Одессу спровадить.

Он задумался и добавил:

— К Юсуфу вы больше не вернетесь. Все, что нужно забрать, забирайте сразу. Бирюкову и Лапшину про Домбровского покуда не говорите, да и про меня тоже. На причале я сам их в дело посвящу. А пока скажите, что пора уходить на «Москву».

— Добре, — коротко ответил урядник.

— Значит так, братцы, — закончил дядя. — Через три часа встречаемся в порту, у пятого причала, возле угольных барж.

Перед выходом он оглядел нас с ног до головы и с улыбкой произнес:

— Ну чистые паломники. Рот лишний раз не раскрывайте, и все будет...

До нашего пристанища добрались быстро. На этот раз зашли через центральный вход и, к счастью, на пути встретили только его одного. Когда попали в сарай, то Семен, сидевший на циновке с чашкой молока, от неожиданности подскочил.

— Батюшки, это что за богомольцы тут? — выдохнул он. — Андрюха, Федор Николаич, вы чего это в рясах-то?

Чугунов не стал дожидаться новых вопросов и бросил Семену два свертка с одеждой.

— Держите и переодевайтесь немедленно. С этой минуты мы с вами православные паломники, возвращаемся в Одессу. Документы имеются. Имена запомните, пока идем до порта. Говорите потише, креститесь почаще, смотрите смиренно. А лучше и вовсе рот не открывать.

Семен натянул рясу, повязал пояс.

— Ну что, братья, — Чугунов перекрестился, — с Богом?

Мы молча кивнули и двинулись к двери, стараясь идти неторопливо, с видом утомленных путников, проделавших долгий путь.

Лапшин, до того молча сидевший в углу, вдруг засуетился.

— Братцы, погодите! — Он взял Чугунова за локоть. — Нашу одежду забрать надо. Жена Юсуфа вчера еще взялась ее в порядок привести.

— Ну так иди, Федор Анциферович. Андрей, помоги ему. Да заодно попрощайтесь с Юсуфом, поблагодарите за помощь от всех нас. Толпой не пойдем.

Вернулись мы со стопкой постиранной справы, а Юсуф сам зашел в сарай попрощаться.

— Благодарит, — перевел Лапшин, оборачиваясь к нам, — за брата своего, Хасана. Желает удачи, а еще лепешек положил в дорогу.

— Переведи ему, Федор Анциферович, — сказал урядник, глядя на старика, — пусть его хранит Аллах за кров, хлеб и соль.

Лапшин перевел. Мы все по очереди пожали старику руки и двинули к выходу. Сема нес узел с нашей одеждой и винтовками.

В сторону порта шли не спеша, стараясь не сбиваться с размеренного шага. Я краем глаза ловил на себе взгляды местных, которые попадались по пути. Хотя особо мы не выделялись. Люда тут разного полно.

До нужного причала добрались без приключений. Дядька стоял в тени пакгауза, в арабском одеянии. Заметив нас, он махнул рукой в сторону приземистой каменной постройки, что стояла чуть выше по склону.

Мы с Чугуновым, не сговариваясь, повернули за ним. Лапшин с Семой насторожились, но, увидев кивок урядника, продолжили путь.

Как только все оказались внутри постройки с небольшим оконцем, едва освещавшим наши лица, дядька не стал терять ни минуты. Он повернулся к Семену с Лапшиным и заговорил:

— Меня зовите Исмаилом. Я торговый агент Доброфлота в Адене. Документы и одежда — это то, чем мне удалось вам помочь. Вас ищут, и уже скоро по ваши души прибудет французская канонерка из Обока. Оттого и весь этот маскарад, — он окинул взглядом наши рясы. — Нужна ваша помощь в одном непростом деле. Очень важном для государства нашего.

Лапшин и Сема удивленно глядели на дядю, но пока не перебивали, и он продолжил:

— Домбровский прибудет в Аден вместе с французами. Нужно взять его, по-тихому погрузить на «Москву», и уже на ней вы доберетесь до Одессы. Там вам восстановят документы, и можете отправляться домой. Поможете?

Дядя Аркадий вопросительно оглядел Сему и Лапшина.

Бирюков приподнял бровь, обернулся к Чугунову и, увидев его кивок, ответил:

— Добре, Исмаил, поможем, коли надобно. Я бы вообще придавил эту паскуду, но раз нужно в Одессу, то и так можно. Мы-то скоро отправиться сможем?

— А вот как Домбровского возьмем, так вместе с ним и погрузитесь на борт. Там уж и домой.

Спустя полчаса мы с Рыжим уже сидели неподалеку от причала, к которому должен был пристать «Каприкорн».

— Андрей, этот Исмаил... Он вообще откуда взялся?

Я повернулся к нему.

— Сема, мы с тобой уже хлебнули немало вместе. Просто на слово мне поверь: это надежный человек. Больше, увы, рассказать не могу. Да и неважно оно сейчас. Главное, что он точно поможет нам домой добраться.

— Добре, Андрюха, — вздохнул он и выпытывать больше не стал.

— Спасибо, Сема, за доверие, — сказал я. — А теперь смотри в оба. Как с «Каприкорна» шлюпки отчалят, нам девушка-сомалийка в цветастом платке сигнал должна подать.

Просидели мы еще несколько часов. Солнце зашло, и лишь несколько фонарей на причале позволяли разглядеть редкие фигуры работников порта. Пить хотелось неимоверно. Небольшой кувшин, что мы брали с собой, давно уже успели осушить на двоих.

И вдруг, когда я уже начал терять счет времени, на дальнем конце мола мелькнула фигура.

Я дернул Сему за рукав, указав на девушку. Она встала неподалеку от масляного фонаря, а потому ее цветастый платок хорошо угадывался даже в темноте южной ночи. Имани достала из складок одежды трубку, раскурила ее, выпустила прямо на фонарь два облака дыма, после чего развернулась и двинулась прочь.

— Сема, пора, — сказал я, поднимаясь из-за лодки.

— Да уж понял, — отозвался он, накидывая капюшон.

Мы двинули вдоль кромки мола, стараясь не выходить на открытое пространство. У причала покачивалась шлюпка, из которой один за другим поднимались пятеро человек.

Семен вгляделся и тихо выдохнул:

— Вижу его. Давай за мной.

Он взял инициативу в свои руки и переместился в тень пакгауза.

Двигался он умело, почти скользил в ночи. Мне до его выучки, признаться, еще далеко, хотя память Добрецова опять начала давать о себе знать. По крайней мере, я уверенно фиксировал повороты и мелкие приметы, встречавшиеся на пути.

Группа двигалась неспешно. Люди были одеты не по форме, а в местную неприметную одежду. По всему видать, французы отправили с Домбровским специально обученных для такого дела людей.

Мы проследовали за ними еще пару кварталов, пока те не свернули к дому, обнесенному глинобитной стеной, почитай в две сажени. Тяжелые деревянные ворота отворились, трое скользнули внутрь, а у входа осталось двое из них.

— Все, Андрюх, пора к нашим, — сказал Сема, разворачиваясь.

Обратно к причалу добрались быстрым шагом по знакомому пути. У входа на склад нас встретил Лапшин, которого, видать, дядька поставил на стреме.

— Ну что, нашли?

— Нашли, — коротко бросил Семен и шагнул в дверь.

Внутри нас ждала телега, на вид груженная мешками с мукой. Мука даже местами была рассыпана по мешковине, для правдоподобия. Но на поверку в мешках оказалась солома с каким-то тряпьем. В общем, дядя Аркадий опять маскарад устроил.

— Рассказывайте, — сказал он, едва заметив наше появление.

Мы описали все в подробностях: дом, наблюдателей снаружи, открытое окно на втором этаже. Аркадий Игнатьевич и Чугунов слушали молча.

— Ну что, братцы, идем на захват, пока они еще осваиваются в доме. Сделать нужно все быстро, чтоб комар носу не подточил. Вывозить Домбровского будем среди мешков, — он хлопнул рукой по телеге.

Дядька посмотрел на меня.

— Ты, Андрей, встанешь за углом и будешь стеречь телегу до нашего возвращения.

Потом повернулся к Чугунову:

— Федор Николаевич, на тебе внешнее наблюдение за домом, пока мы с Семеном решим вопрос с французской охраной и будем пшека вязать.

Следом к Лапшину:

— Федор Анциферович, будешь здесь нас ждать. Если через два часа не вернемся, сам уходишь на «Кострому» и расскажешь капитану Селиванову Игнатию Олеговичу о случившемся. Но, надеюсь, не понадобится и все пройдет по плану, хоть и довольно жидковат он, план этот. И еще: стараемся все проверить без стрельбы, иначе англичане быстро сбегутся и амба.

На том и порешили. Мы споро проверили оружие. Рыжий накинул поверх паломнического одеяния темный бурнус.

— С Богом, братцы, — перекрестил нас на дороге Лапшин.

Уже минут через двадцать мы были у того самого дома. Телега, поскрипывая колесами по сухому песку, остановилась за углом, на пустой улице. Я занял место наблюдения, стараясь слиться со стеной.

Чугунов отошел подальше и тоже встал на наблюдение.

— Семен, вперед, — скомандовал дядя, и они скользнули вдоль высокого глинобитного забора.

Со своей позиции я смог разглядеть, как боевые товарищи добрались до ворот. Дальше дядя присел и, кажись, каким-то хитрым образом стал вскрывать замок. Скорее всего, ножом пытался сдвинуть засов. На удивление, все эти манипуляции он проделывал бесшумно. По крайней мере, для меня.

Створка ворот в итоге сдвинулась. Сначала дядя Аркадий, а за ним и широкоплечий Сема проникли внутрь. Тут же послышалась пара глухих ударов. По всей видимости, они нейтрализовали наружную охрану, и снова наступила тишина.

Минут пять, может быть чуть больше, было тихо. Оставалось только гадать, что у них там происходит. Хотелось рвануть вперед. Уж точно я бы там лишним не стал. Но пока решил не покидать пост и не нарушать приказ.

За забором послышался бег, какая-то возня, и стало понятно, что у них что-то пошло не по плану. Я не стал бежать к воротам, потому как расслышал приближающиеся к ограде шаги. Потом раздался тяжелый стук сверху.

Задрав голову, я разглядел две жерди и понял, что кто-то сильно умный приставил к забору лестницу.

Еще несколько ударов сердца, и в ночном мраке над краем ограды поднялась голова. Кто это был, не понять.

— Уходит, сука, — услышал я голос Семена из-за ограды.

И прямо в этот момент сверху вниз прыгнул тот самый акробат, любитель лазить по ночам через заборы. К его большому сожалению, лестницу с этой стороны ему никто поставить не удосужился, поэтому пришлось прыгать на камни, в темноту, с высоты в полторы, а может, и две сажени.

— Пся крев, — зашипел от боли ударившийся бегун.

И мне уже не нужно было разглядывать его морду. Все встало на свои места. Ждать я тоже не стал. Кое-как, но все-таки сумел разглядеть очертания непокрытой башки. Сделал подшаг и ударил ногой прямо в поднимающуюся голову.

«Пенальти», — проскользнуло слово из памяти Добрецова. Раньше мне оно было неизвестно, но сейчас было не до пополнения словарного запаса.

Домбровский и так знатно приложился при падении, а после встречи с моим сапогом тут же сомлел и прилег отдохнуть.

— Ушел, твою ж... — раздался сверху Семкин бас.

— Да успокойся, тута он, отдыхает покуда. Давайте уже сюда, грузить будем, — сказал я.

К тому моменту, как дядя Аркадий и Сема через ворота прибежали ко мне, я уже освободил Домбровского от револьвера и успел проверить пульс на шее.

— Живой? — спросил запыхавшийся Рыжий.

— Да чего этой собаке станется, — ответил я.

Сзади быстрым шагом подошел Федор Николаевич.

— Хватит языками чесать, — бросил он. — Вяжем.

За минуту пшека упаковали как положено: кляп, руки, ноги, убежать точно не сможет. На башку дядя Аркадий натянул ему мешковину. Дальше мы дружно закинули Домбровского в телегу. Разместили посреди мешков, сверху бросили какую-то дерюгу, а потом еще пару прямо поверх него закинули.

— Уходим, покуда французы не очухались, — скомандовал дядя, оглядываясь по сторонам.

Потом быстро повернулся к нам и добавил:

— Федор Николаич, Сема, вы едете на телеге вдвоем. Везете этого, — он махнул рукой на пшека, — мимо сушильных дворов. Они по правой стороне будут. Дальше разглядите старую стену форта и по ней уже вниз, к причалам. Идете спокойно, внимания не привлекаете, до самого склада. Телегу загоняйте внутрь и ждите нас с Андреем. Что бы за спиной ни услышали, маршрут не меняйте. Мы на шумели чутка, и если тревога подымется, то мы ее уведем в сторону. Но Бог даст и без этого обойдется.

— Добре, — кивнул Федор Николаевич.

— Все, пошли. Пора, братцы, — сказал дядя.

Телега начала движение, и мы какое-то время следовали за ней, но у следующей отворотки остановились.

— Скорее всего, сейчас англичане полезут, — тихо сказал дядя на ходу. — Если они наблюдали за домом Домбровского, то будут искать. Нужно их отвлечь, чтобы наши успели спрятать телегу на складе.

Так и оказалось. Не прошло и пяти минут, как с другого конца улицы донесся топот сапог. К дому бежало не меньше пары десятков англичан. Часть сразу стала проникать в ворота, остальные начали окружать дом.

— Надо их уводить с этой улицы, — сказал я.

— Угу, именно так, — ответил дядя.

Он вытащил из-за пояса револьвер и из-за угла несколько раз выстрелил в каменную стену дома напротив.

Вспышки в ночи и грохот сразу нарушили покой тихой улицы.

— Уходим! — крикнул мне дядя Аркадий, уже набирая ход.

Мы отбежали от угла шагов на двадцать, и дядя сделал назад еще два неприцельных выстрела.

— Не отставай, — бросил он мне.

Отбежав шагов на сто, я обернулся и увидел, что наш расчет сработал. По звукам, за нами несло не меньше десятка солдат. А скорее всего, кто-то еще двинул наперерез, дураками их считать тоже глупо.

Дядя резко взял вправо, и мы нырнули в переулок. Было темно и ни черта непонятно. Я уж подумал, что сейчас будем петлять, но Аркадий вдруг остановился у низкого окна, на поверку оказавшегося черным проломом в стене почти у самой земли.

— Сюда, — бросил он мне, и мы нырнули внутрь, оказавшись в каком-то подземелье.

Пробежали по подвалу, вылезли через похожий пролом, прошли насквозь какой-то склад с кувшинами и выскочили в пустой двор с колодцем посередине. Оттуда сразу в калитку, потом на узкую улицу, и только там я понял, что мы срезали приличный кусок пути.

— Андрей, погоди, — дядя взял меня за локоть и потянул в сторону, за выступ у стены.

— Через полчаса на берегу будет ждать лодка. Именно на ней вы должны отправиться на «Москву», а там и в Одессу. Но у тебя сейчас есть выбор, и принять его придется быстро.

— Не понимаю, о чем ты.

— Дело такое. Ты же собрался в Червленую, на Кубань?

— Ну да. А куда еще-то? Только и не осталось у меня там теперь никого.

— А про крестного своего Кравцова Степана забыл?

— Про Степана Анисимовича? Нет, но он же... — задумался я, вспоминая, — батя говорил, что он еще по молодости на Амур подался.

— Угу, а я тебе сейчас про что!

— Ничего себе, — вздохнул я. — Так ты, дядя, это мне предлагаешь тоже?

— Гляди, Андрей, в роду Громовых мы с тобой вдвоем остались. А я еще с юных годов, как перекаати-поле, увяз в делах служебных. Ни кола ни двора толком не имею. Мог бы, конечно, тебя с собой оставить, но тебе учиться нужно, род наконец продолжить. И я подумал: возможно, в новом казачьем войске, приказ об образовании которого вот-вот государь император принять должен, тебе будет легче освоиться. Да и народу там поменьше. Опять же, земли доброй, поговаривают, казакам реестровым в достатке нарезают.

— Значит на Восток мне предлагаешь?

— Да, на наш Дальний Восток. Я уже утром по своим делам на «Костроме» во Владивосток отбываю, вот могу и тебя с собой взять. На месте, как доберемся, узнаю, куда крестного твоего с семейством определили, и отправишься к нему. Деньгами на первое время помогу. Немного, но добраться хватит, думаю. Да и там тебе же в учебную сотню по возрасту поступать надобно, хотя там думаю у них и сотни не набирается, станицы то ни чета кубанским. Нужно и коня, и оружие справить, одеться опять же как подобает.

— Во Владивосток? — переспросил я.

— Именно. Но то тебе решать, неволить не стану, — сказал он. — И еще, в тех краях и я почаще бывать по службе смогу. Коли у тебя желание имеется, то и к своим делам подключать стану. Там нашему ведомству свои люди ой как нужны. Время беспокойное. Сам видишь, что тут творится, а примерно так же, Андрей, почитай на всех наших границах.

— А если по прибытии меня припишут к первому попавшемуся полку?

— Ну ты не забывай, где я работаю. Устрою так, чтобы направили тебя в ту же станицу, где Степан живет. Ну и путь неблизкий. Кой-чему тебя научить смогу, полезному для будущей службы и вообще...

Я сильно задумался.

— А как же Федор Николаевич? Семен? Я ведь с ними столько прошел, а теперь выходит...?

— За них будь покоен, — ответил Аркадий. — Я уже сопроводительное письмо передал Чугунову. И документы им в Одессе сделают правильные, и с отправкой по домам помогут. А там, глядишь, жизнь длинная, земля круглая, авось и встретитесь, когда еще.

Я понимал, что времени на размышление почти нет, но что-то подспудно толкало меня согласиться. И, кажется, это внутреннее желание было как-то связано с памятью Добрецова. Вот только как, пока в толк не возьму.

— Хорошо, дядь. Владивосток так Владивосток.

Глава 13. Знакомство с Костромой

— Вот и добре, Андрей, — дядя Аркадий хлопнул меня по плечу и, как мне показалось, облегченно выдохнул.

До склада добрались быстро. У телеги сидели Федор Николаевич, Сема и Лапшин, а связанный Домбровский лежал в углу.

— Целы? Стрельба была? — встревоженно спросил Сема, как только мы вошли внутрь.

— Была, Семен, была, — ответил дядя. — Мы с Андреем уводили англичан. Ежели все сделали верно, то они сейчас другую часть города прочесывать станут. Мы целы, не переживайте.

— Слава Богу, — друг подошел ко мне и похлопал по плечу.

— «Москва» уже стоит на рейде, — продолжил дядя. — Пока то да се, и глядишь, через сутки она отчалит на Одессу. Через час к берегу за вами подойдет шлюпка. Грузитесь в нее, Домбровского берете с собой. И проверьте кляп да как связан. Нужно, чтобы этот неумный гражданин весь порт не всполошил, а то труды наши насмарку пойдут.

— Сделаем, дело-то нехитрое. А к кому там обращаться? — приподнялся Федор Николаевич.

— Встретит вас Сергей Николаевич Носов, — сказал Аркадий Игнатьевич. — Он в курсе вашей истории. Мы в одном ведомстве служим, ждет он сейчас людей от Исмаила. С ним можете не таиться и говорить все как есть, но желательно без лишних ушей. Возможно, он обратится к вам за помощью, чтобы развязать язык этому, — дядя кивнул на пшека.

— Дык это мы с радостью! — оживился Сема. — Я...

— Погоди ты, Семен, — осадил его урядник. — Слушай внимательно, балагурить в Одессе будешь.

— Федор Николаевич, Андрей, — сказал дядька. — Мне с вами с глазу на глаз поговорить нужно. Отойдем в сторонку.

Мы отошли за штабель каких-то ящиков. Дядя достал пакет, перевязанный бечевкой, и протянул его Чугунову.

— Вот эти бумаги касательство моего ведомства имеют. Передашь Сергею Николаевичу лично в руки.

— Добре, — Чугунов принял сверток и убрал за пазуху.

— Теперь что касается Ашинова, Новой Москвы, договора этого, — продолжил дядька. — Я все расписал в деталях. Да и, глядишь, Носову с вашей помощью удастся поляка разговорить. По прибытии в Одессу он начнет работать по этой линии, а скорее всего повезет Домбровского в Петербург.

— И что будет? Не замнут это дело?

— А вот дальше, Федор Николаевич, новости, думаю, из газет узнаете. Дело-то громкое получается, ситуация непростая. Мы со стороны своей службы ход ей дадим, все, что в наших силах, сделаем. Сергей Николаевич не промах, а там... — дядя вздохнул. — Как Бог даст. Вы же в станицы свои возвращайтесь прямо из Одессы, как только Носов документы выправит.

— Кажись, все, пойдем прощаться.

Мы вернулись к остальным.

— Федор Анциферович, Семен, Андрей, Федор Николаевич, — начал он. — Сегодня мы сделали большое дело для безопасности нашего Отечества. Вот такие предатели, — кивнул он на Домбровского, — увы, нынче не редкость, и вред России они приносят немалый.

Дядя обвел взглядом Чугунова, потом Бирюкова и Лапшина.

— На Георгия, конечно, рассчитывать не приходится, сами понимаете, какое дело вышло. Но рапорт о вашей помощи куда надо поступит, а там поглядим.

Семен криво усмехнулся.

— Нам бы до Одессы добраться, а уж и без Георгия переживем. Чай, не за кресты тут воевали.

— Все так, — сказал Чугунов.

— И еще, друзья. Андрей на Одессу не идет. Он направляется со мной во Владивосток.

— Да как же так, Андрюха? — Семен повернулся ко мне.

— Так вышло, Сема. Исмаил мой родной дядя, и я направлюсь с ним к своему крестному, что уже давно с семьей переехал на Дальний Восток, на Кубани родных больше и нет, там в его станице и осяду.

— М-да, Андрюха, ну ты дал... — сказал он, почесав затылок. — Как к родному брату к тебе прикипел. Столько прошли вместе, а тут такое...

— Я тоже, Сема, тяжело со всеми вами расставаться. Даже с Федором Анциферовичем, хотя знакомство с ним вовсе не так началось. Но увы, что уж теперь. Даст Бог, когда-нибудь встретимся.

Федор Николаевич шагнул ко мне и положил тяжелую ладонь на плечо.

— Ну чего уж тут, — сказал он. — Коли решил... Да и родная кровь не водица. С дядькой поди проще будет, и крестный опять же. Все правильно, Андрей. Езжай с Богом, ну и нас не забывай, — улыбнулся он, хлопнув меня по спине. — А коли судьба на Кубань занесет, то уж уважь, не забудь навестить. И письмо напиши, как обустроишься, в Пластуновскую мне и напиши.

— Да-да, и мне напиши, — поддакнул Сема.

— И мне можете писать, — сказал Лапшин и быстро накарябал адрес на клочке бумаги. — И спасибо, Андрей, за все. Прости, что не так...

— Бог простит, Федор Анциферович, и я прощаю. Главное, ошибок таких больше не повторяйте.

— Пора, братцы, шлюпка на подходе, — прервал наши разговоры дядя.

Чугунов вытащил из тюка мою одежду и положил ее на ящик. Отдельно лежал сверток с двумя винтовками и мой ранец. После перевязал тюк заново и закинул за спину. Семен взял Домбровского под руку с одной стороны, Лапшин с другой, и товарищи двинулись к выходу.

У самой двери Сема обернулся.

— Андрей!

— Да, Сем?

— Держись там!

— Все будет, Семен. Все будет хорошо. Ангела хранителя вам в дорогу. С Богом братцы! — перекрестил я их на прощание, сглотнув ком в горле.

Дверь закрылась. Вскоре вернулся дядя.

— Ну что, Андрей, и нам пора. Переодевайся давай уже. Теперь в свое можешь, вот, держи.

Он протянул мне новую папаху, кажется, еще не ношенную.

— Благодарствую, дядя.

Я быстро скинул с себя одеяние паломника, надел серые, залатанные в нескольких местах, но еще крепкие штаны, те самые, в которых в трюме «Метеора» связанным лежал. Натянул серый бешмет. Жена Юсуфа отстирала и заштопала его с особым тщанием. Обратил внимание, что возле ворота появилась неприметная вышивка, пока непонятная для меня.

Сверху накинул темную, почитай черную черкеску, над которой тоже поработала женская рука. Пояс застегнул, закрепил кобуру с револьвером капитана Деверо, одел ранец на плечи и подхватил сверток с винтовками.

Дядька тоже времени зря не терял. Скинул с себя арабскую одежду, оставшись в рубахе. Поверх нее надел темный вицмундир со стоячим воротником, застегнул тот на ряд туск-

лых пуговиц. Поправил жесткий белый воротничок, завязал узкий темный галстук и натянул фуражку с кокардой.

Теперь передо мной стоял не Исмаил, а самый настоящий русский чиновник.

Он поймал мой удивленный взгляд, улыбнулся и пожал плечами, мол, служба такая.

— А это чего у тебя за свертки? — спросил он.

— Дык винтовки трофейные. Одна с «Метеора», другая с французского патруля, — пожал я плечами. — Бросать жалко, авось еще и послужат.

— Эх, — хлопнул он меня по плечу и улыбнулся. — Наша порода.

Дядька подошел к двери, приоткрыл ее и выплянул наружу. Несколько секунд стоял неподвижно и наконец мы выдвинулись.

К берегу вышли через узкий проход промеж двух складских строений. У низких ступеней покачивалась шляпка, а возле нее стояли два араба, их я сразу узнал. В памяти всплыла встреча в день знакомства с дядькой.

Дядя Аркадий кивком поздоровался и прошел на корму. Я устроился ближе к носу, а два псевдоараба сели за весла.

Наконец-то мы отчаливали от берега. Редкие масляные фонари отражались в темной воде. На рейде уже виднелся силуэт «Москвы». Вероятно, к этому времени мои боевые товарищи уже успели подняться на ее борт. А наш путь лежал к стоящей чуть особняком «Костроме».

Чем ближе мы подходили, тем больше становилось судно. Будто огромный чернеющий утес выростал из воды перед нами. Даже по обводам было понятно, что это не простой гражданский пароход.

— Дядя, — сказал я, не отрывая взгляда. — Это же не гражданское судно?

— Верно, Андрей, но и не военный корабль, он двойного назначения. Так и строился, чтобы в мирное время заниматься гражданскими перевозками, а в случае войны быстро стать вспомогательным крейсером. У Доброфлота таких много.

Мы подошли к самому борту. Дядька обмолвился парой слов с матросами, и через планширь перекинули веревочную лестницу. По ней мы и поднялись на палубу.

Было темно. Лишь несколько светильников позволяли сориентироваться, хотя оглядеть судно целиком было решительно невозможно. Стоял устойчивый запах угольной гари, который периодически сносило порывами морского ветра. Откуда-то тянуло табачным дымом.

Дядя Аркадий направился к вахтенному, а я остался у борта с одним из матросов.

Тут я заметил, как к дядьке подходит человек в мундире и фуражке. По выправке было ясно, что это капитан «Костромы».

— Жив, чертяка, — он крепко пожал руку дядьке Аркадию и обнял его. — Когда ты уже набегаешься?

— Как видишь, Петр Алексеич, пока так, а там поглядим... — улыбнулся дядя.

Аркадий что-то шепнул товарищу, а скорее всего старому другу. Капитан отдал распоряжения матросам. Дядя махнул мне: мол, двигай за нами. И уже скоро я вошел в капитанскую каюту.

— Эх, потрепало тебя, Исмаил, — сказал Петр Алексеевич, внимательно рассматривая дядю в свете лампы.

— Не без этого, но цел покуда, а там еще послужим, — улыбнулся тот в ответ и повернулся ко мне. — Знакомься, это Андрей Громов, родной мой племянник. Но о том лучше, кроме тебя, никому не знать. Он был в Новой Москве, когда французский флот форт Ашинова с землей равнял. За то, что он из берданки десант хорошо проредил, его, да еще четырнадцать человек приговорили прямо там, на берегу. А наши казаки по пути в Обок возьми, да и захвати французскую канонерку «Метеор».

Дядя коротко рассказал о наших злоключениях, и капитан крепко пожал мне руку.

— Ну что ж, Андрей, — сказал он. — Сейчас о вашей истории вся Европа судачит. А когда еще подробности про захват «Метеора» в газеты попадут, так и вовсе знаменитыми станете.

— Да мне такая известность как телеге пятое колесо, — пожал я плечами.

— И то верно.

— Петр Алексеич, ты бы определил Андрея к казакам-переселенцам до конца пути. Не нужно, чтобы мы всегда рядом были. Да и пушай знакомится, авось в будущем служить вместе доведется.

Он повернулся ко мне.

— Андрей, давай сегодня отсыпайся, а завтра свидимся.

— Добре, — кивнул я в ответ.

Ежели, по правде, я не совсем понял, чего тут дядька мудрить начал. Но после нескольких сумасшедших дней мне на то было уже наплевать.

Вскоре в каюте появился молодой офицер. Он получил распоряжение от капитана определить меня на постой, и я, взяв свои пожитки, двинулся за ним, на прощание кивнув дяде.

— Андрей, меня зовут Артем Егорович, — на ходу повернул он ко мне голову. — Я больше по хозяйственной части на «Костроме», и размещением тоже ведаю. Сейчас определим тебя к казакам-переселенцам.

— Добре, Артем Егорович.

Мы спустились на вторую палубу по довольно крутой лестнице. К запахам, что присутствовали наверху, примешались махорка, пот и еда. Стало заметно жарче, но то и немудрено.

— Андрей, я тебя сейчас определяю под начало урядника Меркулова. Вот Савва Игнатьевич и скажет, где будет твое место. Ты же с Кубани?

— Да, Артем Егорович.

— Вот и здесь из ваших краев переселенцы едут. Завтра уж познакомишься.

Пассажиры уже спали, но кое-кто еще возился. Мы прошли вдоль переборок, где рядами тянулись нары в два, а кое-где и в три яруса. Некоторые были занавешены тканью. Видать, семейные едут.

— Савва Игнатьевич, доброй ночи! — офицер подошел к усатому казаку лет тридцати. Тот с двумя товарищами сидел за длинным столом и тихо о чем-то переговаривался.

— Доброй, Артем Егорович. Какими судьбами на ночь глядя? Случилось чего?

— Да вот, пополнение к вам привел. Знакомьтесь: Громов Андрей. Тоже ваш, кубанский, да только в Адене к нам присоединился, пойдет до Владивостока. Найдешь ему место среди своих?

Урядник оглядел меня с ног до головы.

— Ну а чего ж не найти-то? Найдем. Ну, здорово был, Андрей Громов... Громов. Василия Громова знавал. Не родственник, чай, ему? — прищурился он.

— Слава Богу, Савва Игнатьевич. Батюшка-то мой, царствие небесное, — перекрестился я.

— Вот оно чего... — Меркулов повернулся к офицеру. — Добре, Артем Егорович, будь покоен. Разберемся, вьюноша пристроим.

— Вот и хорошо, — тот положил мне руку на плечо. — Тогда доброго пути.

— Благодарствую, — ответил я.

— Андрей, утром будет перекличка на верхней палубе. Но то тебе и Савва Игнатьич расскажет. До Владивостока ты под его началом будешь, а я пошел, служба.

— Добре.

Офицер ушел, а я так и стоял перед столом.

— Садись, Андрей, сейчас чего поснедать тебе сообразим, да и на боковую потом. Тимофей, сходи там, глянь, чего осталось с вечера. Парня-то покормить с дороги нужно.

Широкоплечий казак в исподней рубахе встал из-за стола и молча ушел. Я сел на лавку, куда мне показал Савва Игнатьевич.

Через пару минут передо мной стояла миска каши. Остывшей, конечно, но я навернул ее с большим аппетитом. Тимофей подвинул мне кружку с крепким чаем.

Третий казак, сидевший с урядником, все это время внимательно меня разглядывал. Когда я доел, он, не скрывая усмешки, спросил:

— Ну и загорел ты, братец. Вылитый эфиоп. Откель такой к нам пожаловал?

— Из Новой Москвы. Ежели про Ашинова слыхали, то я оттуда.

— Точно, — сказал Меркулов. — Василий же туда подался...

— Угу. Там и погиб. Под обстрелом, когда французы со своих кораблей форт наш по частям разбирали.

Казачи молча перекрестились.

— Эх, вот оно чего... Доводилось мне с ним по службе несколько раз пересекаться. Добрый казак был твой батя, — вздохнул урядник. — Вот чего, Андрей, ты спать ступай. Тимофей покажет тебе место вон в том углу, есть нары свободные. А расскажешь нам, что у вас там приключилось, уже завтра.

— Благодарствую. Спать и правда шибко хочется.

— Вот и добре. Ступай отдыхай.

Тимофей проводил меня до свободных нар. Причем и верхний, и нижний ярус оказались пустыми. Он сунул мне в руки тюфяк и грубое шерстяное одеяло.

Я поблагодарил его, стал раздеваться до исподнего, а когда примостился в постели, выдохнул.

Кажись, мало-помалу жизнь-то налаживается. По крайней мере здесь я среди своих, и постоянно ждать беды уже не нужно. Мысли в голове метались, перемалывая все случившееся со мной с момента обороны Новой Москвы. Но я постарался отстраниться от дум, прикрыл глаза и провалился в глубокий сон.

— Подъем, братцы! На переключку поднимаемся!

Я продрал глаза, приподнялся на локтях и огляделся. На нашей палубе началось шевеление. С женской половины доносились голоса, пара малых детишек заплакала. Казачи приводили себя в порядок и собирались на построение. Ну и я не стал разлеживаться. Встал, натянул штаны, сапоги, бешмет и черкеску.

— Здорово был! Новенький? — раздался голос справа.

— И вам поздорову! — ответил я казаку лет двадцати с аккуратными усами. — Помочь?

— Угу, полей-ка мне, — протянул он мне кувшин с водой.

Мы по очереди полили друг другу на руки над медным тазом, умылись. А за нашими спинами к этому умывальнику уже выстроилось человек пять.

На верхней палубе Меркулов начал строить казаков. Были тут и переселенцы из крестьян и мещан, но у них были свои старшие.

Я стоял в конце шеренги и молчал. Баб и детей на построение не тащили, а вот казаков и мужиков проверяли, чтобы за время пути порядок соблюдать да распределить обязанности на день.

В праздности, как я понял, тут время никто не проводил, и это правильно. Иначе всяко может случиться за такой долгий путь. Много молодых да горячих. Если делом не занимать, то и ссоры, и драки, да что угодно приключиться может. Вот и не давали расслабляться.

Мое имя Меркулов тоже выкрикнул. Я отозвался как положено.

Кого-то определяли следить за лошадьми, кого-то на готовку, кого-то на уборку. Выделяли время на чистку личного оружия, которое во время пути хранилось в оружейной под присмотром.

— Тимофей, сходи с Громовым, сдайте его оружие в оружейку, — обратился Меркулов к стоящему по правую руку от меня знакомому казаку. — Поснедаете, и потом определю куда его, к Кочетову скорей всего.

Тут я заметил, как появился дядя Аркадий. Он обмолвился несколькими словами со знакомым мне со вчерашней ночи Артемом Егоровичем. Потом, поймав мой взгляд, двинулся ко мне и кивнул чуть в сторону. Насколько я понял, чтобы переговорить без лишних ушей.

— Ну как ты, Андрей? — спросил он, подходя.

— Слава Богу, все хорошо, — ответил я.

— Ну гляди. До Владивостока тебя прикрепили к уряднику Меркулову. Все вопросы, ежели будут, к нему. Если я шибко понадобится, то найти меня сможешь в офицерских каютах. Но лучше нам покуда родство не афишировать, — тихо сказал он. — Как я со своими делами разберусь, найду тебя, и мы поговорим. А когда до Сингапура дойдем, то прогуляемся. Там, возможно, еще и дело одно будет, но то пока не точно.

— Добре, — сказал я.

— Ну ступай, — хлопнул он меня по плечу.

Я вернулся к казакам и тут же рядом оказался Савва Игнатьевич. Он, кажись, заметил, как я разговаривал с дядей. Мне даже на минуту показалось, что он уловил наше внешнее сходство, но внимание на этом заострять не стал.

— За лошадыми-то ходить умеешь?

— Умею, — ответил я. — Сызмальства батя учил.

Он кивнул.

— Тогда как с Тимофеем в оружейку сходите да как позавтракаете, поступишь под руку Фаддея Лукича Кочетова. Скажешь, что от меня.

— Добре.

Уже через полчаса я спускался к корабельным денникам, в которых перевозили коней. Сверху были открыты здоровые люки, из них тянуло свежим морским воздухом. Но запах от навоза, прелой соломы и мокрого дерева хватало. Духан тут стоял тот еще.

Временные стойла были сколочены из крепких досок. Тесновато, конечно, для лошадок, толком не развернешься. Но уж как есть. На каждом животном были закреплены широкие парусиновые подвесы, заведенные к верхним балкам. На спокойном ходу судна они почти не работали, а когда начиналась качка, брали часть веса на себя, чтобы лошади не валились и не бились в панике. Почти у всех были намотаны войлочные ногавки, защищающие суставы.

Сбруя сгружена в паре денников. Два казака сидели и смазывали седла да уздечки каким-то маслом, может, жиром. Иначе за долгий путь по такой жаре они и в негодность прийти могут.

— Здорово ночевали, — обратился я к сухощавому седоусому казаку с крепкими руками. — Мне бы Фаддея Лукича сыскать.

— Слава Богу, — оглядел он меня с ног до головы. — Я Фаддей Лукич, а ты чьих будешь?

— Андрей Громов. Меня Савва Игнатьич прислал, вам в помощь, командуйте, что делать потребно.

— Ну иди сюды, коли не шутишь. Поглядим, какой из тебя лошадник.

Он показал на гнедого, который нервно бил хвостом и дергал головой.

— Этот с ночи дурит. Глянь, отчего так себя ведет, — чуть усмехнулся он в усы.

Я понял, что Кочетов меня так проверяет, и подошел ближе.

Статный конь был весь в поту. Жара, теснота и качка его вымотали знатно, но причина была не только в этом. Я дал ему обнюхать ладонь, провел рукой по шее. Чумбуры натянуты как надо, ноги целы, ногавки не съехали.

Все дело было в том, что подвес под брюхом у него скрутило. Он ерзал во время качки, врезаясь в живот, и доставлял животному неудобство. Вот он и взбеленился. А еще солому, слежавшуюся под задними ногами, давно пора было поменять.

— Подвес поправить надобно, — повернулся я к Фаддею Лукичу. — Трет ему, вона поглядите. Да еще солому сменить.

— Добре, кажись, что-то да понимаешь. Гляди, Андрей, перевозка коней, — он обвел рукой денники, — дело шибко непростое. Угробить скотину проще некуда. Да что говорить, всегда потери имеются. А потому от нас зависит, сколько их до места доберется.

Он вздохнул.

Лошади тут были разные, и было их много. Я огляделся и улыбнулся, увидев статного гнедого жеребца.

— Это Гайдук, — сказал Фаддей Лукич. — Казенный, с норовом. Вот с него и начинай хозяйство наше обихаживать.

Я кивнул, взял ведро, провел ладонью по шее Гаидука, чтобы он ко мне привык. Первым делом напоил. Потом начал чистить щеткой и обмывать животное от пота.

Судно качнуло. Где-то дальше заржала от испуга пара лошадей. И мой было напрягся, будто хотел рвануть из денника. Я прижался к его шее, тихо цыкнул и продолжил чистить.

— Ничего, братишка, — сказал я вполголоса. — Доберешься ты целым и здоровым, не переживай.

Гайдук фыркнул мне прямо в ухо, словно понял, о чем ему говорю. Я усмехнулся и полез ниже, проверяя ноги, поправляя ногавки.

Потом выгреб и вынес мокрую лежалую солому, воспользовавшись вилами, и принес охапку свежей.

— Этот вчерась Федьке руку чуть не отхватил, — раздалось со спины.

Я повернулся и увидел молодого казака с охапкой соломы в руках.

— Бывает, — пожал я плечами, не отрываясь от дела.

Краем глаза отметил, что Кочетов, закончив наблюдать за мной, двинулся вдоль денников.

— Закончил, Громов? Гляжу, справно у тебя выходит, — вернулся он через некоторое время. — Я поднимусь к Меркулову, скоро буду. Занимайся вон по этому ряду.

Увидев мой кивок, он ушел.

Я прошел еще три стойла, сам при этом вымок почитай насквозь. Хорошо хоть переоделся перед началом в выданное Лукичом, а то бы изгваздался весь.

В дальнем конце поднялся шум. Сначала я решил, что у какого коня нога подломилась при качке или подвес перекрутился. Но потом расслышал резкий мужской голос, недовольное ржание и отборный мат.

Подошел ближе и разглядел офицера средних лет в расстегнутом мундире, с красным от духоты лицом и щеткой усов. Перед ним метался высокий вороной скакун.

Конь бил передней ногой в доски, мотал мордой и отступал крупом к переборке. Офицер пытался схватить его за недоуздок, но всякий раз дергал резко, только нервируя животное.

— Держи чертову скотину! — рявкнул офицер на матроса, стоявшего от него по правую руку, и выхватил из-за пояса плетень.

Первый удар пришелся по шее. Второй по крупу. Третий с хлестким звуком лег по мокрому боку, и вороной, взвизгнув, всем телом ударился в перегородку.

Я скрипнул зубами, поняв, что либо конь сейчас себе что-нибудь поломает, либо снесет перегородки к чертям собачьим и дел натворит поболее.

Я быстро оказался рядом и перехватил руку офицера в замахе.

— Что же вы творите, ваше высокоблагородие? — процедил я. — Он и так дорогу плохо переносит, а вы его угробить решили. Глядите, сейчас вырвется и денники разнесет. Беда ж будет.

— Убери лапу, щенок.

Офицер медленно повернул голову, будто не поверил, что кто-то посмел схватить его за руку.

Разгоряченный он замахнулся левой уже на меня, целя в голову. Не знаю, что именно произошло в тот момент. Похоже, опять память Добрецова сработала. Действовал я на автомате. Увернулся от летящего в меня кулака, выпустил руку с плетью и коротко пробил правой офицеру в область солнечного сплетения.

Офицер крякнул и осел пятой точкой на солому.

— Сдурел?! — крикнул матрос.

— Фамилия? — зло прошипел благородие.

— Громов Андрей.

— Громов, ты сейчас поднял руку на офицера. — Он прожигал меня ненавидящим взглядом.

— Прощения просим, не сдержался, ваше высокоблагородие. Но лупцевать скотину в такой душегубке никак нельзя, — пожал я плечами и выдохнул, понимая, что этот инцидент так просто для меня не пройдет.

— Молчать, — рявкнул он в ответ.

Сверху загрели сапоги. К нам прибежало еще двое матросов. За ними появились урядник Меркулов, Кочетов и Артем Егорович, офицер, что за размещение отвечал.

— Что здесь произошло? — спросил он.

Уже отдышавшийся офицер повернулся к нему и перевел недобрый взгляд на урядника.

— Ваш бешеный напал на меня, ударил и дерзил. Требую немедленно арестовать.

Глава 14. Цена удара

В карцере я сидел уже, наверное, пару часов, а может, и поболее. Следить за временем тут было непросто, да и нужды особой не имелось.

Вдруг послышался голос Саввы Игнатьевича:

— Отворяй.

Лязгнул засов. Дверь распахнулась, и мне в лицо ударил луч дневного света. Я прищурился, не сразу разглядев стоящих в проходе. Потом увидел Меркулова, капитана и дядю Аркадия. Тот молча стоял за плечом капитана.

— Андрей, — спокойно сказал Петр Алексеевич, — изволь объяснить, как так вышло, что суток не прошло, а ты уже такое вытворяешь?

— Разрешите доложить, Петр Алексеевич? — поднялся я, вытянувшись во фрунт.

— Для того-то мы и здесь. Говори.

Я рассказал про коня, про перетянутый подвес, про то, как офицер бил его от злости. Еще чуть-чуть, и тот мог бы разнести переборки своего денника, а то и соседние зацепить. Беда тогда вышла бы большая.

Про удар не юлил. Покаялся прямо, что не сдержался.

— Андрей, — вздохнул капитан, — то, что ты скотину в обиду не дал, это хорошо. Но вот то, что умудрился руку на ротмистра гвардейской кавалерии поднять, уже очень плохо. — Алексей Николаевич Резанов по особому поручению следует во Владивосток, и скандал с ним никому не нужен.

Я вздохнул. Возражать смысла не было.

— Конь его был? — спросил я все же.

— Его, — ответил капитан. — И люди там были его. Ежели разбираться, показания они, конечно, дадут в пользу офицера. А слова Саввы Игнатьевича, который краем видел случившееся, против слова ротмистра будет недостаточно.

Меркулов медленно кивнул.

— Вот и выходит, — продолжил капитан, — что замять дело будет непросто.

Петр Алексеевич повернулся к дядьке.

— Вам есть что добавить?

Аркадий Игнатьевич подался вперед.

— Тут, Петр Алексеевич, факты налицо. Андрей, дурачина, ударил офицера. Это скандал на судне. Но и Резанову он не особо-то и нужен. Должность у него серьезная, и ежели история расползется, авторитет пострадает. Коня охаживать плетью от злости да от неумения его успокоить... На такое, почитай, любой казак спокойно смотреть бы не стал. Ротмистр ведь знал, с кем на «Костре» во Владивосток идет. Но и спустить это просто так Андрею ему никак нельзя.

Капитан слушал внимательно.

— Давайте я вечером попробую с ним поговорить спокойно. Например, в вист сыграем. Ему честь не уронить надо, да и Андрею жизнь портить не стоит. Попытаюсь привести дело к компромиссу.

— Попробую организовать, но ничего не обещаю, — задумавшись, сказал капитан.

Он повернулся к Меркулову.

— Савва Игнатьич, Громов покамест пусть под арестом сидит. Воды ему организуйте, да пожевать чего. Караульному приказать, чтобы без моего слова никого к нему не пускал. А ты, Андрей, — он сощурился, — на ус мотай.

Капитан уже собрался выйти, но дядька положил руку ему на плечо.

— Петр Алексеевич, извольте, я с обалдую этим парой слов обмолвлюсь.

Капитан кивнул, не раздумывая, и вышел вместе с урядником. А дядька, убедившись, что дверь закрыта, поменялся в лице и выдал такой петровский загиб, которого я даже от матросов не слышал.

Хотел продолжить, но в итоге только махнул рукой и вышел.

До утра было о чем подумать. Признаться честно, о поступке своем я особо не жалел. Разве что можно было обойтись без удара. Но глядеть, как животное в тесном корабельном деннике под плетью извивается, я точно бы не стал.

Кажись, память Добрецова среагировала на опережение, когда в мою сторону кулак полетел. Я действовал будто на автомате. «Автомате слово-то какое знакомое. Точно, это же оружие из будущего, которым Андрей часто пользовался.»

Я прикрыл глаза и увидел автомат Калашникова новой модели. Кажись это АК-12, с пластиковой ложей и складным прикладом. А наверху длинная планка под прицел, с коротким магазином на тридцать патронов.

«Вот это да! Тридцать патронов, и никакой перезарядки после каждого выстрела. С таким, пожалуй, можно и с целым взводом схлестнуться в одиночку». Не заметил, как в потоке мыслей, перемешанных с воспоминаниями Добрецова, уснул.

Причем провалился крепко, невзирая на жесткую лежанку и отсутствие хоть какого-то удобства. Открыл глаза, когда услышал беготню и крики на палубе. Кажись, опять на построение выводят казаков, да матросов. Я встал и попробовал размять затекшие руки и спину. Но тут тело вдруг начало двигаться само по себе. Не привычно, будто кто подсказывал, что нужно делать.

Я отвел плечи назад и поднялся на носки, после чего развел руки в стороны и потянулся вверх. Спина хрустнула, грудь раскрылась, пальцы разжались. Потом руки резко согнулись, кулаки прижались к плечам, свел лопатки и выдохнул. Дальше широкий выпад влево. Руки ударили в стороны, голова повернулась вслед за ними. Толчок обратно. Такой же выпад вправо, снова руки в стороны, быстрый возврат. Я уже не управлял собой, а скорее смотрел на все со стороны.

Прыжок — ноги врозь, руки вверх, ладони хлопнули над головой. Тело ушло назад, потом сложилось вперед, к прямым ногам. Слегка потянуло бедра, спину, плечи.

Еще поворот корпуса, руки резко в стороны. Наклон, снова поворот, снова наклон.

Потом прыжок, глубокий присед с руками вперед. Еще прыжок, ноги шире, руки вверх. Повтор — ноги вместе, руки вниз, спина прямая.

Я замер, сам не понимая, отчего встал на вытяжку.

«Комплекс вольных упражнений номер два», — подсказала память Добрецова.

Вот оно чего....

После этой зарядки, выполненной, по сути, бессознательно, я почувствовал себя куда бодрее. Да что там говорить, просто отлично себя почувствовал. Сонная мусть ушла, спина перестала ныть, руки налились силой.

Я попробовал прокрутить в памяти движения, и понял, что отчетливо помню все шестнадцать. Настроение от этого поднялось, и я непроизвольно расплылся в улыбке.

— Отворяй, — послышался голос за дверью.

Лязгнул засов. На пороге появился незнакомый молодой офицер. За его спиной маячили двое конвойных.

— Громов, на выход!

На палубе казаков уже поставили вдоль борта. Я прошел туда, куда указал офицер, и остановился перед строем. Чуть в стороне стояли Петр Алексеевич, дядька и ротмистр Резанов.

Краем глаза я отметил кивок капитана. Офицер, что привел меня, развернул бумагу и, чеканя слова, стал читать приказ.

— До сведения команды, а также казаков-переселенцев парохода «Кострома» доводится, что казачий сын Громов Андрей, пятнадцатого февраля сего года, будучи назначенным помощником при конюшем, проявил небрежение к чинопочитанию и дисциплине.

Я стоял на вытяжку и спокойно смотрел на строй казаков.

— На замечание господина ротмистра Резанова Алексея Николаевича касательно нерадивого исполнения своих обязанностей Громов допустил непозволительную дерзость и пререкание со старшим по званию.

— По согласованию с Его высокоблагородием господином ротмистром Алексеем Николаевичем Резановым мерой наказания приказываю избрать арест Андрея Васильевича Громова сроком на трое суток в судовом карцере, с содержанием на хлебе и воде.

По строю прошел едва слышный шорох.

«Вот и цена, легко отделался. Интересно, как дядьке удалось умаслить этого хлыща?» — подумал я.

— Разойдись! — скомандовал офицер и повернулся ко мне. — Громов, приказ слышал?

— Так точно, — ответил я и поймал взгляд капитана.

— Иваненко, увести арестованного в карцер.

Вернувшись в родные пенаты, я еще раз прогнал комплекс вольных упражнений номер два, который впервые освоил утром, а потом завалился на твердые нары.

Дядька вошел ко мне часа через два.

— Ну вот, Андрюша. Все, что смогли, сделали. Радуйся, что легко отделался за свои выкрутасы. И спасибо Петру Алексеевичу скажи, потому как без него тебя и под суд могли отдать. Резанов упирался долго, пока сам не признал, что перегнул палку с конем. Но спустить уже никак не мог.

Дядька помолчал и продолжил:

— Пришлось проиграть ротмистру в вист двести рублей, чтобы удар по офицеру исчез из твоих грехов.

— Благодарствую, дядя, — сказал я, вздохнув. — Заработаю и верну.

— А ну тебя, — махнул он рукой, чуть улыбнувшись. — Башкой думай в следующий раз, обалдуй.

— Есть, думать башкой, — вытянулся я. — Признаю свою вину, меру, степень, глубину и прошу меня направить на ближайшую войну. Но желательно в июле и желательно в Крыму. — Вырвалось из памяти Добрецова, да так складно, что я аж сам улыбнулся.

— Ой, скоморох, шут гороховый! — хохотнул дядька. Махнул рукой и достал из-за пазухи мешочек с вяленным мясом. — Держи, пожуешь.

— Спасибо.

— И как выйдешь, станешь обихаживать того самого вороного коня. Это сам Резанов попросил. Он с Фадеем Лукичом после того случая поговорил, так тот и насоветовал ротмистру. Ему нужно, чтобы конь живой и здоровый до Владивостока добрался.

— Добре, — пожал я плечами и протянул ему руку. — Извини, что подвел тебя. И благодарствую за помощь, да науку.

Дядька посмотрел мне в глаза и крепко пожал руку.

— Да ладно меня. Ты себе мог всю будущую судьбу этой дуростью поломать. Так что думай наперед.

— Угу, будем думать.

Дядька удалился, а у меня появилось три дня в четырех стенах. Им я даже частично был рад. Еще бы не соседство с денниками да едкий дух навоза и конской мочи, была бы вообще красота.

Трое суток я только и делал, что гонял уже отработанный до автоматизма комплекс вольных упражнений, добавляя к нему отжимания от пола и пресс. Еще пытался разложить по

полочкам воспоминания, что достались мне от Добрецова, но получалось с трудом. Универсального доступа к ним не имелось.

Я отчетливо понял, что мой словарный запас теперь значительно пополнился. Причем не только русский. Видать, Добрецов еще и английским владел недурно. Вот только мне пока доставались отдельные слова да простые выражения, в основном по службе. Но думаю, ежели стану учить этот язык, будет намного легче.

— Громов, на выход. Привести себя в порядок, вернуться на свою палубу и ждать дальнейших распоряжений.

— Будет сделано!

Я быстро умылся, привел уже порядком измаравшуюся одежду в порядок и вернулся на нижнюю палубу. Там меня тут же покормили горячей кашей с салом. Моя матушка такую саломухой называла.

Через полчаса спустился все тот же офицер. Надо хоть узнать, как его зовут.

— Громов, ступай за мной.

Мы поднялись к каюте капитана. Офицер постучал.

— Громов доставлен.

— Пусть войдет, — сказал капитан.

Я вошел и вытянулся во фрунт. Шагнув за порог, отметил, что капитан с задумчивым лицом стоит у окна, а за столом с блокнотом сидит дядя Аркадий.

— Андрей, сегодня утром в своей каюте найден мертвым ротмистр Алексей Николаевич Резанов. Убит скорее всего, но достоверно пока не ясно. Обстоятельства больно странные. И скоро слухи пойти могут.

Петр Алексеевич повернулся к дядьке.

— Исмаил, надеюсь, ты понимаешь, что делаешь. Он же еще совсем мальчишка.

— Понимаю. У Андрея на сей счет будут особые инструкции. А пока, Петр Алексеевич, постарайся сделать так, чтобы слухи не разлетелись по судну. Матросу, что тело нашел, до поры рот заткнуть надобно.

Дядька перевел взгляд с капитана на меня.

— Андрей, ты, как и было решено, отправляешься обихаживать коня Резанова и прислушиваешься, о чем судачат. Чую, что убийца ротмистра на судне. Найти нам его надо обязательно до ближайшего порта. Да чтобы с доказательствами.

— Добре, сделаю, — ответил я.

Фадей Лукич оглядел меня и усмехнулся.

— Ну, здоров был, Андрей. Ты надолго али опять кулаками махать?

— Да нет, намахался уже, Фадей Лукич.

— Добре. Вон иди к Беркуту. Конь справный, да только тяжело ему в тесном деннике столько времени. Вот он тогда норы перед ротмистром и выказывал.

— Ну что, дружище, помнишь меня? — подошел я к вороному коню Резанова.

Тот шумно фыркнул.

— И его высокоблагородие Резанов что-то второй день не приходит, — продолжил Фадей Лукич, стоя за моей спиной. — Ранее каждый день заглянет, а иной раз и дважды, а тут не было. Видать, дел навалилось у офицера.

Я провел ладонью по шее коня.

— Может, так и есть, — сказал я спокойно. — Служба есть служба.

— Это да... — протянул лошади.

Я проверил ясли, налил воды в ведро.

— И давно он, Фадей Лукич, от еды отказывается?

— Так почитай, вторые сутки пошли. Воду еще пьет помалу, и все.

Я ничего не ответил. Мысль сама пришла: может, почуял Беркут смерть хозяина. А может, и что другое в эту лошадиную башку взбрело.

Я провел рукой по холке, потом осторожно взял Беркута за недоуздок и повернул его морду к себе.

— Фадей Лукич, его бы вывести из денника хоть ненамного, да пройтись.

— Ну выводи, вона в проход, — разрешил тот. — Только аккуратно гляди.

Я взял повод и стал выводить коня из денника. Беркут сначала не понял, но потом недоверчиво сделал один шаг, другой, и мы пошли по проходу. Сделали шагов десять, может, дюжину, когда он встал будто вкопанный. Вытянул шею и повел головой.

Взгляд Беркута остановился на матросе, что поставил ведра с водой на настил. Конь громко втянул воздух и фыркнул, потянув к служивому голову.

Матрос, почуяв взгляд, перестал возиться с ведром, оглянулся и быстро отвел глаза. Я сделал вид, что не заметил его волнения, но что-то подспудно подсказало: это не случайность.

Беркут сделал еще пару шагов и уперся.

— Добре, разворачивай, — сказал я тихо и похлопал его по шее.

Ненадолго привязал его прямо в проходе, хорошенько почистил денник. Железной лопатой соскоблил застоявшуюся грязь с пола, добавил свежей соломы, засыпал в ясли овса. Потом стал заводить хозяина денника обратно. Беркут, заходя, все крутил мордой по сторонам. Вероятно, хозяина ожидал.

— Ну ступай, Андрей, к себе. Завтра после переключки жду, — отправил меня Лукич.

До своей палубы я не дошел. Дорогу перерезал дядька и кивнул в сторону закутка за ящиками.

— Поди сюда, Андрей.

Я шагнул следом.

— Значит так. У Резанова колотая рана в грудь. Удар сильный. Похоже, тонкое шило или спица какая. Крови почитай и не было, потому и обнаружили не сразу. Никаких следов борьбы, вещи на месте, на ограбление не похоже. Но это пока только со слов его помощника.

— У тебя есть что?

— Да. Возможно, покажется странным, но конь его, Беркут знак подал. Когда я его выводил по проходу, он встал в стойку на одного матроса. Мне показалось, что скотина запах знакомый учуяла. Так обычно на хозяев реагируют, дядя. Раньше подобное доводилось видеть. Да и матрос странно себя повел, стушевался что ли?

— М-да, не густо, но хоть что-то. Если сможешь, разузнай, кто таков да как звать того матросика. Проверить надо.

— Сделаю, дядя.

— Все. Ступай.

На нашей палубе уже собирались казаки после дневных работ. Я прошел к углу, где за длинным столом сидели кубанцы. Первым меня заметил Егор, казак с рыжими усами.

— О, поглядите, узника нашего вернули! — улыбнулся он. — Здорово дневали, Андрей!

— Слава Богу, — ответил я и притулился на край лавки.

— Ближе давай садись, а то отощал небось за три-то дня? — сказал Егор, двигая мне миску с какой-то парящей похлебкой.

Пахла она вкусно. Да и горяченького похлепать сейчас было милое дело, так что я принялся орудовать ложкой, в прикуску с ржаным сухарем.

— Удивил ты всех, Андрюха, когда щеголю этому столичному по мордасам съездил! — продолжил Егор. Чувствовалось, что ему невтерпеж подробности узнать.

За столом засмеялись.

— Не напоминай, — сказал я. — Мне и без того хватило. А по мордасам никто никуда не ездил.

— Угу, свежо предание! — фыркнул Егор. — Трое суток в карцере тебе за просто так, значится, выписали.

Я пожал плечами. Егор наклонился ближе и уже тише сказал:

— Только знаешь, дело тут такое. Слух прошел, что убили его давеча.

Смех оборвался сразу. Несколько пар глаз скрестились на мне, ожидая реакции.

— Кого?

— Да ротмистра твоего. Кого ж еще-то.

С другого конца стола сразу отозвался Иван:

— Брехня это все. Горилки перебрал после встречи с Андрюхой, да и хворает с похмелья пару дней. Оно при качке и не такое может сделаться.

— Да тебе-то откуда, Иван, знать? — спросил Егор.

Тот лишь пожал плечами.

— То, что он выпить мастак, так про то еще в Адене понятно стало. Он за три дня ни разу трезвый на борт из города не подымался. Его же на отдельной шлюпке туда-сюда катали, все три дня. А старпом все видел да прикрывал, потому как подарки получал.

— Иван, ты сам углядел или выдумываешь? — спросил Егор, прищурившись.

— Сам-то не видел, чего врать. А вот разговоры матросни слышал.

— Ну так, коли сам не видел, то и не баламутить тут воду, — сказал Егор. — Человека уже почитай нет в живых, а ты сплетни собираешь.

Я сделал вид, что перевариваю услышанное.

— Вот так поворот, — сказал я и перекрестился. — Ну может, про смерть-то и брехня.

— Может, и так, — пожал плечами Егор. — Ты ж, Андрюха, нам намедни про Абиссинию эту вашу обещал рассказать!

— Да чего там рассказывать, — ответил я, принимая чашку с чаем.

— Давай все рассказывай, — не успокаивался Егор.

До вчера я занимался рассказами о своем пути, от станицы Червленной в Абиссинию, а потом и в Аден. Про Домбровского умолчал, про дядьку тоже. Кой чего незначительное приукрасил, чтобы живее вышло. По крайней мере слушали все с большим интересом.

Нашлись среди переселенцев и те, кто знал лично Чугунова Федора Николаевича и Семена Бирюкова.

— Андрей? — вдруг раздалось с дальних нар.

— Чего? — ответил сидевший по правую руку от меня тезка.

— Да не ты, — прозвучало снова. — Абиссинец, который.

Все вокруг засмеялись, но по-доброму. Я только улыбнулся и развел руками.

— Ну, коли Абиссинец, то спрашивай, чего хотел?

— А бабы их там как, бабы лучше наших?

— Ну это, братцы, с какой стороны посмотреть. Вот однажды, значит, меня на пост определили. Не тот, где за морем наблюдают, а где ворота форта на дорогу выходят.

— И чего? — раздался чей-то голос.

— Ну чего-чего, это ж Африка, братцы. Стою и вижу: прямо на меня идет баба-слон.

— Чаго?

— Слон? — послышалось аж с дальних нар.

— Угу. Наши так называли некоторых местных женщин. Прямо так и говорили: о, баба-слон пошла. Или, например, баба-жираф.

— Да погоди ты с жирафом. Что за слон-то, с хоботом, что ли?

— Не, Егор, это у тебя хобот. А бабу-слон так называют, потому как ей пятая точка в двери войти не дает. Будто слону.

Слушали казаки внимательно, но как услышали про хобот да задницу, заржали словно дети малые. Гогот стоял невероятный.

— Чего раскричались? Приглушите свои иерихонские трубы, вас на первой палубе слышать, — быстро подбежал к столу спустившийся по лестнице урядник Меркулов.

— Да погоди ты, Савва Игнатьевич, — аж приподнялся со скамьи Гаврила. — Тут Абиссинец нам про бабу-жирфа еще не поведал...

Глава 15. Приказ по "Костроме"

Проснулся от толчка, который едва не скинул меня с нар. И сразу услышал, как жалобно заскрипел корпус «Костромы». В следующий миг пароход так накренился, что я не удержался и грохнулся на пол. Рядом выругался и зашипел Егор. Он тоже слетел, да еще до кучи со второго яруса.

Послышался бабий крик, детский плач. Паника от набирающего силу шторма охватила почти всех. Кто-то пытался держаться за нары, кто-то за соседа. Димка Кошелев, напротив, никак не мог справиться со своими штанами, силясь натянуть их.

— Шторм вашу дивизию! — раздался зычный крик Гаврилы, будто остальные сами не понимали, что происходит.

В борт ударила тяжелая волна. Кажись, и верхнюю палубу она захлестнула, потому что с потолка уже в нескольких местах текло немилосердно.

Я натягивал бешмет поверх исподней, когда показался Савва Игнатьевич, уверенно державшийся за нары.

— Андрюха, в денники бегом! Лукичу помощь нужна.

— Уже бегу, Игнатьич! — крикнул я в ответ, натягивая сапоги.

Как только выбрался на палубу, меня тут же окатило водой. Волна это была или стена дождя, черт ее разберет. Ветер ревел так, что слов орущей тут и там матросни было не разобрать. Нашу многострадальную «Кострому» кидало на волнах, как щепку. Палуба то уходила из-под ног, то вдруг вставала дыбом. Где-то надо мной хлопнул сорванный брезент, и сквозь вой ветра я услышал часть петровского загиба, выданного старпомом.

Пригибаясь и держась за леера, двинул к Лукичу. Тут нога поехала, и я повис на натянутом канате, растянувшись едва ли не во весь рост.

До денников добрался сырой как лягуха. Хотелось выдохнуть облегченно, но куда там. Внутри оказалось все очень хреново.

Лошади бесновались от качки и грохота. Один конь бил копытом по настилу, другой истошно ржал, натягивая привязь и грозя порвать ее в любой миг. Стойла были обвешаны мягкой штормовой обивкой: мешками с сеном, тюками с ветошью и парусиной, чтобы коней не шарахало о голые доски. Видать, к шторму тут готовились заранее.

Фадей Лукич с Савелием Терехиным удерживали гнедого жеребца по кличке Султан. Того мотало в деннике, и он со страшной силой грудью врезался в переборку. Один мешок с правой стенки сорвало, и теперь они пытались вернуть его на место. Чуть дальше другая лошадь копытом выбила доску, и та перегорживала часть прохода.

— Савелий, выше тяни, мать перемать! — кричал Лукич. — Под брюхо заводи! Да куда ж... Не на шею же, дурья твоя башка!

Тут он заметил меня.

— Андрей! К Беркуту беги, ему там совсем худо!

Я кивнул и устремился в проход, стараясь держаться правой стороны и хватаясь за доски. Выходило, правда, не всегда. Тут я глянул и увидел старого вороного мерина. Орлик лежал на боку, почти вывалившись из своего денника и снеся загородку из досок.

Поддерживающая перевязь сорвалась, вот и шандарахнуло его, видать, несколько раз хорошенько. Он пытался подняться, но выходило только дергать ногами да жалобно отфыркиваться.

— Фадей Лукич! Тут Орлик лежит! — выкрикнул я.

— Оставь! — донеслось сквозь шум. — Он уже отходит, не помочь. К Беркуту давай, остальными сами займемся!

Пароход опять почитай лег на борт. Я ухватился за стойку, дождался, когда хоть чуточка выровняется, и пошел дальше.

Наконец вот он, денник Беркута. Первым делом отметил, что привязан он на совесть. Только на левой стенке обивка сорвана, и при каждом крене «Костромы» он бился о голые доски.

— Сейчас, — сказал я, подходя ближе. — Погоди малость.

Я старался двигаться медленно и говорить спокойно, насколько это вообще было возможно в такой ситуации. Если резко дернешься, он шарахнется, а там либо меня придавит, либо себе ребра сломает.

— Тихо, братец, не дури. Бог терпел и нам велел.

Вытянул руку и осторожно коснулся шеи. Беркут дрожал, тяжело дышал, но кажется немного успокоился, почуяв поддержку.

— Во-от и добре. Стоим покуда.

Беркут вскинул голову и ткнулся мордой мне в плечо. В пяти шагах знакомый матрос раздавал мешки с набивкой своим сослуживцам и казакам, пришедшим на помощь, тот самый, про которого я дяде говорил.

— Братец, подмогни! — крикнул я ему.

Он успел перекинуть мешок Ерофею и сразу подоспел ко мне, благо тут всего несколько шагов.

— Чего у тебя, казачок?

— Мешки нужны и парусина.

Матрос кивнул, и уже скоро тащил три мешка.

— С этой стороны клади! — крикнул я, пытаюсь отжать Беркута плечом. — Плотнее. Вот так! Как звать-то?

— Николай Сенцов.

— Вот и славно. Меня Андрей. Давай, Коля, я Беркута оттяну от досок, а ты вон те тюки поверх навесь.

Вдвоем управились быстро, и при следующем крене конь врезался уже в мягкую набивку.

Шторм не отпуская часа три, показавшиеся целой вечностью. Пока мы с Николаем возились у Беркута, на подмогу набежало больше дюжины казаков и матросов. Фадей Лукич сразу расставил всех подоспевших парами по денникам. Все занимались одним и тем же: крепили обивку, подтягивали ремни, следили, чтобы животные не ударялись о стены. А меня Лукич на весь шторм приставил к Беркуту.

Когда волнение немного поутихло, я выглянул в проход и посмотрел на Орлика. Он все так же лежал на боку. Два казака пытались помочь ему подняться, но ноги у мерина разъезжались, и он только хрипел, мотая мордой по настилу.

— Не тяните вы так, шею ж свернете! — раздался голос Лукича. — Подложите ему под бок мешок да покуда оставьте.

Наконец шторм пошел на убыль. Казаки, прибывшие на помощь, стали расходиться по своим делам. Остались только те, кто постоянно был закреплен за нашей плавучей конюшней.

Лукич присел рядом с Орликом, провел рукой по ноге, мерин дернулся, фыркнул и снова затих.

— Савелий! — крикнул Фадей Лукич. — Пройдись по денникам, посчитай лошадей, что не подымаются.

Потом окликнул матроса:

— Николай, сходи за судовым ветеринаром. Пуцай с бумагами идет, с ним будем решать. Он огляделся, ловя наши взгляды по очереди.

— Братцы, давай денники в порядок приводить. А как отпустит окончательно, уборкой займемся. Все, что промокло, на палубу, на сушку. И напоите скотину. Овса покуда давать не торопитесь, а то еще вывернет, хлопочи потом.

К нам спустился ветеринар в расстегнутом сером халате, из-под которого выглядывал темно-синий сюртук с позолоченными пуговицами Доброфлота. Фуражку с темным околышем он придерживал рукой, во второй нес потертый кожаный саквояж. Бородка клинышком, пенсне на носу.

— Здорово был, Иннокентий Викторович.

— И вам не хворать, Фадей Лукич, — ответил ветеринар, оглядываясь. — Что же вы опять не углядели за скотиной?

Фадей Лукич прищурился.

— Я, Иннокентий Викторович, в небесной канцелярии шторм не заказывал, знаешь ли. Благо из помощников никого не задавило. Кого из лошадок могли на подвесах удержать, те оклемаются. Но... — Лукич тяжело вздохнул. — Не все, батенька, не все.

— Почитай, четверых не подыдем, Фадей Лукич. Худые больно они, — подоспел Савелий.

— Ну, энто сейчас Иннокентий Викторович решит. Ему лучше знать, — сухо сказал он.

— А вы, батенька, не ерничайте, — ответил ветеринар. — Поглядим. Вот только если все так, то почитай с Одессы в вашем хозяйстве мы уже восемь голов не досчитаемся. Вынужден буду о том рапортовать.

— Так-то оно так, — сказал лошажник. — Да только я еще при первой проверке на погрузке говорил, что голов двадцать переход не сдюжат. Не довезем. Больно уж старых много. На кой ляд их вообще в такую даль было тащить? Оне ведь, даже если и дойдут, то год, много два прослужат.

— Тут уж извольте, — развел руками ветеринар. — Каков был запрос, такое и поголовье грузили. За это уж и я не отвечаю.

Ветеринар присел возле Орлика, поставил саквояж, ощупал ноги, бока, оттянул веко и почти сразу поднялся.

— Этого за борт, — сказал он сухо. — Ничем ему уже не помочь, переломало знатно.

Фадей Лукич только сжал губы.

Ветеринар сделал пометку и двинул к следующей лошади, уткнувшейся мордой в переборку. Задняя нога у нее висела неестественно.

— Под списание, — констатировал ветеринар.

Он осмотрел старую серую кобылу и снова сделал отметку.

— Эта тоже не жилец.

— Хоть пощупайте толком, авось очухается, — не выдержал Фадей Лукич.

— Понимаю... Но у нас тут не богадельня для старых калечных кляч, а перевозка казенного поголовья, которому на службу поступать.

— Вот именно, казенного, — сказал Лукич. — А казенное, выходит, можно сразу списывать?

Ветеринар прикрыл тетрадь ладонью.

— Но-но-но, попрошу осторожнее.

— Куда уж тут осторожнее. Мы тут бились, с ними как с родными, а сейчас за борт да за борт.

Они помолчали. Ветеринар первым отвел взгляд.

— Ладно, эту оставим до вечера. Ежели к ночи не подыметесь...

Лукич кивнул. Четвертый мерин лежал неподвижно в дальнем деннике, лишь грудь неровно вздымалась.

— Списывать. Тут все сразу ясно, — сказал ветеринар, сделал отметку и, захлопнув тетрадь, повернулся к Лукичу. — Сегодня ко мне зайдите. Документы приготовлю, кого активировать будем сразу. А по кобыле той завтра поглядим. Дальше сами разберетесь?

— Разберемся, — нахмурившись, ответил Фадей Лукич. — Не впервой.

Ветеринар поднял саквояж и уже хотел было идти, но остановился и посмотрел на меня.

— А это кто у вас?

— Андрей Громов, — ответил Фадей Лукич. — Он за Беркутом ходит.

— Ах да, — чуть прищурился ветеринар. — Смотрите, юноша, за этим конем глаз да глаз нужен.

Я кивнул в ответ.

— Завтра станем общий осмотр поголовья проводить, — сказал Иннокентий Викторович уже у выхода. — Распорядитесь, чтобы денники после шторма привели в порядок.

— Будет, — вздохнул Фадей Лукич.

Я занялся починкой денника Беркута. Пришлось заменить пару выбитых досок, молотком помахать. Когда с плотницкими делами закончил, выскоблил настил да свежей соломы подкинул.

— Все, Андрей, иди уж отдыхай.

— Беркуту воды дать?

— Дадим и сами. Ты на ногах еле стоишь, еще под копыта свалишься.

Спорить не стал. Погладил коня по морде и выбрался наружу.

Времени в минувшем хаосе, оказывается, прошло немало. Солнце уже приближалось к зениту. Матросы приводили палубу в порядок: стучали молотками, меняли канаты, закрепляли что-то, укрывали брезентом.

— Здорово дневали, Андрей. Как там у Лукича? — встретил меня урядник Меркулов.

— Слава Богу, Савва Игнатъич, только кишка к кишке липнет. Даже не завтракали. Люди все живы, а вот три лошадки того...

— Еще три? — нахмурился урядник. — Что же за напасть-то такая. Ладно, с Фадеем сам потолкую. Ступай поснедай да отдохнуть иди.

— Добре, — кивнул я.

Но он задержал меня рукой.

— Исмаил заходил. Просил зайти, как освободишься.

Я спустился и умылся. Видок у меня, конечно, был тот еще.

— Постираться бы тебе, Андрюха, — глянул на меня Егор.

— Есть такое, — вздохнул я.

— На вот, держи, — протянул он мне чистую исподнюю рубаху да светло-серый бешмет.

— Запасные, энто у меня. Как свои состирнешь, потом верни.

— Благодарствую, — ответил я и стал одеваться.

В денники ночью я побежал, не надев свою черкеску, так что она была более или менее в порядке. Бешмет Егора оказался великоват, но под черкеской не особо-то и заметно.

— Абиссинец, давай к столу! — крикнул Митяй.

Он сегодня у нас дежурил по камбузу и ставил на общий стол большой бак с каким-то варевом. На краю уже лежала гора жестяных мисок и мешок с сухарями.

— А пахнет-то как... — протянул я. — Давненько щи не едал. Из фиников щей не наваришь.

Савва Игнатъевич прочел молитву и перекрестил стол. Митяй разлил щи, и мы застучали ложками. Знатный горячий супец хорошо так согрел. Правда, сонливость навалилась с новой силой, но спать будем позже. Пока надо было с дядей Аркадием встретиться.

— А, Андрей, заходи, — сказал он, увидев меня на пороге.

Каюта у дяди была тесноватая, но зато отдельная. После скученности на нашей палубе казалась она почитай барской. К стене притулился небольшой столик, заваленный бумагами. Там же стоял стакан с давно остывшим чаем, в котором плавала дохлая муха. По всему видать, дядька тоже тут не баклуши бил, и присесть за эту бешеную ночь ему толком не удалось.

Он закрыл дверь, прислушался, убедился, что нас никто не пасет снаружи.

— Тяжко ночью в денниках пришлось? Лица на тебе нет.

— Есть малехо, — ответил я, садясь на край койки. — Ничего, не сахарный. Отоспаться успею.

— Добре. Удалось чего узнать?

Я пересказал ему все, что показалось важным. Дядя выслушал внимательно, пару раз скривившись.

— Про пьянство и про коня Резанова мне тоже стало известно, — сказал он. — Записку по этому делу капитану кто-то подсунул, без подписи. Но мы проверили, и подтвердилось лишь, что он и правда выиграл того коня в карты у херсонского помещика Скараманги. О том и расписка имеется, заверенная стряпчим. И квитанция об уплате портового сбора за подъем на борт «Костромы» тоже в наличии. А вот остальное...

— Чего остальное?

— Про пьянство зачем-то набрехали. Резанов офицер хоть и с гонором, но дело свое знал, службу нес исправно. А в Аден и правда ходил не раз, но отнюдь не прохлаждаться. Он по особому указанию от своего начальства сверял накладные на бункеровку углем. Нашего брата англичане дурят, да и свои подворовывать могут, тебе ли не знать. А вот пьяным его никто не видел.

Дядя Аркадий постучал пальцем по столу.

— Резанов шел во Владивосток ревизором по материальной части. Ведал расходами и закупками. Узнал я о том только вчера вечером, после осмотра его бумаг. Уголь проверил отдельно, там по накладным все ровно выходит, да и мне самому про то ведомо, он же частью и мою работу проверял. Значит, казнокрадство он в другом искал.

— А слушок, что старпом от него подарки принимал?

— Пустяки. Там безделушки с Аденского базара, и то по заказу самого старпома покупал.

— Выходит, его пытались под арест подвести?

— Именно так. Но не вышло, и кто-то решил, что мертвый ревизор уж наверняка лучше живого.

Я потер лицо ладонью.

— Дядя, меня еще кой-чего насторожило. Сегодня во время шторма некоторых лошадей шибко поломало. Судовой ветеринар глянул быстро и троих сразу пустил под списание. Да и четвертую кобылу хотел, но Фадей Лукич покуда ее отстоял. Они даже чутка повздорили.

— С Одессы, говорят, почитай семь или восемь голов уже не досчитались, — продолжал я. — А еще путь не близкий пройти надо. Иннокентий Викторович собирается рапорт писать на Фадея Лукича, мол, недосмотр за конским составом по его части имеется.

— А Фадей чего?

— Взъелся. Сказал ему, что еще в Одессе на приемке предупреждал. Мол, старых много, и они переход не сдюжат.

Аркадий Игнатьевич встал из-за стола. Видимо, по привычке хотел пройтись, но куда уж тут ходить. Потому задумался и снова вернулся на место.

— Вот, Андрей, а говоришь, что ничего не накопал.

— Не понял?

— Чего тут непонятного? Дельце верное и не больно мудреное. В Адене арабы с англичанами похуже проворачивали, не раз слышал. Они, значит, лошадей в Индию грузили. За деньги, конечно. Так вот деньги брали как за строевых крепких лошадей, а на погрузке часть

старых кляч подсовывали. Тех, что не дойдут почитай с гарантией. Ну и во время пути их под списание, а деньги казенные в карман. Ловкачи, одно слово!

— И гляди, до Владивостока путь не близкий. Десяток таких кляч легко списать, они и сами не дойдут. А хорошая строевая лошадь, какую и должны были привезти, может на сотню, а то и на две сотни рублей дороже старой клячи стоить. Улавливаешь?

— Угу. Выходит, десяток под списание, а в карман тыщу-другую положили.

— Фадей Лукич за этим один не уследит. Ему накладную дали, он подписал да по денникам развел. А потом качка, болезни, недосмотр или вон шторм, как у нас. И во Владивостоке примут уже меньше.

— Ловко придумали! — сказал я.

— Ой, Андрей, я тебя умоляю. Знал бы ты, как у нас из казны воруют. Почитай каждый первый, у кого руки дотягиваются, так что это совсем не новость, — сказал дядя и продолжил размышлять вслух. — Думаю, тут сговор нескольких человек. Сначала тот, кто отвечает за погрузку в Одессе. Потом приемщик во Владивостоке. Ну и кто-то на судне. В нашем случае это, скорее всего, ветеринар и есть. А может, еще и у того помощники имеются.

— Фадей Лукич сегодня должен к Иннокентию Викторовичу идти, бумаги по списанным лошадям подписывать.

— Вот и ладно, — сказал дядька. — Заодно посмотрим, кто еще подписывать станет, окромя ветеринара. Там же какая-никакая комиссия должна быть. Деньги-то казенные, порядок есть порядок.

— Мне с вами?

— Нет. Сами разберемся. Ты ступай отдыхай!

Когда я приложил голову к своему тюфяку, все уже почитай спали. Егор рядом выдавал носом рулады, но после такой усталости они не помешали мне моментально вырубиться.

Наутро на палубе было непривычно много народу. Почитай всех переселенцев построили, да и свободную от вахты команду тоже. Даже тесновато стало.

Перед строем появился капитан. Чуть сбоку от него держался второй помощник, Преображенский, кажись, с бумагами в руках. В стороне я заметил и дядю Аркадия с красными глазами.

Капитан оглядел палубу и кивнул второму помощнику. Преображенский сделал шаг и начал читать.

— Команда и партия переселенцев, слушать приказ!

Голоса на палубе стихли.

— Приказ по пароходу Добровольного флота «Кострома» от 20 февраля 1889 года.

— 18 февраля сего года в своей каюте был убит ротмистр гвардейской кавалерии Алексей Николаевич Резанов. При проведении расследования открылись обстоятельства махинаций, касающихся перевозки казенных лошадей, принятых на борт в порту Одессы для нужд Приамурского военного округа. В махинациях подозреваются старший помощник капитана Леонид Николаевич Туренев и судовой ветеринарный врач Иннокентий Викторович Градов. Они допустили подлог в ведомостях, воспользовавшись служебным положением.

По строю прошел едва слышный шорох.

— Ротмистр гвардейской кавалерии Алексей Николаевич Резанов был откомандирован своим ведомством ревизором для проверки подобных махинаций с казенным имуществом. Проведя проверку, он наткнулся на несоответствия, и есть основания полагать, что ротмистра устранили именно из-за этого. Ввиду открывшихся обстоятельств, для сохранения порядка на вверенном мне пароходе и до передачи дела на дознание, приказываю.

— Старшего помощника Туренева Леонида Николаевича отстранить от занимаемой должности и заключить под стражу до прихода парохода во Владивосток.

— Судового ветеринарного врача Градова Иннокентия Викторовича отстранить от занимаемой должности и заключить под стражу до прихода парохода во Владивосток. Ввиду отсутствия на пароходе иного специалиста по ветеринарной части, в случае необходимости привлекать его к выполнению прежних обязанностей в сопровождении конвоя.

— Назначить временно исполняющим обязанности старшего помощника капитана штурмана дальнего плавания Михаила Владимировича Преображенского, коему принять судовой журнал и прочий вверенный инвентарь.

— Подозреваемых в преступлении содержать под караулом до прибытия парохода во Владивосток, где они будут переданы для производства дознания в соответствующие службы военного ведомства.

— Капитан парохода Добровольного флота «Кострома», капитан второго ранга Петр Алексеевич Шестаков.

Глава 16. Цейлонское шило

Преображенский убрал приказ в папку, обвел строй взглядом и продолжил:

— До сведения команды, переселенцев из казаков и гражданских доводится следующее. Примерно через трое суток «Кострома» зайдет в порт Коломбо, остров Цейлон, для устранения последствий шторма, бункеровки угля, пополнения запасов воды и провизии. Подробные распоряжения переселенцам сообщат через старших групп, судовой команде в служебном порядке.

— Судовой команде вернуться к обязанностям. Казакам приступить к службе согласно нарядам. Гражданским переселенцам получить дальнейший инструктаж у старших своих групп. Разойдись!

Когда все стали расходиться, солнце уже успело нагреть воздух. День обещал быть невыносимо жарким. Многие переговаривались между собой, обсуждали приказ Шестакова, что-то додумывали, вставляли свои пояснения. История эта еще до Владивостока грозила обрасти подробностями.

Я отправился, как и положено, к Фадею Лукичу, но у самого спуска меня окликнул дядя Аркадий.

— Андрей, — махнул он рукой, и я обернулся. — Как наряд закончится, зайди ко мне, разговор имеется.

— Добре, — кивнул я.

В денниках стояла самая настоящая баня. Только, в отличие от парной в нашей станичной бане, да и хамама в Адене, чистотой тут отнюдь не блистало. И пахло вовсе не березовыми веничками.

Фадей Лукич сидел на перевернутом ведре возле денника, из которого совсем недавно вытащили Орлика. Видать, новости о махинациях с лошадьми его сильно подкосили. По крайней мере, отрешенный взгляд в одну точку говорил именно об этом.

Я поздоровался, а он поднял глаза, глянул на меня, молча кивнул и снова уставился в доски.

Следом за мной пришел Савелий Терехин. Он остановился возле Лукича, сняв папаху.

— Здорово ночевали, Фадей Лукич.

Лошадник и ему молча кивнул.

— Здорово был, Андрей, — Савелий подошел ко мне.

— Слава Богу, — хлопнул я Терехина по плечу.

— Ступай пока к Беркуту, — мотнул он головой в сторону. — Попробую поговорить с Лукичом.

— Андрей, погодь, — поднялся старый лошадиник. — Савелий, позови остальных сюда.

Через минуту Лукича обступили четверо казаков, пятеро мужиков-переселенцев да два матроса. Все, кого на время плавания закрепили обихаживать лошадей, были тут.

— Братцы! То, что вы перед строем слышали, я сам только сегодня узнал, — сказал он. — И ежели кто думает, что я с этими паскудами в сговоре был, пусть скажет сразу. Идти нам еще далеко, а недомолвок мне не надобно.

— Окстись, Фадей Лукич! Неужто про тебя кто так подумать может? — нахохлился Терехин. — Вон ты за каждую кобылу трясея, как за дите родное, выхаживал.

— Вот-вот, не выдумывай лишку, Фадей Лукич, — поддержал Савелия крепкий кубанец Сашка Моренченко. — Эти супостаты еще в Одессе десяток, а то и два лошадей погрузили, почитай, на убой. А те, если не гнать в такую дорогу, да у доброго хозяина еще несколько лет служили бы. И подумать, чтобы ты в этом участвовал...? Да не в жизнь не поверю!

Поддержали и остальные. Высказались все без исключения. И, надо сказать, атмосфера в денниках будто переменялась. Сплотились мы, что ли, от этой беды.

— Благодарствую, братцы, — сказал Лукич. — Как подумаю да вспомню, мерзко становится. А ведь ежели бы не ревизор Резанов, все вышло бы у этих нелюдей. И еще ведь этот паскуда дальше за лошадами глядеть станет, другого-то ветеринара взять негде.

— Так может, не подпускать его вовсе?

— Не дури, Сашка! Без ветеринара точно переход не осилим. Но звать его станем только в крайнем случае. С малыми хворями и сами сладим. Добре, братцы?

Раздались голоса в поддержку.

— Смотрите, припекать с каждым днем будет сильнее. Я уж хаживал этим маршрутом, хорошо знаю, — Лукич обвел взглядом собравшихся: хмурых казаков конной команды и присланных в помощь матросов. — Посему делимся так. Вы, казаки, денники поутру дочиستا выгребаете, это ваша забота. Места мокрые известью-пушонкой насухо пересыпайте да сухими опилками укрывайте. Никакой жижи под копытами быть не должно! А вы, флотские, проходы между стойлами смывайте забортной водой из помп и сушите. Ежели аммиаком попрет — в жарыщу эдакую лошадки глаза себе враз повыжигают, задохнутся и падеж может случиться. За закрепленной скотиной глядим в оба.

Лукич помолчал и продолжил:

— С водой, чую, скоро будет худо. Опреснители не шибко справляются. Два-три дня еще терпимо, но надеюсь, до Цейлона успеем дойти и пополниться. Потолкую о том с Преображенским. Лошадям-то воды много надо. Чтобы в бочках не тухла на такой жаре, станем уксусу немного добавлять.

Он вытер пот со лба рукавом.

— Когда самая жара пойдет, наверх ходим по двое, по очереди. Чтобы голова кругом не пошла в этой душегубке. Поднялись, матросы нас из помпы на палубе обольют, воздухом продышались — и обратно. Потом следующие. Кому подурнеет, немедля наружу. Вы, матросики, парусиновые рукава на люки натяните, чтоб хоть какой ветер сверху ловить да вниз гнать, а то на палубе ад будет. От Сингапура попроще пойдет, а пока две недели терпения набраться нужно, братцы.

Работать и вправду было тяжело. Жара изводила животину до припадков, и часто приходилось обтирать лошадей, чтобы хоть как-то облегчить им мучения.

Я как раз обихаживал Беркута, когда появился Сенцов.

— Здорово, кавалерия, — растянулся он в улыбке.

— Поздорову, Николай. Скажешь тоже, кавалерия. Сам погляди, душегубка какая.

— На вот, побалуи Беркута. Это Резанов ему в Адене брал ешо, велел каждый день радовать.

Он протянул мне холщовый мешочек с сушеными финиками.

— Так, а сам чего не дашь?

— Ну теперь ты к нему приставлен, тебе и карты в руки, — он погладил Беркута по шее. — Славный конь. И куда ж его теперь, коли хозяина в живых нет?

— Наверняка какому офицеру уйдет. Да то уже не наша забота. Гляжу, ты с лошадами ладить умеешь?

— А то, — Николай усмехнулся. — Я, пока во флот не попал, у нас в Пощупово, село такое на Рязанщине, в конюшне помощником два года работал.

— И как, многому научился?

— Да много чему, — Николай снял с крюка щетку и провел ею по шее Беркута. — Копыто проверить, трещину углядеть, подкову пригнать, ежели без коваля обойтись можно. Спину после седла смотрели, выездкой занимались. Наука непростая, чтобы по уму, то ей всю жизнь учиться надо. Вон как Фадей Лукич. А я так, больше по верхам.

— А во флот как попал?

— Как попал, как попал? — Николай пожал плечами. — Работал как раз в той конюшне, двадцать один год исполнился. Жребий тянули, через воинское присутствие меня на Балтику и отправили. Там отслужил пять лет, а потом куда возвращаться? Записался в Доброфлот. Тут, когда распределяли, сам за лошадьми глядеть вызвался. Пока тебя к Беркуту не приставили, я за ним ходил. В общем, коли помощь нужна будет, обращайся.

— Добре, благодарствую, — протянул я Николаю руку.

После наряда умылся на палубе, сменил рабочую одежду, чуть подышал свежим воздухом и пошел к дяде в каюту.

— Присаживайся, племянш, — махнул дядя и стал наливать чай.

Я рассказал, что было за день, и про разговор с Сенцовым тоже.

— Ясно. По всему видать, простой матрос, а мы его чуть в сообщники не записали. А по Градову все как мы и думали, — сказал дядя спокойно. — Ветеринар почти сразу посыпался, особенно когда при досмотре нашли липовую ведомость. Сперва вертелся ужом, а потом и на старпома вывел.

— А по Резанову сознались?

— У Градова нашли ветеринарный троакар. Доктор предполагает, что Резанова закололи этим острием, но точно определить можно только после вскрытия. Так что в убийстве пока ни один, ни второй не сознаются. С этим уже во Владивостоке будут разбираться.

Он немного помолчал, потом долил себе и мне чаю.

— Я с тобой давно хотел переговорить вот о чем. Поглядел я на тебя, Андрей, за эти дни. Вижу, голова у тебя варит, дай бог каждому. Потому решил открыться. Для пользы дела, конечно. Но все, что услышишь, на сторону уйти не должно.

Я кивнул.

— На Дальний Восток я иду по приказу. Надобно там своих людей завести, от Манчжурии до самой Чукотки. Работать, конечно, в основном по японцам да китайцам, но и других злопыхателей хватает. Японцы после реформ силу набирают, англичане масла подливают. Неспособно, одним словом. Зреет что-то нехорошее, догляд нужен.

Дядя поставил чашку на стол и внимательно на меня посмотрел.

— Учитывая твою смекалку, хочу, чтобы ты к моей службе приглядывался. Неофициально, конечно, и не сразу, но имел в виду. Сперва до крестного своего доберешься, до Степана Анисимовича Кравцова.

— Ты ведь про него почитай и не знаешь толком ничего?

— Отчего же не знаю? Про крещение свое знаю, мне батя рассказывал. Когда я родился, Степан Анисимович уже на Амуре был. Батюшка наш станичный, отца кажись отговаривал, мол, больно далеко крестный выходит, но тот уперся. Они же односумы с Кравцовым, вот и дали слово друг другу, что станут крестными отцами, как у них сыновья народятся. Вот батя слово и сдержал. Знаю, что вместо крестного ты дядя Аркадий у купели стоял и на руки меня принимал.

— Ишь ты, помнишь. Верно, так оно и было. Кравцов в шестьдесят втором, еще за десять лет до твоего рождения, отправился на Дальний Восток. Тогда много кубанцев поехало, Муравьев-Амурский командовал. Жребий в станице тянули, особо-то никому не хотелось. Бате крестного твоего, Анисиму Кравцову и «повезло». Они тогда всей семьей из станицы снялись.

Дядя помолчал, вспоминая.

— Степану, кажись, девятнадцатый год шел, аккурат в учебной сотне числился с Василием. Но и повоювать им с отцом твоим уже немного довелось к тому времени. Дружили они с Василием крепко. Когда прощались, как раз и сговорились о крещении сыновей.

Он снова взял чашку.

— Так что, как во Владивосток прибудем, стану разузнавать, куда семейство Кравцовых направили. К ним и отправишься. А уж мне потом весточку пошлешь, где обосновался. Глядишь, я к тому времени ориентируюсь, что да как на месте. Может, как раз и по службе к тебе какие дела будут.

— Добре, дядь. Мне вот только мысль одна покоя не дает.

— Что такое?

— Так курень наш в станице без пригляда остался.

— За это не переживай, Андрей. Я из Владивостока на Кубань доверенность своим людям отправлю, чтобы продали по месту все имущество, что осталось. А деньги потом тебе переводом вышлют. Глядишь, они и обустроиться помогут на новом месте.

Я слушал, задумываясь. Похоже, дядя действительно дело верное предлагал.

— Добре, там видно будет. А по службе твоей я, конечно, ничего особо не понимаю, но ежели помощь нужна, говори. Ну и учиться готов, ты только скажи, чему надо-то.

— Вот и хорошо, Андрей, — он крепко пожал мне руку. — По учебе твоей разберемся позже, а теперь ступай вечерять к своим.

Два дня в тех же делах пролетели незаметно. Только к адской жаре привыкнуть, казалось, не выйдет никогда. Даже ночью от нее спасу не было. Спали словно в парной, люки не закрывали, и редкие сквозняки оставались единственным избавлением от духоты и сумасшедшей влажности.

Поутру третьего дня «Кострома» зашла на рейд Коломбо. С палубы открывался вид на цветущий Цейлон. Сразу заметил башню-маяк, белокаменные постройки в густой зелени и темную полосу берега.

Лодок и кораблей было очень много. Огромные пароходы с дымящимися трубами, груженные баржи, лодки с гребцами в набедренных повязках, снующие туда-сюда между бортами.

«Кострома» сбавила ход. Вскоре загремела якорная цепь, и наш пароход встал на рейд. Прошло буквально несколько минут, как нас окружило несколько десятков лодок. Плавающий базар с кричащими торговцами наперебой предлагал товары и дружно атаковал новую жертву.

Нас построили, провели переключку и отпустили по местам.

— Андрей, — перехватил меня дядя, когда я уже по привычке направился к Лукичу. — Пойдешь сегодня со мной на берег. С урядником Меркуловым я договорился.

— На берег?

— А чего так глаза таращишь? — усмехнулся дядька. — Мне в телеграф надобно, вот компанию и составишь.

Нас переправили в шлюпке с пятеркой матросов. Над темным причалом, к которому мы пристали, громоздились склады с красными черепичными крышами.

Это был не Аден, но портовая суета от той мало чем отличалась. Задерживаться мы не стали и направились в контору, где располагался телеграф. Белое здание с высокими колоннами и огромными окнами стояло на главной портовой улице.

Сойдя на каменные ступени, мы очутились в уже привычной портовой толчее. В воздухе висел запах большого колониального порта: соль, угольный дым, пряности, пот, нагретый камень. Шагнув внутрь здания, мы наконец попали в спасительную прохладу.

Дядя Аркадий заполнил бланк телеграммы, выводя буквы старательно. Передал его чиновнику в светлом мундире. Тот надел очки, пробежал глазами по строкам и сообщил стоимость. Дядька рассчитался серебром и мелкой медью, после чего мы снова очутились на изнуряющей жаре.

— Все, Андрюха, — сказал он, надевая фуражку. — Теперь можно и прогуляться.

Пройдя по улице, мы уперлись в сплошной торговый ряд. Лавки стояли тесно, навесы смыкались над головами пестрым ковром. От товаров рябило в глазах. Ткани свисали с пере-

кладин, медная посуда громоздилась пирамидами, кривые кинжалы и длинные ножи с костяными рукоятками соседствовали с резными статуэтками из темного дерева.

У одной из лавок дядька остановился рядом с грудой зеленых плодов. Не то дыня, а может и местный арбуз.

— Андрей, ну-ка глянь.

Я подошел ближе. Старый торговец с седой бородой, ловко одним взмахом своего изогнутого тесака, снес верхушку одного из плодов.

Он протянул дядьке вскрытый шар. Из него выплескивалась чуть мутноватая, светлая жидкость. А внутри виднелась белая мякоть.

Дядька первым сделал глоток и передал плод мне. Нектар был сладковатым и холодным. Я выпил все залпом и почувствовал, как жара отступила. Дышать стало намного легче.

— Так тут этими кокосами и спасаются от жары, Андрей, — сказал дядька. Одним таким орехом жажду надолго можно утолить. Мякоть, кстати, тоже съедобная.

Дядька бросил торговцу пару монет и взял еще три кокоса с собой. Далее мы остановились у прилавка с чаем. Он, конечно, у них совсем другой, не такой, как я привык видеть.

Крупный лист с терпким ярким запахом, еще казалось дымком и какими-то сушеными фруктами отдает. Хозяин насыпал щепотку на ладонь дяди, и тот, понюхав, принялся торговаться.

— Чайку прикупить решил? — спросил я.

— Это да. Потом будешь пить и вспоминать про Цейлон. На, держи, — передал он мне небольшой холщовый мешочек. — Крестного порадуешь.

Потом была лавка шорника. Здесь на любой вкус имелись уздечки, подпруги, седла и прочая сбруя. Среди всего этого многообразия я заметил добротный чумбур, кажись из кожи буйвола, почти черного цвета. Хорошая двойная прошивка, нити вошьенные, пряжка латунная. Я снял его с крюка и залюбовался.

— Для чего тебе? — спросил дядька. — Коня-то куда у тебя нет.

— Беркуту бы подошел, — сказал я. — У него старый уже, потертый. Ну да ладно.

Я повесил чумбур на место.

— Гляжу прикипел ты к Беркуту?

— Есть немного. Справный конь, норовистый, конечно, но умный. А теперь и непонятно куда его...

Дядька шагнул к прилавку и сам снял чумбур. Жестом спросил торговца о цене. Тот затараторил, заискивающе улыбаясь.

— Дядь Аркадий, я ж не просил.

— А я и не говорил, что ты просил, — перебил он и сунул сверток мне в руки. — Держи, будет Беркуту обнов.

До вечера мы еще ходили по городу. Повидать удалось многое: и английский форт, и дома местных жителей. Попробовал жареные бананы, гадость редкостная. Насмотрелся на пестрые наряды женщин и мужчин.

Когда вернулись, на «Костроме» уже зажигали фонари. Мы отметились о прибытии в журнале и дядька, зевнув, повернулся ко мне.

— Все, Андрей, завтра если получится, еще в город ходим. А пока иди отдыхай.

Он ушел, а я собрался к себе, но глянул на сверток с чумбуром в руках, не удержался и развернувшись, двинул к Беркуту.

В денниках было пусто и темно. Лишь пара масляных фонарей в проходе давала немного света. Один из дневальных, дежуривших этой ночью, увидев меня, махнул рукой и отвернулся.

Я направился к деннику Беркута. Конь узнал меня и тут же потянулся мордой к протянутой руке.

— Здорово. Вот, погляди какой подарок привез.

Беркут покосился на ремень, понюхал кожу и вернулся к ладони, клянча угощение. Я дал ему черствый сухарь и принялся снимать старый чумбур. Ремни тугие, пряжка ржавая, потому пришлось повозиться.

Примерив новый, понял, что, кажись, промахнулся с размером. Чтобы застегнуть пряжку, не хватало самой малости, буквально на полпальца. Я попробовал надавить на ремень ножом, когда за спиной раздался знакомый голос:

— Так ты его только испортишь.

Я обернулся и увидел Сенцова с закатанными рукавами.

— Ты чего тут, Николай?

— Смена у меня ночная, — ответил он, подходя ближе. — Фадей Лукич велел присмотреть. А ты, гляжу, с берега трофей принес?

— Да вот приглянулся. Для Беркута взял.

Сенцов подошел, взял чумбур из моих рук и уважительно хмыкнул.

— Знатная вещь, из Индии, поди.

Он оглядел ремень, отошел к ящику с инструментом и вернулся с шилом. Положил чумбур на доски, примерился и одним коротким, точным движением пробил толстенную буйволиную кожу.

Видать, делал это уже много раз.

«Много раз», — пронеслось у меня в голове.

И тут мысли по поводу убийства Резанова сложились в одну картину. Тот, кто его убил, должен был обладать нужной сноровкой. Не просто ткнуть железом куда попало, а ударить точно. Смертельный удар вполне можно было нанести вот таким же шилом. Холеные руки ветеринара Градова и его тщедушная комплекция к такому не особо располагали.

Настоящий убийца стоял предо мной.

Я замер всего на миг, но этого хватило. Наши взгляды с Николаем встретились, и он похоже понял, что, только что раскрылся. На лице его появилась улыбка, постепенно переходящая в оскал. А рука с зажатым шилом стала медленно поворачиваться ко мне.

Тут уж я сработал на опережение, похоже полностью на рефлексах, доставшихся мне от Андрея Добрецова.

Сделал подшаг к матросу. Короткий удар ребром ладони по шее, целя в сонную артерию. Сенцов даже блок поставить не успел и сразу захрипел, схватившись за горло.

Шило упало и покатилося по доскам, а следом начал оседать и сам матрос.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.